

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!

Письма (1832)
Федор Михайлович Достоевский

Достоевский Федор Михайлович
Письма (1832)

1832

1. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ
29 июня 1832. Даровое

Мы все свидетельствуем Вам глубочайшее наше почтение и целуем Ваши ручки,
дражайший папенька: Михайла, Федор, Варвара и Андрюша
Достоевские.
1832-го года июня 29 дня.

1833

2. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ
23 августа 1833. Москва

Любезнейшая маменька!
Мы уже приехали к папеньке, любезнейшая маменька, в добром здоровье.
Папенька и Николенька также находятся в добром здоровье. Дай бог, чтобы и
Вы были здоровы. Приезжайте к нам, любезнейшая маменька, остальной хлеб,
я думаю, не долго убрать, и гречиху, я думаю, Вы уже понемногу убираете.
Прощайте, любезная маменька, с почтением целую Ваши ручки и пребуду Вам
покорный сын
Федор Достоевский.

1834

3. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ
Апрель–май 1834. Москва

Любезная маменька!

Когда Вы уехали от нас, любезная маменька, то мне стало чрезвычайно скучно, и я теперь, когда вспомню о Вас, любезная маменька, то на меня нападет такая грусть, что я никак не могу ее прогнать, если б Вы знали, как мне хочется Вас увидеть, я не могу дождаться сей радостной минуты. Всякий раз, когда я вспомню о Вас, то молю бога о Вашем здравии. Уведомьте нас, любезная маменька, благополучно ли Вы доехали, поцелуйте за меня Андрюшеньку и Верочку. Целую Ваши ручки и пребуду покорный Вам сын Ваш

Ф. Достоевский.

1835

4. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ
9 мая 1835. Москва

Любезная маменька!

Вот уже в третий раз мы уведомляем Вас письменно о том, что мы, слава богу, здоровы и благополучны. Нынче, то есть в четверг, по причине праздника папенька нас взял домой, и мы все вместе только без Вас, любезная маменька. Жаль, что мы еще так долго должны быть с Вами в разлуке; дай бог, чтобы сие время прошло поскорее. У нас погода очень дурна, я думаю, что и у Вас всё такая же, и я думаю, Вы не наслаждаетесь весной; какая скука быть в деревне во время худой погоды. Я думаю, что (1) Верочке с Николенькой еще скучнее и что Николая не играет (2) в лошачков, как бывало прежде со мной. Жалко Алену Фроловну, она так страдает, бедная, скоро вся исчезнет от чахотки, которая к ней пристала. Прощайте, маменька. В ожидании Вас скоро увидеть остаюсь покорный сын Ваш Федор Достоевский

и Андрей Достоевский.

P. S. Не забудьте поцеловать Верочку с Николенькой.

(1) далее было: и

(2) далее было: со мною

5. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ
16 мая 1835. Москва

Любезнейшая маменька!

Душевно радуемся, что можем хотя в нескольких строках поговорить с Вами. Нынче провели мы у папеньки; ходили к маменьке крестной, где нам было довольно весело. Варенька просила нас, чтоб мы за нее расцеловали в письме у Вас ручки. Скоро у нас будет экзамен, и теперь мы к оному готовимся, после коего, может быть, скоро с Вами увидимся, о! как приятна будет та минута, когда мы прижмем Вас к нашему сердцу. Прощайте, любезная маменька, пожелав Вам всего лучшего в мире, честь имеем пребыть покорные дети

Михаил, Федор, Андрей Достоевские.

Верочку и Николеньку за нас поцелуйте.

6. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ
19 мая 1835. Москва

Любезнейшая маменька!

Душевно радуемся, что хотя несколько строк можем к Вам написать; как сладостны для нас Ваши письма, с каким нетерпением ожидаем мы оные от Вас, чтобы узнать, здоровы ли Вы, любезная маменька, и как-то поживаете в разлуке от нас. Сейчас мы ходили в Марьину рощу с папенькой и досыта нагулялись. Сегодня у нас была маменька крестная с Варенькой, которая целует у Вас ручки, и с нею мы все, целуя Ваши ручки, честь имеем пребыть покорные дети Ваши

Михаил, Федор, Андрей Достоевские.

Р. С. Верочку и Николеньку целуем и желаем, чтоб они были здоровы.

7. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ
26 мая 1835. Москва

Любезнейшая маменька!

Очень радуюсь, что Вы по всеблагому промыслу создателя находитесь в хорошем здравии. Сии два дня, то есть троицын и духов, мы проводим дома у папеньки. Погода у нас, я думаю, такая же, как и у вас, все сии дни стояла всё переменчивая, но суббота и нынче прекрасная, хотя и был большой дождь, но (1) во время ночи, и погода после сего освежилась и сделалась превосходная, но я не думаю, что сей дождь не был у вас, ибо он не окладный. - Экзамен наш будет по-прошлогоднему в конце июня, и посему мы лишаемся надежды вскоре Вас увидеть. Пишете Вы, что детям весело и что Николая даже потолстел: так теперь погода самая хорошая, и, следственно, он может ею наслаждаться на чистом воздухе; поцелуйте их за меня, скажите, чтобы они были умники и что мы к ним скоро приедем. Прощайте, любезная маменька, более писать нечего; остаюсь покорный сын Ваш

Федор Достоевский

и Андрей Достоевский.

(1) было: но это

8. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ
2 июня 1835. Москва

Любезная маменька!

Душевно радуемся, видя из письма Вашего, что Вы, слава богу, здоровы. Что же касается до экзамена, то он будет наверно 24 июня, и мы теперь к оному приготавливаемся. Погода у нас вчера и нынче прекрасная; и теперь собираемся с папенькой гулять. Прощайте, дражайшая маменька, пожелав Вам доброго здравия и расцеловав Ваши ручки, честь имеем пребыть дети Ваши Михаил, Федор, Андрей Достоевские.

Верочку и Николеньку поцелуйте.

9. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ
23 июня 1835. Москва

Любезнейшая маменька!

Очень рады, что имеем случай хотя в нескольких строках пожелать Вам доброго здоровья и всякого бла<го>получия; что же касается до нас, мы все, слава богу, здоровы. Теперь мы уж с самой пятницы у папеньки дожидаемся экзамена, имеющего быть в понедельник. Поцелуйте за нас Николеньку и Верочку. Прощайте, любезнейшая маменька, расцеловав Ваши ручки, честь имеем пребыть покорными детьми Вашими
Михаил, Федор, Андрей Достоевские.

1837

10. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ
3 июля 1837. Петербург

Петербург. Июля 3-го дня.
Любезный папенька!

Письмо Ваше мы получили. Как редки и зато как дороги для нас эти письма. По целым неделям ждем их, и зато какая радость, когда мы их получим! Кроме Ваших писем я еще довольно часто получаю от Кудрявцева. Вы здоровы - слава богу! Если б только Он дал, чтоб дела Ваши устроились! Да, Он даст, Он ниспошлет и на нас милость свою. До сих пор, видимо, покровительствовал Он нам во всех предприятиях. Станем надеяться на промысел Его - и всё пойдет своим чередом. О себе скажем мы, что мы, слава богу, здоровы - вещь самая обыкновенная. Дела у нас идут своим порядком (1) хорошо. То занимаемся геометрией и алгеброй, чертим планы полевых укреплений: редутов, бастионов и т. д., то рисуем пером горы. Коронад Филиппович нами очень доволен и к нам особенно ласков. Он купил нам отличные инструменты за 30 рублей монетою, и еще краски за 12 рублей. Без них обойтись никак не было возможно; потому что планы всегда рисуют красками, а теперешние товарищи наши слишком скупы, чтоб могли ссудить нас. Посторонних расходов у нас никаких нет, кроме разве (2) что на бумагу для письма и для планов, ибо мы уже начнем подготавливать их к экзамену, а на это очень смотрят, и это более всего содействует к принятию. На этой неделе начали мы и артиллерию; она также необходима ко второму классу. Из этого Вы теперь, любезный папенька, можете видеть, могли ли мы вступить без приготовления в училище!

Книги мы только нынче получили с почты и оттого не сейчас отвечаем на письмо Ваше. Как много, много мы Вам за них благодарны! Получили мы их все в целости. Целуем у Вас за них премного раз ручки!

На прошлой неделе видели мы прежнего товарища нашего Гарнера и Весселя. Они приходили к Коронаду Фил<ипповичу> прощаться, ибо отправлялись в лагери в Петергоф. Ныне день рождения К<оронада> Ф<илипповича>. Погода теперь прекрасная. Завтра, надеемся, она также не изменится, и ежели будет хороша, то к нам придет Шидловский, и мы пойдем странствовать с ним по Петербургу и оглядывать его знаменитости. Кстати о нем. Он просил меня

написать к Вам, получили ли Вы его письмо и "Земледельческую газету"? Он свидетельствует Вам свое почтение.

Теперь о себе. Сыпь видимо проходит и к экзамену, наверно, совершенно пройдет. Что ж касается до другого, то этого никто не примечает. Об этом совершенно будьте покойны. Еще не было ни одного примера, чтобы от К<оронада> Ф<илипповича> кто-нибудь не поступил в училище. Коронад Филиппович свидетельствует Вам свое почтение. Уж одиннадцать часов! Пора спать! Добрая ночь! Прощайте.

С истинным почтением и сыновнею преданностию честь имеем быть дети Ваши Михаил и Федор Достоевские.

Поцелуйте за нас Андрюшу, Николу, Верочку, а особливо Сашурку.

Насчет денег я говорил Коронаду Филипповичу. Он сказал, что для него всё равно; наговорил несколько вежливостей - что обыкновенно при таких случаях бывает. Да что он мог говорить? Неужели он мог сомневаться? Я не знаю, зачем стал он Вас за этим беспокоить.

Напишите, сделайте милость, любезный папенька, долго ли Вы пробудете в Москве. Я думаю, Вы теперь беспокоитесь, хлопочете, и всё это через нас!! Чем мы возблагодарим Вас за это!

Вместе с Вашим письмом мы пишем и к тетеньке. Кажется, довольно вежливо.

(1) было: чередом

(2) далее было: того

11. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ
23 июля 1837. Петербург

С.-Петербург. Июля 23 дня.
Любезнейший папенька!

Сегодня суббота, и мы, слава богу, имеем время Вам написать хоть несколько строк: так мы заняты в продолжение всего времени. Вот уже близко к сентябрю, а вместе с этим и к экзаменам, и мы не можем потерять ни минуты в неделю. Только в субботу и в воскресенье мы бываем свободны; то есть Коронад Филиппович нам ничего не показывает в эти дни; а следовательно, только теперь сыскали время поговорить с Вами письменно. Математика и науки идут теперь у нас чередом; также фортификация и артиллерия. По воскресеньям и субботам мы чертим планы и рисунки. Почти каждый день занимается со всеми Коронад Филиппович, и с нами двоими и особенно, потому что из всех, у него приготавлиющихся, только мы хотим вступить в 2-й класс, а все прочие - в низший. Коронад Филиппович на нас надеется, более нежели на всех 8-рых, которые у него приготавлиются. Скоро мы начнем учиться фронту у унтер-офицера, которого пригласил Коронад Филиппович, и займемся этим до самого вступления, то есть до декабря месяца. На фронт чрезвычайно смотрят, и хоть знай всё превосходно, то за фронтом можно попасть в низшие классы. И притом этим одним мы можем выиграть у его высочества Михаила Павловича. Он чрезвычайно любитель порядка. Итак, судите же, сколько мы должны этим заняться, несмотря на то что после сентябрьского экзамена все должны ходить в Инженерный замок учиться фронту. - Что-то будет? Теперь одна надежда на бога. Мы не преминем приложить всё свое старанье. Теперь у вас идет в деревне уборка хлеба, а это, как мы знаем, самое любимое для Вас занятие; мы не знаем, каков-то в вашей стороне урожай, какова-то у вас погода? Что касается до петербургской, то у нас

прелестнейшая, итальянская. С Шидловским мы еще не видались и, следовательно, не могли ему отдать Вашего поклона. Что-то подельвают в деревне наши братцы и сестрицы? Все, должны быть, досыта нагулялись, набегались, налагомились ягодами и загорели. Сашенька, думаем, чрезвычайно как подросла; ей полезен свежий воздух. Варенька, наверно, что-нибудь рукодельничает и, верно уж, не позабывает заниматься науками и прочитывать "Русскую историю" Карамзина. Она нам это обещала. Что касается до Андрюши, то, наверно, он, и среди удовольствий деревни, не позабывает истории, которую он бывало и частенько ленясь <?> плохо знал. Осенью Вы повезете его, по-видимому, в Москву, к Чермаку, на порожнее место. - Так! Еще долго Вам будет пещись о воспитанье детей: нас у Вас много. Судите же, как мы должны просить бога о сохраненье Вашего драгоценного для нас здоровья. С глубочайшим почтеньем и преданностью пребываем Вас сердечно любящие Михаил и Феодор Достоевские. Поцелуйте за нас всех братцев и сестриц.

12. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ
6 сентября 1837. Петербург

С.-Петербург. Сентября 6-го дня 1837 года.
Любезнейший папенька!

Долго мы не писали к Вам, и наше долгое молчанье, должно быть, приносит Вам немало беспокойства, а особливо в таких обстоятельствах. Мы (1) теперь только нашли время уведомить Вас, так заняты; экзамен близко, беспрестанные приготовления; всё совершенно сбивает с толку. 1-го сентября, как объявлено было в программе от Инженерного училища, мы должны быть представлены в замок. Мы явились все в назначенный срок и были представлены Коронадом Филипповичем инспектору Ломновскому и генералу Шарнгорсту, главному начальнику Инженерного училища. Генерал обошелся со всеми ласково, и всем приказано быть в готовности; ибо нас довольно часто будут призывать в Инженерное училище. Такая скука! Вот сейчас пришла бумага от генерала к Коронаду Филипповичу, чтобы нас всех представили в Инженерное училище. Не знаю для чего. Кажется, для аттестатов; ибо генерал приказал принести аттестаты от прежних заведений, где кто находился. Насилу дождалась главного экзамена, который назначен 15-го числа. Всех кандидатов 43. Мы так рады, что так мало. Прошлого года было 120, а в прежние года 150 и более. И ученики Костомар<ова> всегда были одни из первых. Что же ныне, когда так мало! Правда, комплект есть 25, но, кажется, довольно забракует; ибо все, по-видимому, пустые люди, и все в четвертый класс. Они, по-видимому, чрезвычайно боятся учеников Костомарова. Всем нам такое уваженье. Что-то дальше? Уже долго и мы об Вас не имели никакого известия. Но мы и утруждать не смеем Вас в Ваших занятиях. Это письмо придет к Вам в то время, когда уже будет решаться наша участь, то есть будет настоящий экзамен. В будущем письме постараемся уведомить обо всем. Теперь наши занятия утроились. Самое время не поспекает за нами. Всегда за книгой. Ждем не дождемся экзамена. Теперь пишу к Вам на почтовых. Сколько дел после письма. Не больше 1/4 часа я писал к Вам его. - Еще скажу Вам, что принуждены были купить новые шляпы к экзамену; это нам обошлось в 14 р. С Шидловским мы не видались долгое время. Только нынче провели с ним час в Казанском соборе. Нам это хотелось давно; особенно перед экзаменом. Шидлов<ский> и

Коронад Фил<иппович> Вам кланяются. Прощайте до будущего письма. Честь имеем пребыть всегда Вас любящие сыновья
Михаил и Феодор Достоевские.

(1) было: Но мы

13. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ
27 сентября 1837. Петербург

27 сентября.

Любезный папенька!

Давно уже не писали мы к Вам, ожидая конца экзамена, который должен был решить судьбу нашу.

Еще прежде экзамена, на докторском смотре, сказали, что я слаб здоровьем; но это была только пустая оговорка. На это они не имели никакого основания, кроме разве того, что я не толст. Да и что могли они сказать, когда они не могли заметить ни одного из моих недостатков, потому что нечистота лица прошла, а на другое они и не взглянули. Впрочем, на эти недостатки они и не смотрят, ибо нынешний же год они приняли многих, у которых гораздо можно было бы больше заметить. Главная же причина, во-первых, должна быть та, что мы оба брата вступаем в один год, а другая та, что мы вступаем на казенный счет. Более я ничего не могу придумать. Отозвались же они так, что я не в состоянии буду перенести всех трудностей фронта и военной службы, тогда когда здоровье мое совершенно позволяет мне быть уверенну, что я могу перенести еще гораздо более.

Много слез стоило мне это – но что же было мне делать? Я надеялся, что еще можно будет как-нибудь это сладить. Да и К<оронад> Ф<илиппович> меня обнадеживал и уговаривал. Генерал с своей стороны, увидев мое свидетельство, готов был принять меня, ежели б на это был согласен доктор. Впрочем, это еще можно очень поправить. Время терпит. Они принимают еще и в январе. Главное дело теперь состоит в том, чтобы иметь свидетельство от какого-нибудь хорошего доктора, который бы поручился в моем здоровье. Кто же лучше может это сделать, как не М<ихаил> А<нтонович> Маркус. Он в Петербурге имеет большой вес. Притом же он в этом месяце, как слышно, должен быть в Москве. Одно его слово может переменить всё дело. Меня приняли бы в училище и без того, но боятся, ибо нынешний год – чего никогда не бывало – умерло у них пять человек. Генерал очень добрый человек. К<оронад> Ф<илиппович> советует написать Вам к нему письмо, в котором Вы бы попросили его допустить меня к экзамену и упомянули, что мы просили государя. Брат держал экзамен с честью. Мы наверно полагали, что он будет в числе первых, ибо ни у кого почти нет более его баллов. Из геометрии, истории, французского и закона он получил полные баллы, то есть 10. Из прочих всех по 9. Чего почти ни у кого не было. Несмотря на всё это, он стал 12-м; ибо теперь, вероятно, смотрели не на знания, но на лета и на время, с которого начали учиться. Поэтому первыми стали почти все маленькие и те, которые дали денег, то есть подарили. Эта несправедливость огорчает брата донельзя. Нам нечего дать; да ежели бы мы и имели, то, верно бы, не дали, потому что бессовестно и стыдно покупать первенство деньгами, а не делами. Мы служим государю, а не им. Но это еще ничего, потому что личное достоинство никогда не затмится местом, и если он стал не первым – чего он совсем не заслужил, – то в училище он может быть первым. Главное же дело состоит в том, что генерал объявил, что нет ни одной казенной вакансии;

след<овательно>, несмотря на разрешение государя, принять его не могут на казенный счет. Беда, да и только! Где же взять нам теперь 950 р.? Неужели отдать последнее? Вы уже и так всё отдали, что имели. Боже мой! Боже мой! Что с нами будет! Но Он нас не оставит. Одна надежда на Него.

Еще хорошо, что (1) довольно времени всё это обделать. Может (2) быть, (3) всё это устроится к лучшему. Будем молиться богу! Он не кинет бедных сирот! Еще много у него милости. Прощайте. Берегите себя: будьте здоровы. Вот желание любящих по гроб детей Ваших.

Михаил и Федор Достоевские.

Кланяйтесь от нас почтенному Федору Антоновичу. Скажите, что мы просим тысячу раз у него прощенья за то, что еще ни разу к нему не написали. Времени совершенно до сих пор не было свободного. Насилу урывались написать к Вам несколько строк.

(1) далее было: еще

(2) далее было: еще

(3) далее было: что

14. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ
8 октября 1837. Петербург

Петербург. Октября 8-го дня.

Любезнейший папенька!

Нынче получили мы вдруг два письма; одно от Вас; другое от тетеньки. Боже мой! как горько было узнать нам, что Вы еще не получили от нас ни одной строчки. Мы не понимаем, отчего бы это было; от неисправности ли почты или от неверного доставления на почту; потому что наш человек на это не слишком хорош. Еще сейчас после 15 сентября Коронад Филиппович написал письмо к Вам в Даровую. Мы полагали, что оно дошло (1) туда во время Вашего отсутствия в Москву; между тем, как теперь видим из письма Вашего, Вы его совсем не получили. В Москву же мы не писали, дожидаясь конца экзамена, который продолжался с лишком 2 недели и кончился для брата очень благополучно. Он уже совершенно принят и ходит теперь учиться фронту. Сегодня представляли всех вступающих в Г<лавное> и <нженерное> у<чилище> великому князю Михаилу Павловичу, и этот смотр, которого все очень боялись, кончился очень благополучно. После же конца экзамена Коронад Филиппович и мы сейчас же отправили письмо к Вам и к тетеньке, в котором описали всё подробно; но оно Вас, вероятно, не застало уже в Москве. Впрочем, думаем, что оно уже дошло к Вам. Боже мой! знали ли мы, что это так случится. Милый, любезный папенька! сколько огорчений делаем мы Вам! Будем ли мы в состоянии хоть когда-нибудь возблагодарить Вас! Когда придет это время, время, когда мы будем в состоянии радовать Вас? Каждый день я молюсь со слезами богу (2) об этом. Что же делать, когда для нас суждены одни только неудачи! Но еще есть надежда, что все это примет другой, лучший оборот. Пишете Вы, что мы ведем переписку с Кудряв<цевым> и Ламовским. К последнему мы не писали ни одного письма, потому что мы с ним коротко совсем не знакомы. А к Кудрявцеву я не писал уже больше чем полтора месяца, хотя я (3) получил от него несколько писем.

От тетеньки получили мы нынче письмо - ответ на наше, которое послали вместе с письмом к Вам, Они очень об нас жалеют и хотят непременно внести за нас плату по 950 руб. за каждого, ежели Вы только это позволите. Это нас очень удивило, тем более что в нашем письме мы совсем об этом и не

намекали и совсем (4) не просили. Позвольте это им сделать именно только для нас; В будущем письме мы ждем от Вас ответа. Для них это ничего не будет стоить, а для нас это будет иметь большое влияние на судьбу нашу. Притом же до сих пор для нас они ничего не сделали; так пусть по крайней мере на этот случай, можно сказать критический, они одолжат именно только меня с братом. Без этого же брату взойти в корпус совершенно невозможно, ибо он уже и расписался в уплате этих денег; иначе он бы сейчас же лишился права на вступление, и его бы место было занято другим. Может быть, наши грешные молитвы дошли до бога, и дело наше принимает оборот несколько лучший. Что же касается до меня, то это также не трудно поправить. Коронад Филиппович и все наши советуют мне поступить прямо в так называемые инженерные юнкера, что нам почти ничего не будет стоить. А это совсем не хуже Инженерного училища. Через 2 года по крайней мере я могу быть офицером; по крайней мере, а то и через 1 1/2 или через год; ибо это будет зависеть от экзамена. Эти юнкера живут также в Инженерном замке, а те, которые захотят жить у себя, то обыкновенно живут дома. Содержание всё казенное. Должность их состоит в том, что они чертят планы, летом присутствуют при постройках. Учатся же они сами по себе. Но это совсем не беда, потому что я сам теперь даже могу держать экзамен в офицеры. Там требуют алгебру до неопределенных уравнений, геометрию и тригонометрию, что я уже и проходил, фортификацию, артиллерию, что я уже и теперь несколько знаю, но имею средства сам по себе приготовить, брав записки у кондукторов (из них мне много коротко знакомых). И еще требуют архитектуру. Это также я могу приготовить, читав хорошие книги. И так через год или много через 2 я буду точно таким же офицером, каким бы я был, вышедши из Инженерного училища, с тою только разностию, что чин подпоручика там (в И<нженерном> у<чилище>) я могу получить через год по экзамену, ежели только я бы хорошо учился, а здесь прослужив прапорщиком должное время. Для приготовления и вообще для занятия я буду иметь свободное время после обеда, ибо только утром я буду тогда на службе. Судите сами, как это хорошо, и притом это ничего не будет тогда стоить. Даже мундир один и тот же, как и кондукторов. Здесь я могу гораздо скорее быть офицером, нежели в Инженерном училище. А мне только это и нужно. Впрочем, это можно всегда сделать, ибо теперь есть довольно там вакансий. Но, (5) может быть, еще можно будет вступить и в Инженерное училище. Пусть всё устраивается так, как угодно богу. Он делает всё к лучшему и верно устроит и наше дело. Об одном только просим Вас, любезный папенька! не огорчайтесь этим; верьте, что бог это устраивает также для нашего счастья. Может быть, вступив в Инженерное, я много бы должен был перенести несчастий. Я всегда буду молиться богу, и он не оставит нас. Прощайте, милый, любезнейший папенька! Еще, ради бога, не огорчайтесь. Всё устроится к лучшему. С сыновнею любовью и преданностию, честь имеем пребыть послушными сыновьями Вашими

Михаил и Феодор Достоевские.

Ради бога, уведомьте нас сейчас по получении нашего письма. Тогда мы будем немедля писать к тетеньке.

Сестер и брата Николочку целуем.

К<оронад> Ф<илиппович> и Иван Николаевич Шидловский кланяются Вам.

(1) далее было: до

(2) далее было начато: что<бы>

(3) далее было: уже

(4) было: не только что

(5) было: Впрочем

15. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ
3 декабря 1837. Петербург

Петербург. 3 декабря. Пятница.
Любезнейший папенька!

Нынче получили мы письмо от Вас, и вместе с ним и деньги 70 руб., деньги, орошенные потом трудов и собственных лишений. О как они для нас теперь дороги! Благодарим, благодарим Вас от всего сердца, которое вполне чувствует всё, что Вы для нас делаете.

Вам, может быть, покажется странным, отчего мы только теперь получили письмо Ваше. Повестка о деньгах пришла еще к нам на прошлой неделе в субботу; во вторник только К<оронад> Ф<илиппович> расписался и только нынче взял деньги с почты. Вы пишете, любезнейший папенька, что не получали ответа на последние 2 письма Ваши, но мы вот уже полтора месяца как пишем аккуратно раз в неделю. Не знаю, получили ли Вы то письмо, в котором я, в приписке, уведомлял Вас, что я справлялся в канцелярии насчет письма генералу Шарнгорсту. (1) Присланных Вами денег для нас за глаза довольно. Нынче я говорил с Коронадом Филиппов<ичем>, он уверяет меня, что в том никакого нет сомнения, что я буду принят. Впрочем, я его просил сам, чтоб он обо всем уведомил Вас сам; и он мне это обещал, сказав, что он наперед узнает обо всем до меня касающемся в воскресенье. На нынешней неделе, тому дня с три, призывал он меня к себе и сказал, чтоб я непременно написал Вам, чтоб Вы не беспокоились насчет денег. Что он не будет Вас больше об них беспокоить, ежели я, сверх его чаяния, пробуду у него и первые числа января. Следовательно, он теперь для себя должен стараться меня поскорее спровадить. Впрочем, не думает ли он, под этим благородным предлогом, как-нибудь отклонить с нашей стороны требование 300 (сот) рублей! Бог его знает! Только он мне ручается за мое поступление и приказывает приготовить поболее фортификационных и архитектурных чертежей. Эти кондукторы живут или в Инженерном замке, или в Петропавловской крепости, что за Невоею. Он хочет как-нибудь поместить меня в Инж<енерный> замок, в чертежный департамент. Это будет еще лучше. Просьбу он подаст в декабре, причины этому я излагал в прошлом письме. Ежели б мне бог позволил вступить туда, мне было бы очень хорошо. Через год я был бы офицером, а там широка дорога.

К<оронад> Ф<илиппович> просил у генерала, чтоб он позволил брату держать экзамен в 3-й класс. Генерал позволил. Он держит экзамен прекрасно. Математика уже сошла с плеч его как не надо лучше. Из закона также. Остается география, история и фортиф<икация>, но и это, надеемся, пройдет очень хорошо. Поверите ли, из фортификации и артиллерии не хотят и экзаменовывать, потому что начнут с начала в 3-м классе. Следовательно, 300 руб. были К<оронаду> Ф<илипповичу> ни на что не нужны. Впрочем, до сих пор он их не тратит, кроме 10 руб., которыми ссудил он нас.

Вы пишете, любезнейший папенька, что мы переписываемся с Куманиными. Так. Но ежели бы Вы знали, что я пишу к ним всё то же, насчет денег, что и к Вам. Они же пишут к нам всякий вздор. Только об делах. Иногда укоряют меня в неоткровенности, что я не описываю им подробно об инженерн<ых> юнкерах. Но, ей-богу, иногда позабудешь, а иногда и сам еще хорошо не разузнаешь. Да и какая может быть тут неоткровенность? Смешные люди! Деньги за брата уже внесены и квитанция уже взята. Недавно получили мы от них письмо, в котором между прочими недальновидными расспросами пишут, что уже давно не получали от Вас никакого известия. Вообще письма их

наполнены только одними расспросами, о делах, которые мы предпринимаем, о подробностях этих кондукторов. Письма их состоят из нескольких строк. Редко в 2 страницы. Пишет Алек<сандр> Алексеев<ич>. Величает нас по имени и отчеству. Прощайте. Будьте здоровы! и сколько можно счастливы. О том молят бога дети Ваши

М. и Ф. Достоевские.

Этих денег для нас очень довольно. Сдел<айте> милость, будьте спокойны. Честь имеем поздравить Вас с двумя именинниками.

<Иван> (2) Николаевич Шидловский свидетельствует Вам свое почтение. Он по воскресеньям или бывает у нас, или присылает за нами, - и мы проводим у него целое утро. Зима еще у нас не начиналась. То выпадает снег, то опять сойдет. Брат, думаем, будет непременно принят в 3-й класс. Генерал и полковники Ломновский и Фере прекрасного об нем мнения. Их очень много мучают фронтом. Князь очень строг. Он в Москве.

(1) в подлиннике ошибочно: генерала Шарнгорота.

(2) край листка оторван

16. В. М. ДОСТОЕВСКОЙ
3 декабря 1837. Петербург

Милая сестра Варенька!

Поздравляем тебя с днем твоего рождения и ангела. Дай бог тебе всего лучшего. Каково-то ты проведешь этот день? Теперь, я думаю, ты уж очень мило играешь на фортепиано. Поцелуй за нас милую Сашурочку. Говорит ли она? Ходит ли она? Мы об этом еще ничего не знаем. Именинника Колечку расцелуй за меня. Любит ли он по-прежнему шепеленоксов? Прощай. Твои братья М. и Ф. Достоевские.

17. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ
Конец декабря 1837 - начало января 1838. Петербург

<...> но я постараюсь настоять на своем. Ах папенька! как горько иногда бывает быть посреди людей этих, не зная кому отнестися с своею просьбою, видя совершенную возможность поступить, и бог знает сколько дожидаться. Но будьте покойны! я уже пообтерся с этими людьми и сумею с ними сладить. Главное не должно быть деликатным. Прощай, милый, любезный наш папенька! Прощайте! Целуя ручки Ваши, пребываем любящими Вас детьми Вашими

М. и Ф. Достоевские.

Милую сестру Вареньку, Сашечку и братишку Николу целуем. Прощайте!

1838

18. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ
4 февраля 1838. Петербург

С.-Петербург. - 1838 года. - Февраля 4-го дня.

Любезнейший папенька!

Наконец-то я поступил в Г<лавное> и<нженерное> училище, наконец-то я надел мундир и вступил совершенно на службу царскую. Насилу-то вылилась мне свободная минутка от классов, занятий, службы, драгоценная минута, в которую я могу с Вами побеседовать хоть письменно, любезнейший папенька. Сколько уже времени как не писал я к Вам, и слыша при свиданье последний раз с братом, что Вы уже пеняли на меня за это, я чрезвычайно желал поправить мой, хотя невольный, проступок. И в это самое время я вдруг получаю от Вас письмо; я не знал, с чем сравнить Вашу к нам любовь. (1) Вы, любезнейший папенька, не зная даже адреса, прислали мне письмо, а между тем я уже более месяца не писал решительно ни строчки; но это совершенно по причине того, что не имел ни одной минутки свободной. Вообразите, что с раннего утра до вечера мы в классах едва успеваем следить за лекциями. Вечером же мы не только не имеем свободного времени, но даже ни минутки, чтобы следить хорошенько на досуге днем слышанное в классах. Нас посылают на фрунтовое ученье, нам дают уроки фехтованья, танцев, пенья, в которых никто не смеет не участвовать. Наконец, ставят в караул, и в этом проходит всё время; но получив от Вас (2) письмо, я бросил всё и теперь спешу отвечать Вам, любезнейший папенька. Слава богу, я привыкаю понемногу к здешнему житью; о товарищах ничего не могу сказать хорошего. Начальники обо мне, надеюсь, очень хорошего мнения. У нас новый инспектор по классам. Ломновский (прежний инспектор) передал свое место барону Дальвицу; что-то будет, а прежний инспектор мною был доволен. - Деньги я получил 50 р. Они теперь у брата. Сколько я должен благодарить Вас, папенька. Они мне действительно нужны, и я спешу обзавестись всем, что нужно. В воскресенье и в другие праздники я никуда не хожу; ибо за всякого кондуктора непременно должны расписаться родственники в том, что они его будут брать к себе. - Итак, я покуда лишен сообщенья с братом, и, следовательно, не мог читать последних Ваших писем. Только однажды мог я выпросить сходить к Костомарову и там узнал для нас столь приятную новость о поступлении брата в инженерные юнкера. Слава богу, что наконец-то исполнилось наше давнее, общее желанье, и наконец-то брат нашел себе совершенную дорогу. Теперь, надеемся, всё пойдет лучше. В письме своем ко мне Вы все-таки еще изъявляете сомнение насчет этого. Но это совершенно кончено, и верно как не надо более. Да и всегда можно бы было надеяться такого решенья, ежели бы не Костомаров, которому всегда хотелось затянуть это дело, попридержать брата долее срока, чтобы быть хотя отчасти правым насчет наших 300 р., которые он так низко оттягал от нас. - Вам должно быть известно из последних писем брата насчет того, что он представлялся Геруа и Трусону - своим будущим генералам. Они приняли его отменно ласково, как уже поступившего в службу: следовательно, это решенье несомненно и сомневаться нечего. Трусон обещал также брату стараться о нем при определенье в офицеры, и можно надеяться, что он сдержит свое обещанье. (3) Недавно я узнал, что уже после экзамена генерал постарался о принятии четырех новопоступающих на казенный счет кроме того кандидата, который был у Костомарова и перебил мою ваканцию. Какая подлость! Это меня совершенно поразило. Мы, которые бьемся из последнего рубля, должны платить, когда другие - дети богатых отцов - приняты безденежно. Бог с ними! - Пишете Вы, папенька, не имею ли я в чем-нибудь нужды. Теперь покуда ни в чем. Белье и платье мое у брата. Жду не дождусь его совершенного поступления. Тогда, по крайней мере, всё ближе друг от друга. Прощайте, любезнейший папенька. С пожеланием Вам всех благ от бога.

Честь имею пребыть Ваш покорный и послушный сын
Ф. Достоевский.

Слышно, что брат прежде поступленья в Инженерный замок проживет недели с две в крепости.

Насчет нового постановленья, о котором Вы мне писали, нечего опасаться. О нем у нас не слыхать. Да оно не имеет и достаточного основанья, а просто пустой слух.

Поцелуйте за меня всех братцев и сестриц. Когда-то мы с ними увидимся. Андрюша нам до сих пор не написал ни полстрочки.

Вы пишете, чтобы я прислал к Вам адрес Шидловского, но он едет из Петербурга в Курск к родным на время. Вы, должно быть, встретитесь с ним в Москве, и он может отыскать Вас чрез Куманиных.

(1) далее было начато: Как можно

(2) далее было начато: только

(3) было: слово

19. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

5 июня 1838. Петербург

С.-Петербург. Июня 5 дня 1838 г.

Любезнейший папенька!

Боже мой, как давно не писал я к Вам, как давно я не вкушал этих минут истинного сердечного блаженства, истинного, чистого, возвышенного... блаженства, которое ощущают только те, которым есть с кем разделить часы восторга и бедствий; которым есть кому поверить всё, что совершается в душе их. О как жадно тепер я упиваюсь этим блаженством. Спешу Вам открыть причины моего долгого молчанья.

После братнина письма, где я сделал коротенькую приписочку, поздравив Вас с светлыми днями праздника, я долго не мог взяться ни за что постороннее. У нас начались тотчас третные экзамены, которые продолжались по крайней мере месяц. Надобно было работать день и ночь; особенно чертежи доконали нас. У нас 4 предмета рисований: 1) рисованье фортификационное, 2) ситуационное, 3) архитектурное, 4) с натуры. Я плохо рисую, как Вам известно. Только в фортификационном черченье я довольно хорош, что ж делать с этим? и это мне много повредило. Во-первых, тем, что я стал средним в классе, тогда как я мог быть первым. Вообразите, что у меня почти из всех умственных предметов полные баллы, так что у меня 5 баллов больше 1-го ученика из всех предметов, кроме рисованья. А на рисованье смотрят более математики. Это меня очень огорчает. Вторая причина моего долгого молчанья есть фрунтовая служба. Вообразите себе. Пять смотров великого князя и царя измучили нас. Мы были на разводах, в манежах вместе с гвардиею маршировали церемониальным маршем, делали эволюции и перед всяким смотром нас мучили в роте на ученье, на котором мы приготавливались заранее. Все эти смотры предшествовали огромному, пышному, блестящему майскому параду, где присутствовала вся фамилия царская и находилось 140000 войска. Этот день нас совершенно измучил. - В будущих месяцах мы выступаем в лагери. Я по моему росту попал в роту застрельщиков, которым тепер двойное ученье баталионное и застрельщиков. Что делать, не успеваем приготавливаться к классам. Вот это причины моего долгого молчанья.

Тепер поговорим о другом. Да! Кто бы думал и полагал, что брат будет откомандирован. Но что же делать! Так угодно богу. - А что от его воли,

то не переменится никакою силою. Судьба обыкновенно играет миром как игрушкой. Она раздает роли человечеству... но она слепа. Но бог покажет путь, по которому можно выйти из всякого рода несчастья. А брат еще не несчастлив. Конечно, видеть горесть такого отца, как Вы, горько, больно нам. Об этом мы скорбим душою. Но успокойтесь, любезнейший папенька, это место и служба брата имеет и свои выгоды. Для инженерной службы главное практика. Он ее имеет теперь. А учиться может всегда и везде. Может быть, бог устраивает всё к лучшему. Я недавно получил письмо от брата, - и по его описаньям я полагаю его жизнь завидною. Впрочем, Вам должно быть известно это из его письма к Вам. Ибо наверно он не заставил ждать себя. Теперь, должно быть, Вы развлекаете свое одиночество сельскими занятиями и работами. Да! Каков-то будет нынешний год и чем-то нас господь порадует. О дай нам бог счастья.

Я всё еще продолжаю посещать Меркуровых. Это люди, достойные дружбы и почтения. Они принимают меня как родного. Дай бог счастья всякому доброжелателю нашему!

Теперешние мои обстоятельства денежные немного плохи. Поездка в Ревель стоила довольно много брату! Но еще я из Ваших присланных денег истратил довольно количество на казенные надобности. Ибо к майскому параду требовались многие поправки и пополнения в мундирах и амуниции. Решительно все мои новые товарищи запаслись собственными киверами; а мой казенный мог бы броситься в глаза царю. Я вынужден был купить новый, а он стоил 25 рублей. На остальные деньги я поправил инструменты и купил кистей и краски. Всё надобности! К лагерям же наступит ужаснейшая необходимость, ибо там без денег беда. Если можно, папенька, пришлите мне хоть что-нибудь. Письмо присылайте прямо в Главное инженерное училище. Ибо не знаю, как Вам сказать, куда адресовать в квартиру Меркуровых. Они съехали с прежней, а я позабыл имя теперешнего хозяина их. Около 12 июня мы выступаем в лагери.

Прощайте, любезнейший папенька. Поцелуйте всех моих братьев и сестриц. С истинным почтением и сыновней преданност<ью> остаюсь
Ф. Достоевский.

20. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
9 августа 1838. Петербург

С.-Петербург. Августа 9-го дня. 1838 года.

Брат!

Как удивило меня письмо твое, любезный брат: неужели же ты не получил от меня ни полстрочки; я тебе со времени отъезда твоего переслал 3 письма: 1-е вскоре после твоего отъезда; на 2-е не отвечал, потому что не было ни копейки денег (я не брал у Меркуровых). Это продолжалось до 20 июля, когда я получил от папеньки 40 р.; и наконец, недавно 3-е. Следовательно, ты не можешь похвалиться, что не забывал меня и писал чаще.

Следовательно, и я был всегда верен своему слову. Правда, я ленив, очень ленив. Но что же делать, когда мне осталось одно в мире: делать непрерывный кейф! Не знаю, стихнут ли когда мои грустные идеи? Одно только состоянье и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слиянья неба с землею; какое же противузаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш - чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию. (1) Мне кажется, мир принял значенье отрицательное и из высокой, изящной духовности вышла сатира.

Попадись в эту картину лицо, не разделяющее ни эффекта, ни мысли с целым, словом, совсем постороннее лицо... что ж выйдет? Картина испорчена и существовать не может!

Но видеть одну жесткую оболочку, под которой томится вселенная, знать, что одного взрыва воли достаточно разбить ее и слиться с вечностью, знать и быть как последнее из созданий... ужасно! Как малодушен человек! Гамлет! Гамлет! Когда я вспомню эти бурные, дикие речи, в которых звучит стенанье оцепенелого мира, тогда ни грусть, ни ропот, ни укор не сжимают груди моей... Душа так подавлена горем, что боится понять его, чтоб не растерзать себя. Раз Паскаль сказал фразу: кто протестует против философии, тот сам философ. Жалкая философия! Но я заболтался. - Из твоих писем я получил только 2 (кроме последнего). Ну брат! ты жалуешься на свою бедность. Нечего сказать, и я не богат. Верить ли, что я во время выступленья из лагерей не имел ни копейки денег; заболел дорогом от простуды (дождь лил целый день, а мы были открыты) и от голода и не имел ни гроша, чтоб смочить горло глотком чаю. Но я выздоровел, и в лагере участь моя была самая бедственная до получения папенькиных денег. Тут я заплатил долги и издержал остальное. Но описание твоего состоянья превосходит все. Можно ли не иметь 5 копеек; питаться бог знает чем и лакомым взором ощущать всю сладость прелестных ягод, до которых ты такой охотник! Как мне жаль тебя! Спросишь, что случилось с Меркуровыми и деньгами твоими? А вот что: я бывал у них несколько раз после твоего отъезда. Потом я не мог быть, потому что отсиживал. В крайности я послал к ним, но они прислали мне так мало, что мне стало стыдно просить у них. Тут я получил на мое имя письмо к ним от тебя. У меня ничего не было, и я решился просить их вложить мое письмо в ихнее. Ты же, как видно, не получил ни которого. Кажется, они не писали к тебе. Перед лагерями (не имея денег прежде отослать давно приготовленное папеньке письмо.) я обратился к ним с просьбою прислать мне хоть что-нибудь; они прислали мне все наши вещи, но ни копейки денег, и не написали ответа; я сел как рак на мели! Из всего я заключил, что они желают избавиться от докучных требований наших. Хотел объясниться в письме с ними, но я отсиживаю после лагеря, а они съехали с прежней квартиры. Знаю дом, где они квартируют, но не знаю адреса. Его я сообщу тебе после. - Но давно пора переменить матерью разговора. Ну ты хвалишься, что перечитал много... но прошу не воображать, что я тебе завидую. Я сам читал в Петергофе по крайней мере не меньше твоего. Весь Гофман русский и немецкий (то есть непереуевенный "Кот Мурр"), почти весь Бальзак (Бальзак велик! Его характеры - произведения ума вселенной! Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили бореньем своим такую развязку в душе человека). "Фауст" Гете и его мелкие стихотворенья, "История" Полевого, "Уголино", "Ундина" (об "Уголино" напишу тебе кой-что-нибудь после). Также Виктор Гюго, кроме "Кромвеля" и "Гернани". Теперь прощай. Пиши же, сделай одолженье, утешь меня и пиши, как можно чаще. Отвечай немедля на это письмо. Я рассчитываю получить ответ через 12 дней. Самый долгий срок! Пиши же или ты меня замучаешь.

Твой брат Ф. Достоевский.

У меня есть прожект: сделаться сумасшедшим. Пусть люди бесятся, пусть лечат, пусть делают умным. Ежели ты читал всего Гофмана, то наверно помнишь характер Альбана. Как он тебе нравится? Ужасно видеть человека, у которого во власти непостижимое, человека, который не знает, что делать ему, играет игрушкой, которая есть - бог!

Часто ли ты пишешь к Куманиным? И напиши, не сообщил ли тебе Кудрявцев что-нибудь о Чермаке. Ради бога, пиши и об этом; мне хочется знать об Андрюше.

Но послушай, брат. Ежели наша переписка будет идти таким образом, то, кажется, лучше не писать. Условимся же писать через неделю каждую субботу друг к другу, это будет лучше. Я получил еще письмо от Щренка и не отвечал ему 3 месяца. Ужасно! Вот что значит нет денег!

(1) далее было: Здесь

21. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ
30 октября 1838. Петербург

С.-Петербург. 30 октября 1838 года.

Любезнейший папенька!

Не сердитесь, ради бога, на мое молчанье после полученья письма Вашего, любезнейший папенька! Много имею я причин молчанья и оправданий. Скажу Вам только то, что Ваше письмо застало меня в начале экзамена: он теперь кончился. Спешу уведомить Вас обо всем. Прежде нежели кончился наш экзамен, я Вам приготовил письмо... я хотел обрадовать Вас, любезнейший папенька, письмом моим, хотел наполнить сердце Ваше радостью; одно слышал и видел и наяву и во сне. Теперь что осталось мне? Чем мне обрадовать Вас, мой нежный, любезнейший родитель? Но буду говорить яснее.

Наш экзамен приближался к концу; я гордился своим экзаменом, я экзаменовался отлично, и что же? Меня оставили на другой год в классе.

(1) Боже мой! Чем я прогневал Тебя? Отчего не посылаешь Ты мне благодати своей, которою мог бы я обрадовать нежнейшего из родителей? О скольких слез мне это стоило. Со мной сделалось дурно, когда я услышал об этом. В 100 раз хуже меня экзаменовавшиеся перешли (по протекции). Что делать, видно, сам не прошибешь дороги. Скажу одно: ко мне не благоволили некоторые из преподающих и самые сильные своим голосом на конференционной. С двумя из них я имел личные неприятности. Одно слово их, и я был оставлен. (Всё это я услышал после.) Судите сами, каков был мой экзамен, когда я Вам скажу мои баллы; ничего не скрою - буду откровенен:

При 10-ти полных баллах (из алгебры и фортификации 15 полных) я получил: Из алгебры - 11 (преподающий хотел непременно, чтоб я остался, он зол на меня более всех)

Фортификации - 12. Русск<ий> язык - 10.

Артиллерия - 8. Французский - 10.

Геометрия - 10. Немецкий - 10.

История - 10. З<акон> божий - 10.

География - 10.

Теперь судите сами, каково мне было, когда я услышал, что я остался в классе при таких баллах. Заметьте, что из алгебры и фортификации я отличился, и мне выставили баллы несоответственные.

Что мне до того, что я буду сидеть 1-м в нашем классе. Что мне до того. Через полгода я буду во 2-м классе. Экзамен назначен в мае. Но я потерял целый год! Не огорчайтесь, папенька! Что же делать! Пожалейте самих себя. Взгляните на бедное семейство наше; на бедных малюток братьев и сестер наших, которые живут только Вашей жизнью, ищут только в Вас подпоры. К чему же огорчать себя и не беречь, предаваясь отчаянью. Вы до того любите нас, что не хотите видеть никакой неудачи в судьбе нашей. Но с кем же их и не было. Теперь Вы убиваете себя неосновательною мыслию, что ежели я

останусь в классе, то меня исключат из училища. Да разве я лишен всех способностей, чтобы выключать меня. Или я не знаю постановлений училища? Я оставлен на 2-й год! О подлость! Завтра же спрошу генерала, за что я оставлен. Что-то мне скажут. Пишете Вы, любезн<ый> папенька, что Вы теперь одни-однихоньки и что и сестра Варенька оставила Вас. О не ропщите же и на нас, любезнейший папенька. Верьте, что вся жизнь моя будет иметь одно целью любить и угождать Вам. Что делать, богу так угодно. Остаюсь Вас любящий и почитающи<ий> сын Ваш
Феодор Достоевский.

P. S. Теперь я буду аккуратнее в письмах. Поцелуйте Колю и Сашу. О когда-то будет время, когда я обниму Вас с любовью и радостью. Еще лишний год дрянной ничтожной кондукторской службы!

Вы мне приказали быть с Вами откровенным, любезнейший папенька, насчет нужд моих. Да, я теперь порядочно беден. Я занял к Вам на письмо и отдать нечем. Пришлите мне что-нибудь не медля. Вы меня извлечете из ада. О ужасно быть в крайности!

Ив<ан> Николаевич в Петербурге, кланяется Вам и свидетельствует свое почтение.

Скоро праздник в нашем семействе: торжественный день Вашего ангела; обливаюсь слезами, исторгнутыми воспоминаньями. Всё, что может быть счастливого в мире, всего желаю Вам, ангел наш! О как рад бы я был, ежели бы мое поздравленье застало Вас в веселии и радости.

(1) было: роте

22. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
31 октября 1838. Петербург

С.-Петербург. 1838 года 31 октября.

О, как долго, как долго я не писал к тебе, милый мой брат... Скверный экзамен! Он задержал меня писать к тебе, папеньке и видеться с Иваном Николаев<ичем>, и что же вышло? Я не переведен! О ужас! еще год, целый год лишний! Я бы не бесился так, ежели бы не знал, что подлость, одна подлость низложила меня; я бы не жалел, ежели бы слезы бедного отца не жгли души моей. До сих пор я не знал, что значит оскорбленное самолюбие. Я бы краснел, ежели бы это чувство овладело мною... но знаешь? Хотелось бы раздавить весь мир за один раз... Я потерял, убил столько дней до экзамена, заболел, похудел, выдержал экзамен отлично в полной силе и объеме этого слова и остался... Так хотел один преподающий (алгебры), которому я нагрубил в продолжение года и который нынче имел подлость напомнить мне это, объясняя причину, отчего остался я... При 10-ти полных я имел 9 1/2 средних, и остался... Но к черту всё это. Терпеть так терпеть... Не буду тратить бумаги, я что-то редко разговариваю с тобой. Друг мой! Ты философствуешь как поэт. И как не ровно выдерживает душа градус вдохновенья, так не ровна, не верна и твоя философия. Чтоб больше знать, надо меньше чувствовать, и обратно, правило опрометчивое, бред сердца. Что ты хочешь сказать словом знать? Познать природу, душу, бога, любовь... Это познается сердцем, а не умом. Ежели бы мы были духи, мы бы жили, носились в сфере той мысли, над которой носится душа наша, когда хочет разгадать ее. Мы же прах, люди должны разгадывать, но не могут (1) обнять вдруг мысль. Проводник мысли сквозь брэнную оболочку в состав души есть ум. Ум - способность материальная... душа же, или дух, живет мыслию, которую нашептывает ей сердце... Мысль зарождается в душе. Ум - орудие,

машина, движимая огнем душевным... Притом (2-я статья) ум человека, увлекшись в область знаний, действует независимо от чувства, следовательно, от сердца. Ежели же цель познания будет любовь и природа, тут открывается чистое поле сердцу... Не стану с тобой спорить, но скажу, что не согласен в мненье о поэзии и философии... Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное - природа... Заметь, что поэт в порыве вдохновенья разгадывает бога, следовательно, исполняет назначенье философии. Следовательно, поэтический восторг есть восторг философии... Следовательно, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!.. Странно, что ты мыслишь (2) в духе нынешней философии. Сколько бестолковых систем ее родилось в умных пламенных головах; чтобы вывести верный результат из этой разнообразной кучи, надобно подвести его под математическую формулу. Вот правила нынешней философии... Но я замечтался с тобою... Не допуская твоей вялой философии, я допускаю, однако ж, существованье вялого выраженья ее, которым я не хочу утомлять тебя...

Брат, грустно жить без надежды... Смотрю вперед, и будущее меня ужасает... Я ношусь в какой-то холодной, полярной атмосфере, куда не заползал луч солнечный... Я давно не испытывал взрывов вдохновенья... зато часто бываю и в таком состояньи, как, помнишь, Шильонский узник после смерти братьев в темнице... Не залетит ко мне райская птичка поэзии, не согреет охладелой души... Ты говоришь, что я скрытен; но вот уже и прежние мечты мои меня оставили, и мои чудные арабески, которые создавал некогда, сбросили позолоту свою. Те мысли, которые лучами своими зажигали душу и сердце, нынче лишились пламени и теплоты; или сердце мое очерствело или... дальше ужасаюсь говорить... Мне страшно сказать, ежели всё прошлое было один золотой сон, кудрявые грезы...

Брат, я прочел твое стихотворенье... Оно выжало несколько слез из души моей и убавило на время душу приветным нашептом воспоминаний. Говоришь, что у тебя есть мысль для драмы... Радуюсь... Пиши ее... О ежели бы ты лишен был и последних крох с райского пира, тогда что тебе оставалось бы... Жаль, что я прошлую неделю не мог увидетца с Ив<аном> Николаев<ичем>, болен был! - Послушай! Мне кажется, что слава также содействует вдохновенью поэта. Байрон был эгоист: его мысль о славе - была ничтожна, суетна... Но одно помышление о том, что некогда вслед за твоим былым восторгом вырвется (3) из праха душа чистая, возвышенно-прекрасная, мысль, что вдохновенье как таинство небесное освятит страницы, над которыми плакал ты и будет плакать (4) потомство, не думаю, чтобы эта мысль не закрадывалась в душу поэта и в самые минуты творчества. Пустой же крик толпы ничтожен. Ах! я вспомнил 2 стиха Пушкина, когда он описывает толпу и поэта:

И плюет (толпа) на алтарь,
где твой огонь горит,
И в детской резвости
колеблет твой треножник!..

Не правда ли, прелестно! Прощай. Твой друг и брат Ф. Достоевский. Да! Напиши мне главную мысль Шатобрианова сочиненья "Génie du Christianisme". - Недавно в "Сыне отечества" я читал статью критика Низара о Victor'e Hugo. О как низко стоит он во мненье французов. Как ничтожно выставляет Низар его драмы и романы. Они несправедливы к нему, и Низар (хоть умный человек), а врет. - Еще: напиши мне главную мысль твоей драмы: уверен, что она прекрасна; хотя для обдумыванья драматических характеров мало 10-ти лет. Так по крайней мере я думаю. - Ах, брат, как жаль мне, что ты беден деньгами! Слезы вырываются. Когда это было с нами?

Да кстати. Поздравляю тебя, мой милый, и со днем ангела и с прошедшим рождением.

В твоём стихотворенье "Виденье матери" я не понимаю, в какой странный абрис облек ты душу покойницы. Этот замогильный характер не выполнен. Но зато стихи хороши, хотя в одном месте есть промах. Не сердись за разбор. Пиши чаще, я буду аккуратнее.

Ах, скоро, скоро перечитаю я новые стихотворенья Ивана Николаевича. Сколько поэзии! Сколько гениальных идей!! Да, еще позабыл сказать. Ты, я думаю, знаешь, что Смирдин готовит Пантеон нашей словесности книгою: портреты 100 литераторов с приложением к каждому портрету по образцовому сочиненью этого литератора. И вообрази Зотов (?!) и Орлов (Александр Анфимович) в том же числе. Умора! Послушай, пришли мне еще одно стихотворенье. То прелестно! – Меркуровы скоро едут в Пензу или, кажется, уже совсем уехали.

Мне жаль бедного отца! Странный характер! Ах, сколько несчастий перенес он! Горько до слез, что нечем его утешить. – А знаешь ли? Папенька совершенно не знает света: прожил в нем 50 лет и остался при своем мненье о людях, какое он имел 30 лет назад. Счастливого неведенье. Но он очень разочарован в нем. Это, кажется, общий удел наш. – Прощай еще раз.

Твой.

(1) было: Мы же, прах, люди, должны разгадывать, но не можем

(2) далее было: также

(3) было: улети<т>

(4) было: заплачет

1839

23. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

23 марта 1839. Петербург

С.-Петербург. Марта 23-го дня 1839 года.

Боже мой! Сейчас только узнал я, что Вы, любезнейший папенька, не получили и последнего письма моего. Теперь, которое пишу к Вам, уже пятое. И я наконец лишаюсь терпенья. Боже мой! Неужели я должен быть всегда причиною Вашего отчаянья. То, чего я так опасался, всё осуществилось; я в отчаянье, в совершенном отчаянье!

Выслушайте же теперь всё, что я в коротких словах объясню Вам, любезнейший папенька.

Сейчас после получения Вашего письма с посылкою 25 р. ассигнациями я ответил и благодарил Вас за помощь. Через неделю я послал письмо, и в тот же день и Ваше и братнино письмо пропали. Долго не получая известий, я в отчаянье о судьбе Вашей, дорогой наш папенька, в отчаянье о судьбе семейства нашего, я написал Вам пред рождеством еще письмо. И это имело ту же участь. 3-е я послал на масленице. Четвертое в начале великого поста. 5-е пишу Вам теперь у Ивана Николаевича, не застав его дома; узнал о судьбе моих писем и в горе, в отчаянье, со слезами на глазах беру перо. Завтра, то есть в пятницу, пойдет к Вам письмо это. Иван Николаевич человек благородный и исполнит то, что я прошу его в оставляемой ему теперь записке.

Теперь я знаю причину, почему мои письма не доходили до Вас. У нас в училище случилась ужаснейшая история, которую я не могу теперь объяснить на бумаге; ибо я уверен, что и это письмо перечитают многие из посторонних. 5-ть человек кондукторов сослано в солдаты за эту историю. Я ни в чем не вменян. Но подвергся общему наказанию. Месяца 2 никуда не выпускали нас совсем невинных из училища. В это время распечатывали и читали все письма у нас в канцелярии и, должно быть, задерживали на почте. Вот почему и Вы не получили.

- 4-е письмо мое к Вам я хотел послать чрез Ивана Николаевича (в этом письме я отвечал на Ваше страховое, которое смертельно уязвило меня), и солдат, которого послал я, как я сейчас узнал это, обманул меня и не исполнил моего поручения. Следовательно, я совершенно прав перед Вами, любезнейший папенька. Клянусь Вам в этом. Боже мой! Но Вы в отчаянье о судьбе Вашего сына! У ног Ваших прошу прощенья за всё неумышленное зло, какое я сделал Вам.

Я, оставшись в классе, не потерял времени. Я занимался военными науками и успел много. Я следил за курсом высшего класса и намерен экзаменоваться через класс в первый. Но я много истратил денег (на покупку книг, вещей и т. д.) и всё должен был занимать. Я задолжал кругом и очень много. Я должен по крайней мере 50 р. Боже мой! Долго ли я еще буду брать у Вас последнее. Но эта помощь необходима или я пропал. Срок платежа прошел давно. Спасите меня. Пришлите мне 60 р. (50 р. долга, 10 для моих расходов до лагеря). Скоро в лагери, и опять новые нужды. Боже мой! Знаю, что мы бедны. Но, бог свидетель, я не требую ничего лишнего. Итак, умоляю Вас помогите мне скорее, как можно. - Время идет, бумага вся. - Ваш до гроба преданный во веки веков. Сын Ваш
Ф. Достоевский.

Р. С. Я ужасно спешу писать к Вам.

Брат пишет, что он уже скоро будет готов экзаменоваться к нам в полевые инженеры. Дай бог ему счастья. Кстати, поздравляю Вас с светлым праздником, дражайший отец наш. От всей души желаю Вам счастья.

Я сейчас только приобщался. Денег занял для священника. Давно уже не имею ни копейки денег.

От брата получил недавно письмо. Он говорит, что не получил от меня ни строчки.

Мое предположение держать экзамен в высший класс очень занимает меня. Я могу выдержать. Но для этого надобны деньги. Ежели Вы мне можете прислать 100 р., то я буду экзаменоваться. Ежели же нет, то год лишний. Это для Вас, любезнейший папенька: мне же всё равно. - Еще раз прощайте.

Расцелуйте наших малюток и сестру. - Я получил письмо от Хотяинцева (Александра). (1) Я отвечал ему, что послал письмо чрез Ивана Николаевича. Ужасно досадую, зачем Хотяинцев не осведомился немного ранее.

Письмо ко мне адресуйте на имя Ивана Николаевича.

(1) далее было начато: Он

24. А. Ф. ХОТЯИНЦЕВУ
23 марта 1839. Петербург

Милостивый государь Александр Федорович!

Долгом считаю изъявить Вам мою сердечную признательность в том, что Вы принимаете участие в делах моего батюшки! Живо представляю беспокойство

его; но вместе с тем и удивляюсь, каким образом столько писем, сколько я отправил к нему, не дошли до него. Еще недавно писал я к нему; а сегодня отправил еще письмо чрез моего знакомого. Причины, почему они не дошли до него, уже изложены в последнем письме. Думаю, что это последнее письмо дойдет до него.

Мне только остается Вам объявить мою благодарность за Ваше снисхождение.
- Позвольте уверить Вас в истинном почтенье, с которым честь имею пребыть Вашим покорнейшим слугою
Федор Достоевский.

25. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ
5-10 мая 1839. Петербург

1839 года. Мая 5-го дня.

Любезнейший папенька!

Угадываю, что Вы и теперь беспокоитесь обо мне, не получив от меня тотчас ответа. Любезнейший папенька! Спешу успокоить Вас и постараюсь оправдаться в теперешнем (1) моем молчаньи сколько можно. Теперь у нас настали экзамены. Нужно заниматься, а между тем всё свободное время мы употребляем на фронтное ученье; ибо скоро будет майский парад.

Оставалось сыскать свободного времени ночью. Очень рад, что я нашел наконец свободный часок поговорить с Вами. Ах! Как я упрекаю себя, что был причиною Вашего горя! Теперь как можно буду стараться загладить это.

- Письмо Ваше я получил и за посылку Вашу благодарю от всего сердца.

Пишете, любезнейший папенька, что сами не при деньгах и что уже будете не в состоянии прислать мне хоть что-нибудь к лагерям. Дети, понимающие отношения своих родителей, должны сами разделять с ними все радость и горе; нужду родителей должны вполне нести дети. Я не буду требовать от Вас многого.

Что же; не пив чаю, не умрешь с голода. Проживу как-нибудь! Но я прошу у Вас хоть что-нибудь мне на сапоги в лагери; потому что туда надо запастись этим. (2) Но кончим это: экзамены мои я уже начал и очень хорошо. Кончу так же. В этом я уверен. - Теперь многие из тех преподающих, которые не благоволили ко мне прошлого года, расположены ко мне как не надо лучше. Да и вообще я не могу жаловаться на начальство. Я помню свои обязанности, а оно ко мне довольно справедливо. Но когда-то я развяжусь со всем этим.

Пишете, любезнейший папенька, чтобы я не забывал своих обязанностей.

Повторяю: я их помню очень хорошо, и со службою я уже связан присягою при самом поступлении моем в училище. - От брата я долго не получал писем. Он как будто забыл меня. Но недавно получил от <него> клочок исписанной бумаги, где он на меня нападает донельзя за мое мнимое к Вам молчанье, и, признаюсь, этим письмом оскорбил меня до глубины души, выставив меня перед самим собою пренизким созданием. Я пропустил это мимо, потому что его посланье не ко мне писано. Я считаю себя гораздо лучшим, нежели с кем он ведет подобную переписку. Впрочем, я забываю это и готовлюсь ему на этой неделе отвечать. Его положение теперь совсем не худое. Ему бы можно было экзаменоваться к нам в училище в нижний офицер<ский> класс.

Посоветуйте ему это. Из крепост<ных> кондукторов очень много это делают.

Примеры тому každогодные. Через год он может быть готовым. Я берусь доставить ему все записки и всё нужное. Он уже и так теперь знает довольно из математики. Но надобно ему лучше заняться фортификацией

(которая у нас самый главный предмет в кондукторских классах) и артиллерией; ибо и артиллерию очень подробно у нас проходят как входящую в состав фортификации. – Ах! Как Вы меня обрадовали, написав, что Вы, слава всевышнему, здоровы. А я думал и полагал наверно, что Ваши всегдашние недуги еще более увеличились огорченьями (неполучением от меня писем). Целую (3) маленьких братьев и сестер. Что-то делает Андрюша; как-то он учится? Не захотите ли Вы его отдать к нам в училище? Когда я выйду в офицеры, то берусь его приготовить для поступления к нам; ибо поступить к нам довольно легко. Костомаров обморочил Вас и только взял с Вас деньги за нас, тогда как мы бы могли и без приготовления поступить в училище. Но прощайте, любезнейший папенька. Бессчетно раз желаю Вам счастья. Ваш покорный и любящий Вас сын
Ф. Достоевский.

Поздравляю Вас с прошедшим праздником Христова воскресенья. С какою грустью вспоминаю я о том, как проводил я день этот в кругу родных моих! А теперь? Но только бы вырваться из училища.

Перейдя в высший класс, я нахожу совершенно необходимым абонироваться здесь на французскую библиотеку для чтения. Сколько есть великих произведений гениев – математики и военных гениев на французском языке. Вижу необходимость читать это; ибо я страстный (4) охотник до наук военных, хотя не терплю математики. Что за странная (5) наука! и что за глупость заниматься ею. С меня довольно столько, сколько требуется инженеру или еще и побольше.

Но к чему мне сделаться Паскалем или Остроградским. Математика без приложения чистый 0, и пользы в ней столько же, как в мыльном пузыре. Скажу Вам еще, что мне жаль бросить латинского языка. Что за прелестный язык. Я теперь читаю Юлия Цезаря и после 2-х годичной разлуки с латинским языком понимаю решительно всё.

10 мая.

Странно: эти глупые обстоятельства моей теперешней жизни многого лишают меня. Я на 5 дней должен был удержать посылку письма моего. Парад был отложен до 10 мая. Я хотел сделать Вам эту приписку, и, верите ли, любезнейший папенька, мне не удавалось за фронтовым ученьем (которым нас мучат) и за экзаменами. Теперь пишу к Вам на почтовых.

Милый, добрый родитель мой! Неужели Вы можете думать, что сын Ваш, прося от Вас денежной помощи, просит у Вас лишнего. Бог свидетель, ежели я хочу сделать Вам хоть какое бы то ни было лишенье, не только из моих выгод, но даже из необходимости. Как горько то одолжение, которым тяготятся мои кровные. У меня есть голова, есть руки. Будь я на воле, на свободе, отдан самому себе, я бы не требовал от Вас копейки; я обжился бы с железною нуждою. Стыдно было бы тогда мне и заикнуться о помощи. Теперь я Вам высказываю себя одними обещаньями в будущем; но это будущее недалеко, и Вы меня со временем увидите.

Теперь же, любезный папенька, вспомните, что я служу в полном смысле слова. Волей или неволей, а я должен сообразоваться вполне с уставами моего теперешнего общества. К чему же делать исключенья собою? Подобные исключенья подвергают иногда ужасным неприятностям. Вы сами это понимаете, любезный папенька. Вы жили с людьми. Теперь: лагерная жизнь каждого воспитанника военно-учебных заведений требует по крайней мере 40 р. денег. (Я Вам пишу всё это потому, что я говорю с отцом моим). В эту сумму я не включаю таких потребностей, как например: иметь чай, сахар и проч. Это и без того необходимо, и необходимо не из одного приличия, а из нужды. Когда вы мокнете в сырую погоду под дождем в полотняной палатке, или в такую погоду, придя с ученья усталый, озябший, без чаю можно

заболеть; что со мною случилось прошлого года на походе. Но все-таки я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю. (6) Требую только необходимого на 2 пары простых сапогов - 16 р. Теперь мои вещи: книги, сапоги, перья, бумага и т. д., и т. д. должны же лежать где-нибудь. Для этого я должен иметь сундук; ибо в лагерях нет никаких строений, кроме палаток. Койки наши - это кучи соломы, покрытые простынею. Спрашивается, не имея сундука, куда я положу всё это? Нужно знать, что казна не заботится, нужно ли мне место или нет; не заботится, имею ли я сундук. Ибо экзамены кончаются, следовательно, книги не нужны; казна одевает меня, следовательно, сапоги не нужны, и т. д. Но без книг как я проведу время? 3-х пар казенных сапог не станет и в городе на полгода! Следовательно, мне нет казенного места поставить сундука, который необходим для меня.

(7) В палатке общей я стесню товарища, следовательно, сделаю неприятность другим, да и мне просто не позволят держать сундук в палатке, ибо никто в палатке не держит; следовательно, для моей поклажи я должен буду иметь место. Место я найду, уговорившись (как все делают) с каким-нибудь из солдат, служителей наших, поставить сундук мой. За это надобно заплатить. Следовательно, за покупку сундука по крайней мере целковый.

За провоз туда и сюда ..... 5 р.

За место ..... 2 целковых

За чистку ..... 5 р.

Это условная такса с служителем. В городе дело другое; а в лагере им должно платить за каждый шаг их. А начальство не входит в это.

Теперь 16

3.75

5

7 (2 целковых)

5

-----

36 или 40.

(За отсылку писем, за перья, бумагу и т. д.) Я сберег от Вашей посылки 15 р. Вы видите, любезный папенька, что мне крайне необходимо нужны 25 р. еще. В 1-х числах июня мы выйдем в лагери. Итак, пришлите мне эти деньги к 1-му июню, ежели Вам хочется помочь Вашему сыну в ужасной нужде. Не смею требовать; не требую излишнего; но благодарность моя будет беспредельна. Письмо адресуйте опять на имя Шидловского. Прощайте, мой любезный папенька.

Ваш весь, весь Ф. Достоевский

(1) было начато: настоящ^{ем}

(2) далее густо зачеркнуты 4 слова

(3) далее было: всех

(4) было начато: страш^{ный}

(5) было: глупая

(6) далее было: Теперь

(7) далее было: За место должно заплатить деньги в палатке какому-нибудь сторожу.

26. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

16 августа 1839. Петербург

С.-Петербург. 1839 года, августа 16 дня

Да, милый брат мой, так-то всегда бывает с нами: обещаемся, сами не зная в силах ли то исполнить; хорошо, что я никогда (1) не обещаю опрометчиво. Напр<имер>. Что бы ты сказал об моем молчанье? что я ленив... что я забываю тебя и т. д. и т. д. Нет! всё дело в том, что денег ни гроша; теперь они есть, и я рад им, давно небывалым гостям, несказанно. Ну вот наконец и тебе письмо мое!

Поговорим, потолкуем!

Милый брат! Я пролил много слез о кончине отца, но теперь состоянье наше еще ужаснее; не про себя говорю я, но про семейство наше. Письмо мое отсылаю в Ревель, сам не зная, дойдет ли оно до тебя... Я наверно полагаю, что оно тебя не застанет здесь... Дай-то бог, чтобы ты был в Москве; тогда об семействе нашем я бы был покойнее; но скажи, пожалуйста, есть ли в мире несчастнее наших бедных братьев и сестер? Меня убивает мысль, что они на чужих руках будут воспитаны. А потому мысль твоя, получивши офицерский чин, ехать жить в деревню, по-моему, превосходна. Там бы ты занялся их образованием, милый брат, и это воспитанье было бы счастье для них. Стройная организация души среди родного (2) семейства, развитие всех стремлений из начала христианского, гордость добродетелей семейственных, страх порока и бесславия - вот следствия такого воспитанья. Кости родителей наших уснут тогда спокойно в сырой земле; но, милый друг, многое должен ты вынести. Ты или должен рассориться, или помириться прочно с родней. Рассориться - это пагубно; сестры погибнут. Помирившись, ты должен ухаживать за ними. Они назовут ленью твою пренебрежение службы. Но, брат любезный! вытерпи это. Плюнь на эти ничтожные душонки и будь благодетелем братьев. Ты один спасешь их... Я знаю, ты выучился терпеть; исполни же свое намеренье. Оно бесподобно. Дай бог тебе сил для этого! Я объявляю, что я во всем буду с тобою согласен впредь.

Что-то ты делаешь теперь? (3) С <Иваном> Николаев<ичем> ты искреннее, чем со мною; <ты сказал> ему, что завален работой и не <имеешь> времени; да, твоя служба чертовская, <что> делать; избавляйся от нее скорее.

Что мне сказать тебе о себе... Давно я не говорил с тобою искренно. Не знаю, нахожусь ли я и теперь в духе, чтобы говорить с тобою об этом. Не знаю, но теперь гораздо чаще смотрю на меня окружающее с совершенным бесчувствием. Зато сильнее бывает со мною и пробуждение. Одна моя цель быть на свободе. Для нее я всем жертвую. Но часто, часто думаю я, что доставит мне свобода... Что буду я один в толпе незнакомой? Я сумею развязать со всем этим; но, признаюсь, надо сильную веру в будущее, крепкое сознание в себе, чтобы жить моими настоящими надеждами; но что же? всё равно, сбудутся ли они или не сбудутся; я свое сделаю.

Благословляю минуты, в которые я мирюсь с настоящим (а эти минуты чаще стали посещать меня теперь). В эти минуты яснее <сознаю свое> положение, и я уверен, <что эти> святые надежды сбудутся.

<... ду>х (4) не спокоен теперь; но в этой <борьбе> духа созревают обыкновенно характеры <сил>ьные; туманный взор яснее, а вера в жизнь получает источник более чистый и возвышенный. Душа моя недоступна прежним бурным порывам. Всё в ней тихо, как в сердце человека, затаившего глубокую тайну; учиться, "что значит человек и жизнь", - в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно; более ничего не скажу о себе. Я в себе уверен. Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком. Прощай. Твой друг и брат

Ф. Достоевский.

(5) <...> любимыми идеями каждую минуту <...> мечтах и думах жизнь незаметнее. Еще одно <...>: я могу любить и быть другом. Я недавно <...>. Как много святого и великого, чистого <...> этом свете. Моисей и Шекспир всё <...> <только вполовину.

Любовь, любовь! Ты говоришь, что ты рвешь цветы ее. Мне кажется, что нет святее самоотверженника как поэт. Как можно делиться своим восторгом с бумагой. Душа всегда затаит более, нежели сколько может выразить в словах, красках или звуках. Оттого трудно исполнить идею творчества. Когда любовь связывает два сердца. От (6) <...> и подавно не показывает слез своих <...> только в груди. Плакать может од<ин> <...> надобно иметь гордость и веру христ<ианскую> <...> ты что-нибудь о М <нрзб.>.

Ежели через неделю, считая с теперешнего числа, не получу ответа, то заключаю, что ты в Москве, и пишу к тебе на имя Куманиных. Напиши мне, брат, подробно, как ты управился или как другие управились со всем этим. Жду нетерпеливо ответа. Теперь, мой милый, остановки не будет в нашей переписке. Скоро пришлю тебе реестр книг. Пиши. Теперь некогда.

(1) далее было: еще

(2) было: собственного

(3) верхний угол листа, занятый этим местом письма, оборван.

(4) здесь обратная сторона листа, правый верхний край которого оборван.

(5) начало оторвано

(6) следующие четыре абзаца, приписанные на полях первой, второй и третьей страниц, занимают и часть оторванного края этих страниц.

(7) Здесь опять вырвана часть страницы и текста.

27. А. А. и А. Ф. КУМАНИНЫМ

25 декабря 1839. Петербург

С.-Петербург. Декабря 25-го дня 1839 года.

Милостивый государь любезнейший дяденька,
милостивая государыня любезнейшая тетенька!

Продолжительное, ничем не оправдываемое и не извиняемое молчанье мое могло показаться Вам, любезнейшие дяденька и тетенька, странным, непонятным, непростительным, грубостью против Вас и, наконец, черною неблагодарностью. Беру перо, но не для того чтобы оправдываться: нет! я знаю, что вина моя, какие бы обстоятельства ни извиняли ее, далеко ниже оправданий. Да и могу ли еще надеяться, что мои оправдания будут приняты? Скажу одно: если искреннее, откровенное признание мое, попытка объяснить мой проступок пред Вами, удостоится хотя немногочего вниманья Вашего, то я почту себя счастливым; ибо возвращу то, чего не надеялся возвратить, - хотя малейшее вниманье и расположение Ваше ко мне.

Поступив в Гл<авное> ин<женерное> уч<илище>, занятия, новость и разнообразие нового рода жизни, всё это развлекло меня на несколько времени - и вот единственная эпоха, в которую совесть тяжко упрекает меня за забвенье моих обязанностей, в моем тяжком проступке перед Вами, в моем молчанье; нечем объяснить его! Нет для него оправданий! Разве кроме моей странной рассеянности?..

Знаю, что это признание в рассеянности много унижает меня в глазах Ваших; но я должен снести и снесу стыд свой; ибо я заслужил его. Напоминанья и

приказанья покойного родителя моего прервать мое странное молчанье с теми из родственников, которые столь часто осыпали нас благодеяниями, заставили меня вникнуть в проступок мой, и я увидел себя в самом невыгодном свете в отношении к Вам, любезнейшие дяденька и тетенька. Кроме тяжелой вины моей – рассеянности, я увидел, что мой проступок может принять вид более мрачный, вид грубости, неблагодарности... Это привело меня в замешательство, смущенье...

Разумеется, это смущенье должно было недолго продолжаться; исправить вину мою было первым делом, первую мыслью моею; но одна мысль, что я нарушил первейшие обязанности мои, что я не исполнил моего долга, положенного на меня самою природою, эта мысль уничтожила меня. Я не держался правила многих, что бумага не краснеет и что два, три пошлых извиненья (в неименье времени и т. п.) будут достаточны для поправленья ошибки, я краснел заочно, досадовал на себя, не знал что, как и с каким видом буду писать к Вам; я брал перо и бросал его, не докончив письма моего. Я молю, заклинаю Вас, любезнейшие дяденька и тетенька, верить этому; это чистые излишня раскаяющагося (1) сердца; это смущенье и тягостное положенье моего к Вам (2) было причиною моего столь долгого молчанья.

Горестная смерть отца моего и благодеянья, Вами оказанные семейству нашему, благодеянья, за которые даже не знаю как научиться быть благодарным Вам, это возбудило во мне чувства, которые возбудили во мне в большей степени всё прежнее, – и чувства стыда, и муки раскаянья.

Чувствую вину мою; не смею надеяться на прощенье; но величайшею милостию для меня было бы, если бы Вы позволили мне писать к Вам или хоть к сестре моей, от которой я бы мог узнавать о всем том, что дорого сердцу моему; новый год, которого я встречаю желаньем блага и счастья Вам, любезнейшие дяденька и тетенька, новый год будет свидетелем моего исправленья.

Постараюсь в продолженье его заслужить вниманье Ваше изъявленьем искренней привязанности моей к Вам, моею благодарностию к благодеяниям Вашим нашему семейству и постоянным сохраненьем того священного чувства любви, почтенья и преданности, с которыми честь имею пребыть покорным и преданным племянником

Ф. Достоевский.

На конверте:

Его высокоблагородию милостивому государю Александру Алексеевичу Куманину.

В Москву.

На Покровку, в приходе Козьмы и Дамиана, в собственном доме.

(1) так в подлиннике

(2) так в подлиннике

1840

28. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 января 1840. Петербург

С.-Петербург. 1840 года. Генваря 1-го дня.

Благодарю тебя от души, добрый брат мой, за твое милое письмо. Нет! я не таков, как ты; ты не поверишь, как сладостный трепет сердца ощущаю я,

когда приносят мне письмо от тебя; и я изобрел для себя нового рода наслаждение - престранное - томить себя. Возьму твое письмо, перевертываю несколько минут в руках, щупаю его, полновесно ли оно, и, насмотревшись, налюбовавшись на запечатанный конверт, кладу в карман... Ты не поверишь, что за сладострастное состоянье души, чувств и сердца! И таким образом жду иногда с 1/4 часа; наконец с жадностью нападаю на пакет, рву печать и пожираю твои строки, твои милые строки. О чего не переживает сердце, читая их! Сколько ощущений толпятся в душе, и милых и неприятных и сладких и горьких; да! брат милый, - и неприятных и горьких; ты не поверишь, как горько, когда не разберут, не поймут тебя, поставят всё совершенно в другом виде; совершенно не так, (1) как хотел сказать, но в другом, безобразном виде... Прочитав твое последнее письмо, я был un engagé, потому что не был с тобою вместе: лучшие из мечтаний сердца, священнейшие из правил, данных мне опытом, тяжким, многотрудным опытом, исковерканы, изуродованы, выставлены в прежалком виде. Сам ты пишешь ко мне: "Пиши, возражай, спорь со мною", - и находишь в этом какую-то пользу! Никакой, милый брат мой, решительно никакой; только то, что, твой эгоизм (который есть у всех нас грешных) выведет невыгодное заключение о другом, о его мнениях, правилах, характере и скудоумии... Ведь это преобидно, брат! Нет! Полемика в дружеских письмах - подслащенный яд. - Что-то будет, когда мы увидимся с тобою? Это будет, кажется, всегдашним предлогом раздора между нами... Но оставляю это! об этом еще можно поговорить на последних страницах.

Военная академия - c'est du sublime! Знаешь ли, что это преблистательный проект (?!) Я много думаю о судьбе твоей, чтобы согласить ее с нашими обстоятельствами, и сам остановился на Военной академии; но ты предупредил меня; следовательно, и тебе это нравится... Но вот что: ведь надо прослужить по крайней мере год, пред вступлением в Военную акад<емию>; останься при чертежной на этот год.

Ну что ты бредишь тетрадками, когда я не знаю твоей программы; что же я пришлю тебе? Артиллерию, впрочем, курс кондукторских классов (что именно, кажется, вам и надобно) пришлю непременно, записки генерал-майора Дядина, который сам, собственною особою, будет экзаменовывать тебя. Но не иначе посылаю тебе эти тетрадки, как на месяц. Они чужие. Я насилу достал их. Ни дня больше одного месяца. Спиши их или отдай списать (Дядин человек с причудами, ему надо вызубрить или говорить своими словами как по книге). Полевая фортификация такая глупость, которую можно вызубрить в 3 дня. Впрочем, в мае пришлю и ее тебе. Другое дело долговременная; постараюсь об ней. Есть у нас и из аналитики литографиров<анные> тетрадки; но это взято слово в слово из Брашмана и, разум<еется>, сокращено. Итак, у нас проходят Брашмана, и ты его зубри. Купи себе.

Знаешь ли геодезию? у нас (курс Волотова). Физика (курс Оземова). О литографиров<анных> дифференциалах постараюсь. Истории у нас курс преполнейший и преогромнейший (литографированный) - достать не могу. Словесность и литература русская - Плаксина, который сам учит у нас. Скажу тебе, что ваш экзамен в полевые инженеры прелегкий. Глядят сквозь пальцы, и у всех та логика, чтобы не притеснять своего брата инженера. Этому вижу я пречастые примеры.

К Куманиным я отправил преблагопристойное письмо. Не беспокойся. Я жду хороших последствий. К опекуну еще не писал: ей-богу, нет времени! Поздравляю тебя с Новым годом, милый. Что-то принесет он нам! Что хочешь, а последние 5 лет для нашего семейства были ужасны. - Я читал твое прошлогоднее посланье к Новому году. Мысль хорошая; дух и выраженья

стихов под сильным влиянием Barbier; между прочим, у тебя были в свежей памяти его слова о Наполеоне.

Теперь о твоих стихах. Послушай, милый брат! Я верю: в жизни человека много, много печалей, горя и – радостей. В жизни поэта это и терн и розы. Лирика – всегдашний спутник поэта; потому что он существо словесное. Твои лирические стихотворенья были прелестны: "Прогулка", "Утро", "Виденье матери", "Роза" (кажется так), "Фебовы кони" и много других прелестны. Какая живая повесть о тебе, милый! И как близко она сказалась мне. Я мог тебя понимать тогда; потому что те месяцы были так памяты для меня, так памяты. О сколько случилось тогда и странного и чудесного в моей жизни. Это предолгая повесть, и я ее никому не расскажу.

Шидловский показал мне тогда твои стихотворенья... О! как ты несправедлив к Шидловскому. Не хочу защищать того, что разве не увидит тот, кто не знает его, и кто не очень переменчив в мненьях – знаний и правил его. Но ежели бы ты видел его прошлый год. Он жил целый год в Петербурге без дела и без службы. Бог знает, для чего он жил здесь; он совсем не был так богат, чтобы жить в Петербурге для удовольствий. Но это видно, что именно для того он и приезжал в Петербург, чтобы убежать куда-нибудь. Взглянуть на него: это мученик! Он иссох; щеки впали; влажные глаза его были сухи и пламенны; духовная красота его лица возвысилась с упадком физической. Он страдал! тяжело страдал! Боже мой, как любит он какую-то девушку (Marie, кажется). Она же вышла за кого-то замуж. Без этой любви он не был бы чистым, возвышенным, бескорыстным жрецом поэзии... Пробираясь к нему на его бедную квартиру, иногда в зимний вечер (н<a>п<пример>, ровно год назад), я невольно вспоминал о грустной зиме Онегина в Петербурге (8-я глава). Только предо мною не было холодного созданья, пламенного мечтателя поневоле, но прекрасное, возвышенное созданье, правильный очерк человека, который представили нам и Шекспир и Шиллер; но он уже готов был тогда пасть в мрачную манию характеров байроновских. – Часто мы с ним просиживали целые вечера, толкуя бог знает о чем! О какая откровенная чистая душа! У меня льются теперь слезы, как вспомню прошедшее! Он не скрывал от меня ничего, а что я был ему? Ему надо было сказаться кому-нибудь; ах, для чего тебя не было при нас! Как он желал тебя видеть! Назвать тебя лично другом названье, которым гордился он. Я помню, когда слезы лились у него при чтенье стихов твоих; он знал их наизусть! И про него ты мог сказать, что он смеялся над тобою! О какое бедное, жалкое созданье был он! Чистая ангельская душа! И в эту тяжкую зиму он не забыл любви своей. Она разгоралась всё сильнее и сильнее. – Наступила весна; она оживила его. Воображенье его начало создавать драмы, и какие драмы, брат мой. Ты бы переменял мненье о них, ежели бы прочел (2) переделанную "Марию Симонову". Он переделывал ее всю зиму, старую же форму ее сам назвал уродливою. – А лирические стихотворенья его! О ежели бы ты знал те стихотворенья, которые написал он прошлой весной. Наприм<ер>, стихотворенье, где он говорит о славе. (3) Ежели бы ты прочел его, брат! Пришед из лагеря, мы мало пробыли вместе. В последнее свиданье мы гуляли в Екатерингофе. О как провели мы этот вечер! Вспоминали нашу зимнюю жизнь, когда мы разговаривали о Гомере, Шекспире, Шиллере, Гофмане, о котором столько мы говорили, столько читали его. Мы говорили с ним о нас самих, о прошлой жизни, о будущем, о тебе, мой милый. – Теперь он уже давно уехал, и вот ни слуху ни духу о нем! Жив ли он? Здоровье его тяжело страдало; о пиши к нему!

Прошлую зиму я был в каком-то восторженном состоянии. Знакомство с Шидловским (4) подарило меня столькими часами лучшей жизни; но не то было тогда причиною этого. Ты, может быть, упрекал и упрекнешь меня, почему я

не писал к тебе. Глупые ротные обстоятельства тому причиною. Но сказать ли тебе, милый; я никогда не был равнодушен к тебе; я любил тебя за стихотворенья твои, за поэзию твоей жизни, за твои несчастья – и не более; братской любви, дружеской любви не было... Я имел у себя товарища, одно создание, которое так любил я! Ты писал ко мне, брат, что я не читал Шиллера. Ошибаешься, брат! Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им; и я думаю, что ничего более кстати не сделала судьба в моей жизни, как дала мне узнать великого поэта в такую эпоху моей жизни; никогда бы я не мог узнать его так, как тогда. Читая с ним Шиллера, я поверял над ним и благородного, пламенного Дон Карлоса, и маркиза Позу, и Мортимера. Эта дружба так много принесла мне и горя и наслажденья! Теперь я вечно буду молчать об этом; имя же Шиллера стало мне родным, каким-то волшебным звуком, вызывающим столько мечтаний; они горьки, брат; вот почему я ничего не говорил с тобою о Шиллере, о впечатленьях, им произведенных: мне больно, когда услышу хоть имя Шиллера.

Хотел было много написать тебе в ответ на твои нападки на меня, на то, что ты не понял слов моих. Также и потолковать кой о чем; но нынешнее письмо к тебе доставило мне столько сладких минут, мечтаний, воспоминаний, что я решительно не способен говорить о другом. Оправдаюсь только в одном: я не сортировал великих поэтов, и тем более не зная их. Я никогда не делал подобных параллелей, как, н<апример>, Пушкин и Шиллер. Не знаю, с чего ты взял это; выпиши мне, пожалуйста, слова мои; а я отрекаюсь от подобной сортировки; может быть, говоря о чем-нибудь, я поставил рядом Пушкина и Шиллера, но я думаю, что между этими 2-мя словами есть запятая. Они ни мало не похожи друг на друга. Пушкин и Байрон так. Что же касается до Гомера и Victora Hugo, то ты, кажется, нарочно не хотел понять меня. Вот как я говорю: Гомер (баснословный человек, может быть как Христос, воплощенный богом и к нам посланный) может быть параллелью только Христу, а не Гете. Вникни в него брат, пойми "Илиаду", прочти ее хорошенько (ты ведь не читал ее? признайся). Ведь в "Илиаде" Гомер дал всему древнему миру организацию и духовной и земной жизни (5) совершенно в такой же силе, как Христос новому. Теперь поймешь ли меня?

Victor Hugo как лирик чисто с ангельским характером, с христианским младенческим направлением поэзии, и никто не сравнится с ним в этом, ни Шиллер (сколько ни христианск<ий> поэт Шиллер), ни лирик Шекспир, я читал его сонеты на французском, ни Байрон, ни Пушкин. Только Гомер с такою же неколебимую уверенностью в призвании, с младенческим верованием в бога поэзии, которому служит он, похож в (6) направлении источника поэзии на Victora Hugo, но только в направлении, а не в мысли, которая дана ему природою и которую он выражал; я и не говорю про это. Державин, кажется, может стоять выше их обоих в лирике. Прощай, милый!

Твой друг и брат Ф. Достоевский.

Вот тебе распекация: говоря о форме, ты почти с ума сошел; я давно уже подозреваю это маленькое беспокойство ума твоего, и не шутя. Недавно ты что-то такое говорил о Пушкине! Я пропустил это, и не без причины. О форме твоей потолкую в следующ<ем> письме. Теперь нет ни места, ни времени. Но скажи, пожалуйста: говоря о форме, с чего ты взял сказать: нам не могут нравиться ни Расин, ни Корнель (?!?!), оттого что у них форма дурна. Жалкий ты человек! Да еще так умно говорит мне: Неужели ты думаешь, что у них нет поэзии? У Расина нет поэзии? У Расина, пламенного, страстного, влюбленного в свои идеалы Расина, у него нет поэзии? (7) И это можно спрашивать. Да читал ли ты "Andromaque", а? брат! Читал ли ты "Iphigénie"; неужели ты скажешь, что это не прелестно. Разве Ахилл Расина

не гомеровский? Расин и обокрал Гомера, но как обокрал! Каковы у него женщины! Пойми его. Расин не был гений; мог <ли> (8) он создать драму! Он только должен подражать Корнелю. А "Phidre"? Брат! Ты бог знает что будешь, ежели не скажешь, что это не высшая, чистая природа и поэзия. Ведь это шекспировский очерк, хотя статуя из гипса, а не из мрамора. Теперь о Корнеле? Послушай, брат. Я не знаю, как говорить с тобой; кажется, а la Иван Никифорович: "гороху наевшись". Нет, не поверю, брат! Ты не читал его и оттого так промахнулся. Да знаешь ли, что он по гигантским характерам, духу романтизма - почти Шекспир. Бедный! У тебя на всё один отпор: "классическая форма". Бедняк, да знаешь ли, что Корнель появился только 50 лет после жалкого, бесталанного горемыки Jodel'я, (с его пасквильною "Клеопатрою", после Тредьяковского Ronsarda и после холодного рифмача Malherba, почти его современника. Где же ему было выдумать форму плана? Хорошо, что он ее взял хоть у Сенеки. Да читал ли ты его "Cinna". Пред этим божественным очерком Октавия, пред которым <...> (9) Карл Мор, Фиеско, Тель, Дон Карлос. Шекспир<у> честь принесло бы это. Бедняк. Ежели ты не читал этого, то прочти, особенно разговор Августа с Cinna, где он прощает ему измену (но как прощает (?)). Увидишь, что так только говорят оскорбленные ангелы. Особенно там, где Август говорил: "Soyons amis, Cinna". Да читал ли ты "Horace". Разве у Гомера найдешь такие характеры. Старый Horace - это Диомед. Молодой Horace - Аякс Теламонид, но с духом Ахилла, а Куриас - это Патрокл, это Ахилл, это всё, что только может выразить грусть любви и долга. Как это велико всё. Читал ли ты "Le Cid". Прочти, жалкий человек, прочти и пади в прах пред Корнелем. Ты оскорбил его! Прочти, прочти его. Чего же требует романтизм, ежели высшие идеи его не развиты в "Cid'e". Каков характер Don Rodrigue'a, молодого сына его и его любовницы! А каков конец!

Впрочем, не сердись, милый, за обидные выраженья, не будь Иваном Ивановичем Перерепенко.

Нынешнее письмо заставило меня пролить несколько слез от воспоминаний о прошлом.

Сюжет твоей драмы прелестен, видна верная мысль, и особенно то нравится мне, что твой герой, как Фауст, ища беспредельного, необъятного, делается сумасшедшим именно тогда, когда он нашел это беспредельное и необъятное - когда он любим. Это прекрасно! Я рад, что тебя чему-нибудь научил Шекспир.

Сердишься, зачем не отвечаю на все вопросы. Рад бы, да нельзя! ни бумаги, ни времени нет. Впрочем, ежели на всё отвечать, (10) напри<м>, и на такие вопросы: "Есть ли у тебя усы?" - то ведь никогда не найдешь места написать что-нибудь лучшего. Прощай, мой милый, добрый брат. Прощай еще. Пиши.

(1) было начато: не в то<м>

(2) далее было: им

(3) было: о своей славе

(4) далее было: которое

(5) далее было: то

(6) было: в своем

(7) далее было: Да читал

(8) уголок страницы срезан

(9) уголок страницы срезан

(10) далее было: одинаково

29. А. А. и А. Ф. КУМАНИНЫМ

28 января 1840. Петербург

С.-Петербург. Января 28-го дня 1840 года.

Милостивый государь любезнейший дяденька
и милостивая государыня любезнейшая тетенька!

Никогда никакое радостное известие не производило столь приятного и сладостного впечатленья в душе моей, как то, которое ощутил я при чтенье письма сестры. Ожидал ли я и, судя по вине моей, мог ли я ожидать подобной благосклонности и расположенья со стороны Вашей, любезнейшие дяденька и тетенька. Не могу дать отчета в тех чувствованьях, которые волновались во мне при получении письма Вашего. Вся тяжесть моей вины, всё справедливое негодование Ваше, любезнейшие дяденька и тетенька, живо представились предо мною! Но какая перемена! Вы возвращаете мне Ваше благорасположение охотно, с любовью, мне, нисколько не заслужившему этого. Но я не знал, и не могу сказать, что происходило тогда в сердце моем? Я должен был радоваться, я не знал, как радоваться письму этому; ибо ничто в мире не могло меня сделать более счастливым, как прощенье Ваше; но досада на себя, стыд, Ваша беспримерная снисходительность ко мне, так долго во зло употреблявшему благорасположение Ваше, всё это налегло на сердце мое тягостнейшим бременем. Наказанье собственной совести – сильнейшее, я несу на себе всю тягость этого наказания... Я в долгу у Вас, любезнейшие дяденька и тетенька, в долгу, превышающем силы мои, и если исправленье вины моей, раскаянье и привязанность моя к Вам будут иметь хотя малейшую цену в глазах Ваших, то я почту еще себя счастливым: ибо весьма облегчу совесть мою.

Но что меня восхитило больше всего, что напомнило душе моей так много милого в прошедшем, что заставило мое сердце забиться еще пламеннее к Вам, то это собственноручные строки Ваши, любезнейшая тетенька. Такого снисхожденья и добродушия не мог ожидать я... Тем более были приятны для меня эти строки, что уже давно, единственно по собственной вине и ошибке своей, не слыхал я таких сладких серд<ц>у слов, и выраженья Вашей любви ко мне, любезнейшая тетенька, которые напомнили мне покойную мать мою... С каким жаром целовал я строки эти; с каким жаром 1000 раз целую ручки Ваши, любезнейшая тетенька!

Но нет и счастья без горести. Это письмо глубоко растравило в сердце моем едва зажившие раны. Смерть дяденьки заставила меня пролить несколько искренних слез в память его. Отец, мать, дяденька, и всё это в 2 года! Ужасные годы!

Еще ранее поспешил бы я письмом моим, если бы не экзамены, задержавшие меня. Теперь они кончились, и я не теряю ни минуты. Но чувствую, что уже я утомляю Вас письмом моим. – Итак, позвольте искренно любящему и почитающему Вас племяннику Вашему пребыть навсегда покорным и послушным Вам

Ф. Достоевский.

30. В. М. ДОСТОЕВСКОЙ

28 января 1840. Петербург

Любезнейшая сестра Варенька! Твое письмо обрадовало меня несказанно: в нем ты объявила мне прощенье дяденьки и тетеньки. Но как ты подумать могла, любезнейшая сестра моя, что я забыл тебя; о ком же помнить мне более, если не об родственниках – благодетелях наших, и вас, мои милые братья и сестры. Нет! я никогда не забывал этого; верь всегда, Варенька, что у тебя есть братья, которые любят тебя более жизни своей. Старший брат твой, любезнейшая сестра моя, любит тебя также пылко, несказанно: умеи почитать и, ежели можешь, столько же любить его. Вспомни, сколько несчастий перенес он бедный, чтобы успокоить отца своего при жизни; поэтому можешь судить и о любви его к родным своим. Самая теснейшая дружба связывает меня с ним.

Милая сестра! Ты написала мне столь много приятных известий о семействе нашем... Но о сестре Верочке еще ни слова... Она как будто забытая. Напиши мне о них всех и больше, как можно больше. Что они? выросли ли малытки наши, изменились ли? Всех их целую от души, так же как и тебя, милая сестра моя. Скажи Андрюше, что я бы весьма желал получить несколько собственных строчек в письме твоём. Научи его быть благодарным благодетелям нашим. Передай ему это от меня.

Прощай, милая сестра моя.

Твой друг и брат Ф. Достоевский

31. О. Я. НЕЧАЕВОЙ

28 января 1840. Петербург

Любезнейшая бабушка! Как сладко отозвались в сердце моем слова сестры моей, упоминавшей о том, что Вы не забыли меня. Ежели бы я имел право просить любезнейшего дяденьку в прошлом письме моем о передаче Вам моего нижайшего почтения, любви и уваженья, то я бы, к несказанному для меня удовольствию, мог бы предупредить Вас. Теперь мне ничего более не остается, как нижайше благодарить Вас об этом. Верьте, что никогда не забуду я того уважения и преданности, с которыми честь имею пребыть теперь Вас любящим и преданным Вам

Ф. Достоевский.

Любезнейшей тетеньке, Катерине Федоровне, свидетельствую мое нижайшее уважение.

32. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

19 июля 1840. Петергоф

Петергоф. 19 июля 1840 г.

Снова беру перо, милый, хотя и неумолимый, брат мой, и снова должен начинать письмо просьбою о незлопамятности, просьбою тем сильнейшею, чем ты будешь более упорствовать и сердиться. Нет, мой милый, добрый брат! я от тебя не отстану, пока ты не протянешь, по-прежнему, ко мне руки своей. И не знаю, милый мой! ты всегда был справедлив ко мне (бывали хотя и исключения), всегда извинял меня в случае долгого молчанья, а теперь, когда я представляю причину, причину неопровержимую, сам знаешь, ты как будто глух к словам моим; извини эти упреки, добрый друг мой; (1) я не скрою от тебя, что они вышли прямо из сердца; я люблю тебя, милый мой, и мне больно видеть твоё равнодушие. На твоём месте я бы давно забыл всё,

чтобы только скорее извинить друга своего, чем заставить его еще долее выпрашивать извиненье! По крайней мере я с моей стороны, видя себя теперь в порядочных обстоятельствах, то есть при деньгах (опекун уже прислал мне), хотя не при больших, непременно обещаюсь писать решительно каждую неделю. Теперь же пишу наскоро, потому что не смею распространиться большим письмом; поминутно ожидаем тревоги и маневров, которые будут продолжаться дня 3.

Ах, милый брат, пиши мне ради бога хоть что-нибудь. Ежели бы ты только знал, как я беспокоюсь о твоей участи, о твоих решеньях, намереньях, о твоём экзамене, милый мой; потому что вот уже и он и на дворе. Бог знает, (2) застанет ли это письмо тебя еще (3) в Ревеле; дай-то бог тебе, милый друг; ах! ежели мы еще далее будем продолжать эти несогласия, это расстройство в нашей неразрывной дружбе, то я и не знаю, что за мученье испытаю я через твое молчанье. – Ведь вот уже наступает эта глупая и между тем эта решительная развязка в судьбе твоей, развязка, которой я ожидал всегда с каким-то трепетом. В самом деле: что от этого зависит? вспомни-ка. Твоя жизнь, твой досуг, твое счастье, милый мой, да, твое счастье; потому что, ежели ты не переменялся сам или не переменялась судьба твоя с тех пор, когда ты с таким восторгом писал мне о своих надеждах, о своей Эмилии, то, разумеется, можешь сам рассудить, какую перемену может произвести удачный (4) экзамен в судьбе твоей. Ну вот хоть и это обстоятельство в судьбе твоей, добрый брат мой! Неужели ты думаешь, что это было бы не слишком уж жестоко лишать доверенности брата своего, когда, может быть, я бы мог (5) свою дружбу разделить с тобой или счастье или горе, милый друг; ах! добрый мой! бог тебе судья за то, что ты оставляешь меня в такой неизвестности, в такой тяжкой неизвестности. Да что-то случилось с тобой, брат мой! Сбылись ли, я не говорю мечты твои, но сбылось ли то, чем блеснула тебе в глаза судьба, показав в темной перспективе жизни твоей светлый уголок, где сердце сулило себе столько надежд и счастья; время, время много показывает; только одно время может оценить, ясно определить (6) всё значенье этих эпох жизни нашей. Оно может определить, прости мне за слова мои, брат мой, может определить, была ли эта деятельность душевная и сердечная чиста и правильна, ясна и светла, как (7) наше естественное стремление в полной жизни человека, или неправильная, бесцельная, тщетная деятельность, заблуждение, вынужденное у сердца одинокого, часто не понимающего себя, часто еще бессмысленного как младенец, но также чистого и пламенного, невольного, ищущего для себя пищи вокруг себя и истомляющего себя в неестественном стремлении "неблагородного мечтанья". В самом деле, как грустна бывает жизнь твоя и как тягостны остальные ее мгновенья, когда человек, чувствуя свои заблужденья, сознавая в себе силы необъятные, видит, что они истрачены в деятельности ложной, в неестественности, в деятельности недостойной для природы твоей; когда чувствуешь, что пламень душевный задавлен, потушен бог знает чем; когда сердце разорвано по клочкам, и отчего? От жизни, достойной пигмея, а не великана, ребенка, а не человека. (8)

И здесь опять необходима дружба; потому что сердце само осетит себя тогда неразрывными путями, и человек падет духом, поникнет перед случаем, перед причудами сердца своего как перед веленьями судьбы, и сочтет ничтожную паутину за эти ужасные сети, из нитей которых не выбивается никто, перед которыми всё никнет: это тогда когда судьба бывает (9) истинно веленьем провиденья, то есть действует на нас неотразимую силою целой природы нашей.

Я на время прервал письмо мое; был развлечен службою; ах, брат, ежели бы ты только имел понятие о том, как мы живем! Но приезжай скорее, милый

друг мой; ради бога приезжай. Ежели бы знал ты, как необходимо для нас быть вместе, милый друг! Целые годы протекли со времени нашей разлуки. Клочок бумаги, пересылаемый мною из месяца в месяц – вот была вся связь наша; между тем время текло, время наводило и тучи и ведро на нас, и всё это протекло для нас в тяжком, грустном одиночестве; ах! ежели бы ты знал, как я одичал здесь, милый, добрый друг мой! любить тебя это для меня вполне потребность. Я совершенно свободен, не завишу ни от кого; но наша связь так крепка, мой милый, что я, кажется, сросся с кем-то жизнью. Сколько перемен в нашем возрасте, мечтах, надеждах, думах ускользнуло друг от друга меж нами незамеченными, и которые мы сохранили у себя на сердце. О! когда я увижу тебя, чувствую, что мое существование обновится; я чувствую себя как-то беспокойным теперь; течение моего времени так неправильно... Я сам не знаю, что со мною. Приезжай ради бога, приезжай, друг мой, милый брат мой.

Не знаю, опасаться ли мне насчет твоего экзамена. Как-то ты приготовлен? Что касается до ваших экзаменаторов, то я уверен в них. Вас экзаменуют у нас всегда так легко и просто, что ежели ты чем-нибудь да занимался, то выдержишь; и не такие выдерживали. Примеров я видал кучу. – Я думаю, ты не сердись на меня за тетрадки; опять повторяю, они не нужны для тебя по их ничтожности, это всё прежалкие сокращения, стыдно сказать; да их и нет ни у кого.

Сестры не было в Петербурге. Мы скоро выйдем из Петергофа. Адрес в Петербург. Прощай, добрый, милый друг мой. Вот тебе несколько строк, писал такими урывками. Ежели бы ты знал, как нам теперь несносно жить. Прощай же, мой милый, мой добрый друг, брат. Пиши скорее непременно.

Ф. Достоевский.

- (1) далее было: но
- (2) далее было: еще
- (3) было: хоть
- (4) было: твой удачный
- (5) далее было: быть твоим единственным
- (6) далее было: это
- (7) далее было: чисто
- (8) далее было: как
- (9) было: хочет быть

1841

33. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
27 февраля 1841. Петербург

С.-Петербург. 27 февраля.

Вот и опять письма, милый друг мой! Давно ли думали мы почти навек не разлучаться и кое-как, (1) весело, беспечно проводили время, и вдруг в один миг ты отнят от меня надолго, надолго. Мне очень стало грустно одному, милый мой. Не с кем слова молвить, да и некогда. Такое зубрение, что и боже упаси, никогда такого не было. Из нас жилы тянут, милый мой. Сижу и по праздникам, а вот уж наступает март месяц – весна, тает, солнце

теплее, светлее, веет югом - наслаждение да и только. Что делать! Но зубрить осталось немного!
Вероятно, ты догадаешься, отчего это письмо на 1/4 листа. Пишу его ночью, урвав время.

Ну, милый мой, рад, очень рад хоть одним тебя порадовать - ежели ты доселе еще не обрадован и если письмо мое еще застанет тебя в Нарве. В понедельник (в день твоего отъезда) приезжает ко мне Кривопишин; мы обедали тогда, и я не видал его. Оставил записку - приглашение к ним. В воскресенье я был у него вечером, и он мне показывает донесение Пол.т.к.в.ского (2) о сделанном распоряжении насчет твоей командировки в Ревель. Вероятно (да и без сомнения), ты уже в Ревеле, целуешь свою Эмилию (не забудь и от меня); иначе ничем не объяснится медленность командировки. Только насчет денег, вероятно, у тебя сильная чахотка. Писал я к опекуну и в понедельник отослал письмо (в день отъезда твоего). Но письмо его, ежели и будет от него что-нибудь, придет в Нарву, следовательно, все-таки не скоро получишь, а между тем задолжаешь. Из замка остается получить немного. Вообще обстоятельства не благоприятны. Нет надежды ни на настоящее, ни на будущее. Правда, ошибаюсь! Есть одна на 1000000, который я выиграю - надежда довольно вероятная! 1 против 1000000!

Не умри, голубчик мой, с тоски в Нарве прежде получения дальнейшей командировки.

Благодари Кривопишина. Вот бесценнейший человек! Поискать! Принят я у них бог знает как. Меня одного принимают, когда всем отказывают, как в последний раз. Твое дело решилось в минуту, а без того (3) "не жить тебе с людьми!"

Благодари его. Они стоят того. Чем заслужили мы их внимание? Не понимаю! Ни у кого еще не был у кое-кого из знакомцев Петербурга. Ни у m-ше Зубатовой, ни у Григоровича, ни у Ризенкампа, ни в крепости. Жду погоды.

Голова болит смертельно. Передо мною системы Марино и Жилломе и приглашают мое внимание. Мочи нет, мой милый. Ожидай большей связи в следующем письме моем, а теперь, ей-богу, не могу. Хочется застать тебя в Нарве, оттого и пишу теперь.

О брат! милый брат! Скорее к пристани, скорее на свободу! Свобода и призвание - дело великое. Мне снится и грезится оно опять, как не помню когда-то. Как-то расширяется душа, чтобы понять великость жизни. В следующем письме более об этом.

Ты же, милый, - дай бог тебе счастья в мирном, прелестном кругу семейственном, в любви, в наслаждение - и свободе.

О ты будешь свободнее меня - ежели устроится внешность!

Прощай, друг мой.

Твой Достоевский.

(1) кое-как вписано над: весело

(2) так в подлиннике

(3) было: без него

34. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
22 декабря 1841. Петербург

22 декабря.

Ты пишешь мне, бесценный друг мой, о горести, защемившей сердце твое, о твоём бедствии, пишешь, что ты в отчаянии, мой любезный, (1) милый брат! Но посуди же сам о тоске моей, об моей горести, когда я узнал всё это. Мне стало грустно, очень грустно: это было невыносимо. Ты приближаешься к той минуте жизни, когда расцветают все надежды наши и желания наши; когда счастье прививается к сердцу, и сердце полно блаженством; и что же? Минуты эти осквернены, потемнены горестию, трудом и заботами.

– Милый, милый мой! Если бы ты знал, как я счастлив, что могу хоть чем-нибудь помочь тебе. С каким наслажденьем посылаю я эту безделку, которая хоть сколько-нибудь может восстановить покой твой; этого мало – я знаю это. Но что же делать, если более – брат – клянусь, не могу! Сам посуди. Если бы я был один, то я бы для тебя, дорогой мой, остался бы без необходимого; но у меня на руках брат; а писать скоро в Москву – бог знает, что они подумают! Итак, посылаю эту безделицу. Но боже мой. Как же несправедлив ты, мой милый бесценный друг, когда пишешь подобные слова – взаимы – заплачу. Не совестно ли, не грешно ли, и между братьями! Друг мой, друг мой, неужели ты не знаешь меня. Не этим могу я для тебя пожертвовать!! Нет! ты был не в духе, и я это тебе прощаю.

Когда свадьба! Желая тебе счастья и жду длинных писем. Я же даже и теперь не в состоянии написать тебе порядочного. Веришь ли, я к тебе пишу в 3 часа утра, а прошлую ночь и совсем не ложился спать. Экзамены и занятия страшные. Всё спрашивают – и репутации потерять не хочется, – вот и зубришь, "с отвращением" – а зубришь.

Чрезвычайно много виноват перед твоей дорогой невестой – моей сестрицею, милой, бесценной, как и ты, но извини меня, добрый друг мой, непонятного характером. Неужели так мало ко мне родственного доверия или уже обо мне составлено чудовищное понятие – неучтивости, невежливости, неприязни, наконец, всех пороков, чтобы быть так против меня предубежденной, не верить моим уверениям в совершенном отсутствии времени и сердиться за молчание; но я этого не заслужил – по чести нет. Извиняюсь пред нею нижайше, прошу ее снисхождения и, наконец, совершенного прощения и отпущения во грехах мне окаянному. Лестно было бы мне называться братом ее, добрым, искренно любящим, но что же делать? Но всегда льщу и буду льстить себя надеждою, что наконец достигну этого.

Об себе в письме этом не пишу ничего. Не могу, некогда – до другого времени. Андрюша болен; я расстроен чрезвычайно. Какие ужасные хлопоты с ним. Вот еще беда. Его приготовление и его житье у меня вольного, одинокого, независимого, это для меня нестерпимо. Ничем нельзя ни заняться, ни развлечься – понимаешь. Притом у него такой странный и пустой характер, что это отвлечет от него всякого; я сильно раскаиваюсь в моем глупом плане, приютивши его. – Прощай, бесценный мой! Счастье да будет с тобой.

Твой Достоевский.

Посылаю тебе 150 рублей. (Это для верности).

(1) вместо: мой любезный – было: бесценный

Декабрь 1842. Петербург

Брат! Если ты получил деньги, то ради бога пришли мне рублей 5 или хоть целковый. У меня уж 3 дня нет дров, а я сижу без копейки. На неделе получаю 200 руб. (я занимаю) наверное, то тебе всё отдам. Если ты еще не получил, то пришли мне записку к Кривошину; Егор снесет ее. А я тебе перешлю сейчас же.

Достоевский.

На обороте: Г-ну Достоевскому.

1843

36. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Январь 1843. Петербург

Удалось ли тебе взять что-нибудь у Притвица, брат? Если удалось, то пришли. У меня ничего нет. Да напиши, когда придешь, и если теперь не пришлешь, то непременно принеси. Ради бога. Хоть сходи на квартиру к Притвицу. Пожалуй<ста>.

Твой брат Ф. Достоевский.

37. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Январь - начало февраля 1843. Петербург

Писал ты мне, люб<езный> брат, что не можешь достать денег ранее масленицы. Но вот что я придумал: с этим письмом я шлю тебе другое, в котором прошу у тебя займы 50 руб. Ты его и покажи сейчас генералу и попроси, чтоб тотчас же выдал тебе немедленно деньги, чтобы отправить сейчас с Егором. Разумеется, скажи ему, что ты мне дал честное слово и что твое желание мне помочь. Ради самого бога, любезнейший, не откажи; а я только лишь получу от брата займы же, расплачусь с тобою; без денег сидеть не будешь. Из 50 руб. возьми себе, что нужно. А на масленице, честное слово, всё отдам, тебе же теперь не нужны деньги, а у меня, поверить не можешь, какая страшная, ужасная нужда.

Помоги мне, пожалуйста.

Твой Достоевский.

Р. С. Если к масленице не будет денег у меня, то я возьму вперед из жалованья и тебе отдам.

На обороте: Андрею Михайловичу Достоевскому.

38. П. А. КАРЕПИНУ

Конец декабря 1843. Петербург

Милостивый государь, любезнейший брат, Петр Андреевич!

Прежде всего позвольте пожелать Вам благополучной встречи Нового года, и хотя обычай предков наших желать при сем нового счастья нашли почтенные потомки избитым и устарелым, а я все-таки пожелаю Вам при моем поздравлении от всей души продолжения счастья старого, если оно было по Вашим желаниям, и нового по житейскому обычаю желать более и более. Счастье Ваше, разумеется, неразлучно с счастьем сестрицы - супруги Вашей, и милых малюток Ваших. Да будет же и их счастье упрочено на всю жизнь - пусть принесет он в семейство Ваше сладостную, светлую гармонию блаженства.

Благодарю за посылку, хотя очень, очень позднюю. Я был уже должен столько же и отдал всё присланное тотчас до копейки. Сам остался ни с чем. Совершенно уверяюсь расчету Вашему на вспоможение остальное за нынешний год; но все-таки, если бы Вы прислали мне теперь же, на днях рублей 150, мои обстоятельства надолго бы упрочились. Теперешнее требование мое объясняется нуждами, изложенными в прошлом письме моем; причем потщусь просить извинения за несколько неосторожных слов - вырванных из души нуждою и необходимостью.

В ожидании ответа Вашего с глубочайшим почтением и преданностью позвольте пребыть, любезнейший братец, Вас любящим родственником
Ф. Достоевский.

39. В. М. КАРЕПИНОЙ
Конец декабря 1843. Петербург

Милая сестрица! давным-давно уже не писал я ничего тебе; винюсь душевно, но видишь ли, я избалован твоею добротою и расположением ко мне и потому всегда надеюсь на прощение. Со мною нужно быть строже и злопамятнее - два качества, совершенно противные твоему доброму, любящему сердцу. Желая тебе счастья большего и большего, добренькая сестрица. Желая счастья и здоровья и малюткам твоим. Пусть вырастут тебе на радость и утеху. Искреннее желание мое прими, а за видимую холодность (молчание) не сердись.

Каюсь перед тобою! Но ведь ты простишь, я это знаю.
Прощай, милая Варенька. Поцелуй наших малюток Сашу, Верочку и Колю.
Тебя любящий брат Ф. Достоевский.

40. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
31 декабря 1843. Петербург

31 декабря 1843 года.

Мы весьма давно не писали друг другу, любезный брат, и поверь мне, что обоим нам это не делает чести. Ты тяжел на подъем, любезнейший... Но так как дело сделано, то ничего не остается, как схватить за хвост будущность, а тебе пожелать счастья на Новый год, да еще малютку. Ежели будет у тебя дочка, то назови Марией.

Эмили Федоровне свидетельствую низжайшее почтение мое, желаю при сем Нового года, с которым тут же и поздравляю. Желая ей наиболее здоровья, а Федю целую и желаю ему выучиться ходить.

Теперь, милейший мой, поговорим о делах. Хотя Карепин и прислал мне 500, но следуя прежней системе, которой невозможно не следовать, имея долги в

доме, я опять с 200 руб. сереб<ром> долгу. Из долгов как-нибудь нужно выбраться. Под сидяч камень вода не потечет. – Судьба благословила меня идею, предприятием, назови, как хочешь. Так как оно выгодно донельзя, то спешу тебе сделать предложение участвовать в трудах, риске и выгодах. Вот в чем сила.

2 года тому назад на русском языке появился перевод /2 первой книжки "Матильда" (Eug. Sue), то есть 1/16-я доля романа. С тех пор не являлось ничего. Между тем внимание публики было разожено; из одной провинции прислали 500 требований и запросов о скором продолжении "Матильды". Но продолжения не было. Серчевский, переводчик ее, бестолковый спекулянт, не имел ни денег, ни перевода, ни времени. Так шли дела 1 1/2 года. Около святой недели некто Черноглазов купил за 2000 р. асс<игнациями> у Серчевского право продолжать перевод "Матильды" и уже переведенную 1-ю часть. Купивши, он нанял переводчика, который перевел ему всю "Матильду" за 1600 руб. Черноглазов получил перевод, отложил его к сторонке, не имея ни гроша не только издать на свой счет, но даже заплатить за перевод. "Матильда" канула в вечность.

Паттон, я и, ежели хочешь, ты соединяем труд, деньги и усилия для исполнения предприятия и издаем перевод к святой неделе. Предприятие держится нами в тайне, рассмотрено со всех сторон и irrivocablement принято нами. Вот как будет происходить дело.

Мы разделяем перевод на 3 равные части и усидчиво трудимся над ним. Рассчитано, что ежели каждый может переводить по 20 страничек Bruxell-ского маленького издания "Матильды", то к 15 февраля кончит свой участок. Переводить нужно начисто прямо, то есть разборчиво. У тебя хорошая рука, и ты можешь это сделать. По мере выхода перевода он будет цензорван. Паттон знаком с Никитенко, главным цензором, и дело будет сделано скорее обыкновенного. – Чтобы напечатать на свой счет, нужно 4500 руб. ассиг<нациями>. Цены бумаги, типографии нами узнаны.

За бумагу требуют 1/3 цены, а остальное дают в долг. Долг обеспечивается экземплярами книги.

Знакомый типографщик, француз, сказал мне, что ежели я дам 1000 руб., то он мне напечатает все экземпляры (в числе 2500) руб., (2) а остальное будет ждать до продажи книги.

Денег нужно самое малое 500 руб. сереб<ром>. У Паттона готовы 700. Мне пришлют в генваре руб. 500 (ежели же нет, я возьму вперед жалование). С своей стороны ты распорядись, чтобы иметь к февралю 500 руб. (к 15-му числу), хоть возьми жалование. С этими деньгами мы печатаем, объявляем и продаем экземпляры по 4 руб. сереб<ром>. (Цена дешевая, французская). Роман раскупается. Никитенко предсказывает успех. Притом любопытство возбуждено. 300 экземпляров окупают все издержки печати. Пусть весь роман в 8 томах по целковому, у нас барыша 7000. Книгопродавцы уверяют, что книга раскупится в 6 месяц<ев>. Барыш на 3 части. Ежели мы пустим роман по рублю ассигнац<иями>, то твои 500 руб. возвратятся к тебе и издание окупится.

Вот наше предприятие; хочешь вступить в союз или нет. Выгоды очевидны. Если хочешь, то начни переводить с "la cinquieme partie". Переводи как можно более, насчет границ перевода твоего напишу.

Пиши немедля. Хочешь или нет?

Достоевский

Отвечай немедля. Прощай.

- (1) в подлиннике ошибочно: книгу
- (2) так в подлиннике

41. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Вторая половина января 1844. Петербург

Любезный брат!

Твой ответ имел я удовольствие получить и спешу сам написать тебе несколько строк. Пишешь, что не знал моего адреса. Но, милый мой, ведь ты знал, что я служу в чертежной Инженерного департамента. Можно ли ошибиться, адресуя в место службы. Твой адрес совершенно верен. Но радуюсь твоей отговорке и принимаю ее. По крайней мере ты не совсем забыл меня, милый брат. Весьма рад вашему счастью, желаю дочку и хорошеть Федашке. Уж если мне суждено крестить у тебя, то да будет воля господня. Только дай бог счастья крестникам. Целую ручки Эмилии Федоровне и благодарю за память. Насчет Ревеля мы подумаем, nous verrons cela (выражение Papa Grandet).

Теперь к делу; это письмо деловое. Наши обстоятельства идут хорошо, до *non plus ultra*. Редакторство поручено мне, и перевод хорош будет. Паттон человек драгоценный, когда дело дойдет до интереса. А ведь ты знаешь, что подобные товарищи в аферах лучше самых бескорыстных друзей. Ты непременно нам помоги и постарайся перевести щегольски. Книгу я тебе хотел послать с этой же почтой, но она у Паттона, а он куда-то пропал. Пришлю с следующей. Но ради бога не выдай, милейший! Переводи с перепиской. Не худо, если бы крайним сроком прислал ты нам перевод к 1-му марта. Тут мы сами все кончим свои участки, и перевод пойдет в цензуру. Цензор Никитенко знаком Паттону и обещал процenzуровать в 2 недели. 15 марта печатаем всё разом и много что к половине апреля выдаем. - Спросишь, где достали деньги; я сколочусь и дам 500. Паттон - 700; у него они есть; и маменька Паттона 2000. Она дает сыну деньги по 40 процентов. Этих денег вельми довольно для печатания. Остальное в долг.

Мы обегали всех книгопродавцев и издателей и вот что узнали.

Черноглазов, переводчик "Матильды" - *un homme qui ne pense a rien*, не имеет ни денег, ни смысла. Перевод же у него есть. Мы объявим о переводе, когда будет половина напечатана, и Черноглазов погиб. Он виноват сам; зачем между 1-ю и 2-ю частями протекло три года. Всякий имеет право выдавать по 2, по 3 перевода одного и того же сочинения. Книгопродавцы ручаются за 1000 экземп<ляров> в провинции, причем деньги получают тотчас; только берут они по 40 к. с руб. Книгопродавцы сказали нам, что безрассудно пускать книгу менее 6-ти руб. сереб<ром> (цена французской книги брyсс<ельского> изд<ания>). Следов<ательно>, мы разом в мае получим 3500 руб. сереб<ром>. Теперь в Петербурге, по уверению тех же самых книгопрод<авцев>, выйдет непременно 350 экземпляр<ов>, 20 проц<ентов> в пользу лавочников; считая за 1500 экземпляр<ов>, нельзя получить менее 5000 руб. серебром. На нас будет 1000 руб. с<еребром> долгу, 4000 с<еребром> барыша. Мы решились делить по-братски, трое, и ты непременно получишь 4000 асс<игнациями> на свою долю. Переведи только теперь.

В переписке оставляй собственные имена в карандаше или (1) мы перепишемся насчет этого.

Миленький побратим, есть до тебя субтильная просьбица. Я теперь без денег. Нужно тебе знать, что на праздниках я перевел "Евгению Grandet" Бальзака (чудо! чудо!). Перевод (2) бесподобный. - Самое крайнее мне дадут за него 350 руб. ассиг<нациями>. Я имею ревностное желание продать его, но у будущего тысячника нет денег переписать; времени тоже. Ради ангелов небесных, пришли 35 руб. ассиг<нациями> (цена переписки). Клянусь Олимпом и моим "Жидом Янкелом" (оконченной драмой) и чем еще? разве усами, кои, надеюсь, когда-нибудь вырастут, что половина того, что возьму за "Евгению", будет твоя.

Dixi.

До свидания.

Достоевский.

Понимаешь, что с первой почтой.

(1) далее было: пиши

(2) было: Мой перевод

42. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

14 февраля 1844. Петербург

14 фев<аля> 1844 г.

Любезный брат!

Ты мне приказал уведомить себя насчет обстоятельств перевода. К крайнему прискорбию моему, бесценный друг мой, скажу тебе, что дело, кажется, не пойдет на лад; - и потому прошу тебя повременить до времени и не переводить далее, доколе не получишь, милый мой, от меня более верного уведомления... Видишь ли: я по-настоящему не имею никакого основания (1) подозревать неудачу. Но осторожность не излишня ни в каком случае. Что до меня, я переводить продолжаю. Тебя же прошу остановиться до времени, чтобы на всякий случай не утруждать себя понапрасну. Мне и так очень прискорбно, милый мой, что, может быть, ты и теперь уже потерял время. - Подозреваемая мною неудача находится (2) не в самом переводе и не в литературном его успехе (предприятие было бы блистательно), но в странных обстоятельствах, возникших между переводчиками. 3-й переводчик был Паттон, который за условленную цену от себя нанял капитана Гартонга поправить свой перевод. Это тот самый Гартонг, который переводил "Плик и Плок", "Хромоногий бес" и написал в "Библиотеку для чтения" повесть "Панихида". Дело шло очень хорошо. Деньги нам давала взаймы мать Паттона, которая дала в том честное слово. Но Паттон в апреле едет на Кавказ служить под командою отца, вместе с своею матерью; он говорит, что непременно окончит перевод и мне поручит печатание и продажу. Но мне что-то не верится, чтобы такие жида, как Паттоны, захотели поверить до 3000 р. мне на дело, как бы то ни было, а рискованное; для них двойной риск. Несмотря на то Паттон переводит. Я это знаю и видел своими глазами. Все эти причины понудили меня просить тебя, друг мой, оставить покамест перевод. Весьма в недолгом времени уведомлю тебя последним решением; но, вероятно, не в пользу перевода: сам суди. А как жалко, друг мой, как мне-то тебя жалко. Извини, голубчик, и меня бедняка; ведь я Мурад несчастный. Желая Эмили Федоровне прехорошенькую дочку и много, много здоровья. Целую у ней и у Феде ручки.

Твой всегда Ф. Достоевский.

Напиши, что у тебя было с Егором Ризенкампом. Отец писал что-то своему сыну. А я тебе в будущем письме напишу про моего Ризенкампа Александра.

На обороте: Его благородию милостивому государю Михайле Михайловичу Достоевскому.

В Ревель. В крепость.

Инженер-прапорщику при тамошней Инженерной команде.

(1) далее было начато: гово<рить>

(2) было: зависит

43. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Март - апрель 1844. Петербург.

Любезный брат!

Пишу к тебе наскоро и несколько строчек. Я полагаю, что ты, получа письмо мое, немедленно принялся за работу Ради бога, займись переводом "Дон Карлоса". Славная будет вещь. Займись и поскорее. На днях в голове моей блеснула идея. Это: напечатать "Дон Карлоса" немедленно по получении на свой счет. Деньги я достану, именно возьму вперед жалование (что я уже не раз делывал). Вот счет, что будет стоить печать, что я накинул примерно: Бумаги лучшей веленовой на 1000 экземпляров - листов 5000. 500 листов лучшей бумаги стоят 10 руб., итого 100 руб. Печатать мелким разбористым шрифтом (немного крупнее бельгийского), за лист 30 руб. асс<игнациями>, всех листов будет 5 (наиб<ольшее>)

след<овательно> ..... всего 150

да 100 за бум<агу>

250

Красивая лососиновая или

светло-зеленая обертка ....30 р. ассиг<нациями>

всего 280 р.

Экземпляр стоит 1 руб. сереб<ром>. 100 экземпляров окупят издание с большими процентами.

Остальное, если продать по 10 коп. серебром экземпляр, то выручишь в случае неудачи 350 руб. ассиг<нациями> - цену, которую дадут тебе в "Репертуар<е>", - это наибольшее.

Подумай, брат. Перевод "Дон Карлоса" будет отрадною новостью в литературе. Его купят любители, продадут по крайней мере 300 экземпляров. Подумай! Ты ничем не рискуешь. За меня не беспокойся; я эти дела понимаю и не войду впросак, всегда окуплю издание.

У тебя семейство. Сидя или колотясь на работах, смотря, как кладут кирпичи, немного отрадных мыслей войдет в голову. Жалование маленькое. Будете с хлебом; но ты будешь без нового сюртука, когда надобно его иметь непременно. Горе в молодости опасно! Следовательно, нужно работать. Стихом ты владеешь прекрасно. И с французского переводчик может быть с хлебом в Петербурге; да еще с каким; я на себе испытываю (перевожу Жорж Занд и беру 25 руб. асс<игнациями> с листа печатного). (1) Отчего Струговщиков уже славен в нашей литературе? переводами. А ты хуже его что ли переводил? Тот нажил состояние. Ты бы давно мог, а прежде мы приняться не умели только. Я напишу предисловие, а ты стихи к Шиллеру. Можно начать печатать в июне, и к 1-му июлю я бы тебе прислал экземпляр в золотой обертке. В литературе поле чисто: примут с восторгом. Я уверен, что ты переводил. Пиши, ради бога, скорее и успокой меня. Эполеты не прислал, оттого что позабыл. Пришло непременно. Жду ответа, ради бога.

Твой Достоевский.
Служба надоедает.
Служба надоела, как картофель. Прощай.
Кланяйся Эмилии Федоровне. Целуй племянников. Приехать к вам не могу. Не пускают, душа моя. Но приеду на 2 недели в сентябре, когда выйду в отставку. То-то поговорим.
а далее было начато: Ты

44. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
Июль - август 1844. Петербург

Любезный брат!
Промежуток между последним письмом твоим и моим ответом был чреват различными происшествиями. (1) Не все удались, но некоторые довольно благоприятны.
Получив "Разбойников", я тотчас же принялся за чтение; вот мое мнение о переводе: песни переведены бесподобно, одни песни стоят денег. Проза переведена превосходно - в отношении силы выражения и точности. Ты жалуешься на Шиллера за язык; но заметь, мой друг, что этот язык и не мог быть другим. Но я заметил, что ты слишком увлекался разговорным языком и часто, весьма часто для натуральности жертвовал правильностью русского слова. Кроме того, кой-где проскакивают слова не русские (но не штудировать, не сувенирчики - употребление этих слов верх искусства и находчивости). Наконец, иная фраза переведена с величайшею небрежностью. Но вообще перевод удивительный в полном смысле слова. Я подчистил кое-что и приступил к делу тотчас. Я пошел к Песоцкому и Межевичу. Канальи жмутся. О помещении в своем журнале всего Шиллера и думать не хотят; они не постигают хорошей идеи, они спекулируют. Отдельно "Разбойников" взять не хотят, боятся цензуры. Действительно Никитенко не может и не хочет взять ответственности, не перечеркнув целой трети. Я, впрочем, дал ему цензуровать, а потом можно будет заделать неровности. Что делать! Услышав решение Песоц<кого> и Меж<евича>, и понюхать им не дал "Разбойников". Но тогда же решил вот что: напечатать в их журнале "Дон Карлоса". Это заинтересует публику; она увидит, что перевод хорош. В том же номере журнала объявить об издании всего Шиллера. За "Дон Карлоса" нам заплатят; и я настояю, что заплатят хорошо. Итак, кончай его, ради бога, скорее. Осенью разом напечатаем "Разбойник<ов>", "Фиеско", "Дон Карлоса" и "Марию Стюарт", (ради бога, и "Марию Стюарт". Нужно стихов, это непременно, если желаешь успеха). Деньги для напечатания будут. Нужно 1000 с лишком рублей. Следовательно, чистых денег нужно 700, ибо треть всегда в долг поверят. Так все делают, а 700 руб. я всегда берусь достать. Назначив соответственную цену изданию, 100 распроданных экземпляров могут не только окупить наши издержки, но и дать маленький барыш, а 100 пустяки; намерение, следовательно, хорошо, и дело совершенно верное. Пиши, мой друг, переводы. За успех я ручаюсь головою, и тебя без денег не оставлю. Подожди, к нам как мухи налетят, когда в руках наших увидят переводы. Не одно будет предложение от книгопродавцев и издателей. Это собаки - я их несколько узнал.
Итак, спешу с "Дон Карлосом"; непременно спешу; это и денег даст и пустит в ход наше издание. Деньги будут тотчас. Полагаю, что ты не ленился и переводил всё это время. Если бы ты хотел сначала много денег, то должен

бы был начать перевод не по порядку, а прямо с "Дон Карлоса". Но лучше делать дело хорошо.

Межевич просит покорнейше и поскорее прислать, если есть в переводе готово, все прозаические сочинения Шиллера о драме и драматическом искусстве. Особенно о наивном и сентиментальном. Советую перевести, будут деньги, и поскорее переводы. (Без денег я из рук не выпущу, не беспокойся). Итак, теперь работай "Дон Карлоса" и прозу. "Фиеско" и "Мария Стюарт" потом. Надеюсь, брат, на тебя; пуще всего не повесь носа. Помнишь "Семелу" и "Германа и Доротею". "Семелу" отказали в одном месте, и ты оставил перевод: а недавно "Семела" появилась в "Отечественных" записках в гадчайшем переводе. "Герман и Доротея" также, и оба имели успех. А отчего; оттого, что ты повесил свой нос не вовремя, милейший мой; ради бога, спеш и работай. Пожива будет славная. "Фиеско" и "Марию" потом можешь делать исподволь. А напечатаем только что деньги будут. А они будут. На этот случай можно прижать москвичей.

Ну теперь все черти помогай тебе, а не угадаешь, кого я открыл в Петербурге, милый брат. - Меркуровых!! Я встретился с ними случайно и, разумеется, возобновил знакомство. Я тебе всё расскажу. Во-первых, брат, это люди хорошие. Мария Крескентьевна удивительная женщина. Я ее уважаю от всей души. Меркуров un peu ricardo, но славный малый. Они разбогатели и имеют тысяч семь годового дохода. Живут отлично. Старик Меркуров, кажется, умер, и они разделились. Ты напрасно предполагал, что он в жандармах. Он служил в жандармах только полгода; потом перешел в Ольвиопольск<ий> гусарский полк (на юге). Потом был прикомандирован в Петербург к образцовому полку. Это было, когда ты производился в офицеры (и мы не знали). Наконец, опять служил и теперь штаб-офицер, вышел в чистую отставку и живет в Петербурге. Меня приняли превосходно. Они совершенно такие же, как и прежде. Но о деньгах в 1-е, 2-е, 3-е и 4-е свидание ни слова; я тоже не говорил, да и совестился. Наконец, случился со мной один неприятный случай. Я был без денег. Но перевод Жорж Занда романа кончался у меня ("La derniere Aldini"). Суди же о моем ужасе - роман был переведен в 1837 году. А черт это знал, я был в исступлении. Написал в Москву, но покамест погибал в Петербурге. Нужда заставила меня попросить взаймы (2) у Меркурова. Получаю вместо ответа приглашение на чай. Прихожу: он говорит, что краснеет от моего письма. Что не знает, почему я просил у него взаймы, когда имел право требовать должное. Что он молчал оттого, что не было денег (действительно не было, ибо он на моих глазах истратил 2000 на покупки), что он ждет самого скорого получения и тогда хотел доказать строгость характера, отдав деньги без нашей просьбы. Но теперь краснеет оттого, что я напомнил ему. Не имея денег, просил он меня принять 50 руб. ассигна<циями>. Я принял (брат, ты не знаешь, какова была нужда моя). Приказали тебе кланяться. Пиши к ним, брат, они об тебе весьма интересуются, удивились, что ты женат. Как счастливо! Теперь деньги верные, он не хотел отдавать прежде, но теперь, увидав меня снова, я уверен, что он с 1-го свидания решился отдать, к тому же он имеет средства. Пиши, пожалуйста, лучше как можно более дружески и денег не проси слишком. Они будут всё равно в самое короткое время. Но можешь упомянуть вскользь и назначь весь долг, он забыл сколько, а я сам не знаю. Прощай, мой возлюбленный, поздравляю тебя с неожиданным кушем. Дай ему свой адрес в Ревель и уведомя меня, когда он тебе всё вышлет. Потому что деньги не мои, и я их получать не буду. Живет он рядом со мною: у Владимирской церкви, (3) по Владимирской улице, в доме Нащокина (его высок<ородия>).

Прощай. Кланяйся милой жене своей, целуй детей, будь прилежен и счастлив.

Твой Достоевский.

Уведомляю, что Ободовский перевел "Дон Карлоса". Смотри, брат, ухо остро и спеши скорее: Ободовский еще не печатал, да еще и не намерен печатать. Я могу выручить за "Дон Карлоса" руб. 500.

Перевод выпусками по 1-й книжке издавать нельзя, публика помнит выпуски Гете. Невозможно.

(1) в подлиннике описка: происшествии,

(2) под словами попросить займы - приписка рукой Достоевского: понимаешь????

(3) было: улицы

45. П. А. КАРЕПИНУ

20-е числа августа 1844. Петербург

Милостивый государь Петр Андреевич.

Спешу уведомить Вас, Петр Андреевич, что по естественному и весьма неприятному ходу дел моих я принужден был подать в отставку. Просьба подана дней 10 тому назад; на нее последовало со стороны начальства соизволение. Высочайшее решение выйдет много что через две недели. Не имея денег на почту, я не уведомлял Вас тотчас же. Причина такого переворота в судьбе моей заключалась в критическом положении моем насчет денег. Видя естественную невозможность получить откуда-нибудь помощь, я не знал, что придумать лучше. Теперь жить плохо. Ни вверху, ни внизу, ни по бокам ничего нет хорошего. Человек может стнить и пропасть, как пропавшая собака, и хоть бы тут были братья единоутробные, так не только своим не поделятся (это было бы чудом, и потому на это никто не хочет надеяться, потому что не должен надеяться), но даже и то, что по праву бы следовало погибающему, стараются отдалить всеми силами и всеми способностями, данными природою, а также и тем, что свято.

Всякий за себя, а бог за всех! Вот удивительная пословица, выдуманная людьми, которые успели пожить. С моей стороны, я готов признать все совершенства такого мудрого правила. Но дело в том, что пословицу эту изменили в самом начале ее существования. Всякий за себя, все против тебя, а бог за всех. После этого естественно, что надежда человеку остается весьма плохая.

Меня назначили в командировку на крепость. Должен я был около 1200 руб., должен был наделать про запас платья, должен был жить в дороге, может быть, на пути в Оренбург или Севастополь или даже подальше куда-нибудь, да, наконец, иметь средства обзавестись кой-чем на месте. Так как я твердо был уверен (по опыту), что если бы меня командировали хоть в Камчатку, то мне неоткуда бы было ждать вспоможения, то я принужден был избрать зло меньшее, то есть отсрочить катастрофу (1) своего житья-бытья хоть на 2 месяца; а там хоть в тюрьму тащи; но тогда я законно бы получил то, что уже бог знает сколько времени вымаливаю.

Уведомляю Вас, Петр Андреевич, что имею величайшую надобность в платье. Зимы в Петербурге холодны, а осени весьма сыры и вредны для здоровья. Из чего следует (2) очевидно, что без платья ходить нельзя, а не то можно протянуть ноги. Конечно, есть на этот счет весьма благородная пословица - туда и дорога! Но эту пословицу употребляют только в крайних случаях, до крайности же я не дошел. Так как я не буду иметь квартиры, ибо со старой за неплатеж нужно непременно съехать, то мне придется жить на улице или спать под колоннадою Казанского собора. Но так как это нездорово, то

нужно иметь квартиру. Существует полупословица, что в таком случае можно найти казенную, но это только в крайних случаях, а я еще не дошел до подобной крайности. Наконец, нужно есть. Потому что не есть нездорово, но так как тут нет ни вспомогательного средства, ни пословицы, то остается умереть с голоду; но это только в крайних случаях возможно, а я, слава всевышнему, еще не дошел до подобной крайности. Я требовал, просил и умолял три года, чтобы мне выделили из имения следуемую мне после родителя часть. Мне не отвечали, мне не хотели отвечать, меня мучили, меня унижали, надо мной насмехались. Я сносил всё терпеливо, делал долги, проживался, терпел стыд и горе, терпел болезни, голод и холод, теперь терпение кончилось и остается употребить все средства, данные мне законами и природою, чтобы меня услышали, и услышали обоими ушами. Почти в каждом письме моем я предлагал Вам, как заведующему всеми делами семейства нашего, проект о выдележе, сделке, контракте, уступке или как там угодно части моего имения за известную сумму денег. Ответа не было никакого. Дело в том, что сумма, которую я требовал (3) в обмен, была так ничтожна, что выгода семейства требовала подробнейшего рассмотрения моего предложения. Дело должно было быть сделано законно, следовательно, опасаться было нечего (в сделках опасение допускается). Но так как ответа не получил, то теперь хочу употребить все средства, чтобы получить его. Так как я хочу, чтобы никто не смел говорить, что я разоряю всё семейство наше, то я теперь говорю, в последний раз, по моей собственной воле, по моему собственному желанию сделать так, чтобы всем было хорошо, что я отказываюсь от всего участка моего (приносящего до 1000 руб. дохода) за 1000 руб. серебром, из которых половина должна быть выплачена разом, а остальное на сроки. В противном случае я принужден буду употребить все мои усилия сбуть с рук мой участок хоть лицу постороннему, что будет довольно плохо для всех. С первого взгляда вещь не может быть допущена по закону; но допускают обязательства выплачивания долгов доходами, дарственные на получение не имения, но только доходов. Это возможно, а если этого нельзя, так можно что-нибудь другое, и т. д. Меня не остановит малость предлагаемой суммы. Что же делать? деньги нужны. Я пропащим человеком быть не хочу. Нужно устроиться. Теперь я свободен, и меня не остановит ничто.

Вдобавок попрошу я Вас, Петр Андреевич, прислать мне в счет чего хотите, хоть за 10 лет вперед или всей цены выдележа, прислать мне как можно более, чтобы удовлетворить означенным на страничке четвертой требованиям. Уведомляю Вас, что жалование мое я взял всё вперед в мае месяце (нужно было есть). Следовательно, теперь нет у меня ни копейки, к тому же нет платья, а наконец, нужно долги заплатить. Ничего так не желаю, как кончить дела мои вышеозначенным. Они мешают мне жить.

Ф. Достоевский.

- (1) было: свою катастрофу
- (2) далее было начато: что по весь<ма>
- (3) было: предлагал
- (4) было: за всю цену

46. П. А. КАРЕПИНУ
7 сентября 1844. Петербург

7 сентября.
Милостивый государь Петр Андреевич!

В прошлом письме моем к брату Михайле писал я ему, чтобы он поручился за меня всей семье нашей в том, что после получения теперь некоторой суммы я ничем не преступлю уговора, который благоугодно будет Вам предложить мне от лица всех наших, и что брат Михайло на мои будущие требования должен будет или сам отвечать мне, или, наконец, в случае не сдержания моего слова, сам из своей части поплатится мне. Будучи твердо уверен, что брат Михайло исполнил то, что я писал ему, нахожу необходимым еще раз обеспокоить Вас письмом моим.

Брату кажется, так же как и мне казалось давно, что хотя и трудно сделать законный раздел, но весьма легко сделать семейный, соблюдать его нерушимо с обеих сторон и потом довершить законами; конечно, не мне самому должно было предлагать Вам такое решение; теперь же предстательство брата естественно может несколько споспешествовать ходу дел. - Угадывая и всегда будучи уверен, что на меру, принятую мною теперь, то есть отставку вследствие долгов и неустройства дел, посылаются крики, обвинения, между которыми скажется известная фраза - что, дескать, хочет сесть на шею братьям и сестрам, я даже считаю обязанным выделиться, несмотря на то, что дело это само по себе уж необходимо в моих обстоятельствах.

Вследствие же сих вышеизложенных причин назначаю цену 1000 р. сереб<ром>, которая с скупкою всего-навсего и уплатою долгов и казенных и частных и т. д., и т. д., и т. д., выходит весьма стоворчивая, даже ниже и непременно ниже, чем следует, приняв в соображение Вашу оценку когда-то. Из этой суммы 1000 руб. сереб<ром> я прошу 500 руб. сереб<ром> выдать разом, а остальные 500 руб. сереб<ром> выдавать по 10 руб. сереб<ром> в месяц. Назначая 500 руб. сереб<ром> разом, я назначаю самое необходимое 1500 для уплаты долгов и 250 на окупление издержек теперешних, которые по-настоящему требуют втрое более, чем 250 руб. - Конечно, Петр Андреевич, нужно сознаться, что согласие и решение дела находится теперь в Ваших руках. Вы можете отвергнуть все эти предложения по тысяче предлогов. Но несколько строчек самых откровенных с моей стороны, эссенции всего, что до сей поры было писано и говорено с обеих сторон, теперь, в настоящую минуту необходимы. Никогда не имел сомнения, что (1) ум, благородство и сочувствие всегда сопутствуют каждой мере Вашей, полагаю, что Вы простите неприятность смысла следующих строчек; их диктует необходимость.

Вот они.

- Неужели Вы, Петр Андреевич, после всего, что было между нами насчет известного пункта, то есть дирижирования моей неопытной и заблуждающейся юности, после всего, что было писано и говорено с моей стороны, после (не спорю - и сознаюсь) после нескольких дерзких выходок с моей стороны насчет советов, правил, принуждений, лишений и т. п., Вы захотите еще употреблять ту власть, которая Вам не дана, действовать в силу тех побуждений, которые могут управлять только решением одних родителей, наконец, играть со мною роль, которую я в первую минуту досады присудил Вам неприличною. Неужели и после этого всего Вы будете противиться моим намерениям, ради моей собственной пользы и из сострадания к жалким грезам и фантазиям заблуждающейся юности. Если же не эти причины действуют сердцем Вашим теперь и запрещают Вам помочь мне в самом ужасном обстоятельстве моей жизни, то неужели это одна досада на несколько вырвавшихся с пера моего выражений. Досада может быть и должна быть, это естественно, хотя я и сожалею об этом, но продолжительный гнев и желание вредить быть не могут это, как я всегда предполагал, против правил благородства вообще и Ваших в особенности; в этом я твердо уверен; хотя до сих пор не постигаю причины, заставившей Вас, приняв в соображение

Ваше участие в семейных делах наших, отстраниться от меня и предать меня самым неприятным гадостям и обстоятельствам, которые только были на свете.

А обстоятельства мои вот какие. В половине августа я подал в отставку, в силу того что долгов у меня бездна, а командировка не терпит уплаты их и что ославленный офицер начнет весьма дурно свою карьеру. Наконец, самому жизнь была не в рай. Долги, превышающие состояние, простятся богачу. Даже в иных случаях на это обстоятельство везде смотрят с уважением. Бедняку дают щелчка. Прекрасно было бы продолжать службу, параллельно распространению жалоб по всевозможным командам. Наконец, отставка моя была следствием горячности. Меня мучили долги, с которыми я три года не могу расплатиться. Меня мучила безнадежность расплаты в будущем. И потому я вышел в отставку единственно с целью уплаты долгов известным образом - разделом имения (по справедливому замечанию Вашему, весьма и даже донельзя весьма миниатюрного, но для известных целей годящегося). Что же касается до уважения к родительской памяти, то именно ради сего-то обстоятельства хочу употребить родительское достояние на то, на что бы мой батюшка сам не пожалел его. То есть на спокойство своего сына, на средства для новой дороги и на избавление от названия подлеца, то есть хотя не названия, но мнения, что всё одно и то же. Просьбы по домашним обстоятельствам подвергаются высочайшему решению с 1-го октября - всё дело занимает дней 10, немного что две недели. Половина месяца подходит. Мне выйдет отставка, кредитора ринутся на меня без жалости, тем более, что на мне даже и платья не будет, и я подвергнусь самым неприятным делам. Хотя я отчасти это предвидел, и если оправдаются мои предположения и предугадывания, и был готов к этому, но согласитесь, что (2) я не пойду (3) в тюрьму, напевая песню из глупой бравады. Это даже смешно. Вот почему, Петр Андреевич, пишу это письмо в последний раз, представляю всю крайность моих нужд в последний раз, прошу Вас мне помочь в возможно скором времени в последний раз, на предложенных условиях, хотя не разом, но столько, чтобы заткнуть голодные рты и одеться. - Наконец, говорю Вам в последний раз, теперь, будучи в совершенном неведении насчет Вашего решения, что лучше стгню в тюрьме, чем вступлю в службу, прежде окончания и устройства дел моих.

Ф. Достоевский.

(1) далее было: найд<у>

(2) далее было: идти

(3) далее было начато: из глу<пой>

47. П. А. КАРЕПИНУ

19 сентября 1844. Петербург

19 сентября 1844.

Милостивый государь Петр Андреевич.

Письмо Ваше от 5-го сентября, наполненное советами и представлениями, я получил и теперь спешу отвечать Вам.

Естественно, что во всяком другом случае я бы начал благодарностию за родственное, дружеское участие и за советы. Но тон письма Вашего, тон, который обманул бы профана, так что он принял бы всё за звонкую монету, этот тон не по мне. Я его понял хорошо и - он же мне оказал услугу, избавив меня от благодарности.

Вы, положим, что Вы как опекун имеете право, Вы укоряете меня в жадности к деньгам и в обиде меньших братьев, насчет которых я пользовался доселе большими суммами денег. После всего, что я писал в продолжение двух лет, я даже считаю излишним отвечать Вам на это. Вы ясно могли видеть из писем моих, что не в количестве денег, разумеется до известного предела, всегдашнее и теперешнее спасение мое и устройство моих обстоятельств, а в своевременной присылке денег. Я Вам объяснял 1000 раз положение дела - не я виноват.

Но как же теперь-то говорить то же самое и вооружать против меня своими словами всё семейство наше? Вы должны бы были понять мои требования. Разве требование 500 руб. серебром единовременно и других 500 руб. серебром отдачу, положим, хоть в трехгодичный срок, разве уж такое огромное требование за выделку моего участка? Кажется, это не мне одному будет полезно. Что же касается до затруднений опекунского совета, дворянской опеки, гражданской палаты и всех этих имен, которыми Вы закидали меня, думая ошеломить, то я полагаю, что эти затруднения не существуют. Разве не продаются имения с переводом долга? Разве много проиграют или потеряют кто-нибудь, если имение останется собственностью нашего семейства по-прежнему; ведь оно в чужие руки не переходит, не отчуждается. (1) Наконец, это дело самое частное выдать 500 руб. серебром разом в счет стольких-то лет дохода - хоть десяти.

По крайней мере я беру (2) отставку. Я подал прошение в половине августа (помнится так). И, разумеется, по тем же самым причинам, по которым подаю в отставку, не могу опять поступить на службу. То есть нужно сначала заплатить долги. Так или этак, а заплатить их нужно.

Вы восстаете против эгоизма моего и лучше соглашаетесь принять неосновательность молодости.

Но всё это не Ваше дело. И мне странно кажется, что Вы на себя берете такой труд, об котором никто не просил Вас и не давал Вам права. Будьте уверены, что я чту память моих родителей не хуже, (3) чем Вы Ваших. Позвольте Вам напомнить, что эта материя так тонка, что я бы совсем не желал, чтоб ею занимались Вы. Притом же, разоряя родительских мужиков, не значит поминать их. Да и, наконец, всё остается в семействе. Вы говорите, что на многие письма мои Вы молчали, относя их к неосновательности и к юношеской фантазии. Во-первых, Вы этого не могли делать; я полагаю, Вам известно почему: кодекс учтивости должен быть раскрыт для всякого. Если же Вы считаете пошлым и низким трактовать со мною о чем бы то ни было, разумеется уж в тех мыслях, что он-де мальчишка и недавно надел эполеты, то все-таки Вам не следовало бы так наивно выразить свое превосходство заносчивыми унижениями меня, советами и наставлениями, которые приличны только отцу, и шекспировскими мыльными пузырями. Странно: за что так больно досталось от Вас Шекспиру. Бедный Шекспир!

Если Вам угодно рассердиться за слова мои, то позвольте мне напомнить Вам одну Вашу фразу: "Превзойти размер возможности уплаты есть посягательство на чужую собственность". Так как Вы сами весьма хорошо знаете, что всего - всего 1500 руб. долгу не есть весь размер моей уплаты, то каким образом Вы написали это? Я Вам не представляю никаких других причин, по которым Вы не могли этого написать. Я Вам даю только факт, сумму, число. Вам даже известна и история этих долгов; не я их делал, и я не виноват, что в Петербурге процветает более чем где-нибудь коммерция, покровительствуемая Бентамом. Во всяком случае эту наивность (из уважения к Вашим летам я не могу принять это за нарочную грубость и желание уколоть), так эту-то

наивность я должен отнести да и непременно отнесу к одной категории с шекспировскими мыльными пузырями.

Если Вы и за это рассердитесь, то вспомните, пожалуйста, Ваше письмо к его прев<осходительству> Ив<ану> Гр<игорьевичу> Кривопишину. Помилуйте, Петр Андреевич, неужели Вы могли это сделать? Я, видите ли, не принимаю, потому что не хочу принимать этого в том смысле: что Вы пишете обо мне письмо, не спросив меня, с целью повредить моим намерениям и остановить мою шекспировскую фантазию.

Но, послушайте, кто же может остановить законную волю человека, имеющего те же самые права, как и Вы... Ну да что тут! Чтоб не быть Иваном Ивановичем Перерепенко, я готов и это принять за наивность, по вышеозначенной (4) причине.

Четвертая страница Вашего письма, кажется, избегнула общего тона письма Вашего, за что Вам душевно благодарен. Вы правы совершенно: реальное добро вещь великая. Один умный человек, именно Гете, давно сказал, что малое, сделанное хорошо, вполне означает ум человека и совершенно стоит великого. Я взял эту цитацию для того, чтоб Вы видели, как я Вас понял. Вы именно то же хотели сказать, задев меня сначала и весьма неловко крючком Вашей насмешки. Изучать жизнь и людей – моя первая и цель и забава, так что я теперь вполне уверился, н<a>п<ример>, в существовании Фамусова, Чичикова и Фальстафа.

Во всяком случае, дело сделано, я подал в отставку, а у меня гроша нет для долгов и экипировки. Если Вы не пришлете мне немедленно, то совершенно оправдываете прошлое письмо мое.

Ваш Ф. Достоевский,

Вы знаете причину моего выхода в отставку – заплата долгов. Хотя две идеи вместе не вяжутся, но оно так. К 1-му числу ок<тября> выйдет отставка. Разочтите.

Вам угодно было сказать несколько острых вещей насчет миниатюрности моего наследства. Но бедность не порок. Что бог послал. Положим, что Вас благословил господь. Меня нет. Но хоть и малым, а мне все-таки хочется помочь себе по возможности, не повредив другим по возможности. Разве мои требования так огромны? Что же касается до слова наследство, то отчего ж не называть вещь ее именем?

(1) далее было начато: Если нельзя

(2) далее было начато: и под<аю>

(3) далее было: Вас

(4) было: по предыдущей

48. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
30 сентября 1844. Петербург

30 с<ентября>.

Любезный брат.

Я получил "Дон Карлоса" и спешу отвечать как можно скорее (времени нет). Перевод весьма хорош, местами удивительно хорош, строчками плох; но это оттого, что ты переводил наскоро. Но, может быть, всего-то пять, шесть строчек дурных. Я взял смелость кое-что поправить, также кой-где сделать стих позвучнее. Всего досаднее, что местами ты вставлял иностранные слова, н<a>п<ример> комплот. Этого допустить нельзя. Также (впрочем, я не знаю, как в подлиннике) ты употребляешь слово сир. Сколько мне известно, этого слова в Испании не было, а употреблялось только в Западной Европе в

государствах нормандского происхождения. Но это всё пустяки сущие. Перевод удивительно как хорош. Лучше чем я ожидал. - Я отнесу его этим дуракам в "Репертуар". Пусть рты разинут. Если же (чего я боюсь) есть уже у них перевод Ободовского, то в "О<течественные> записки". За мелочь не продам, будь покоен. Как только продам, пришлю деньги. Что же касается до издания Шиллера, то, разумеется, я с тобой согласен, даже сам хотел предложить тебе (1) разделить на 3 выпуска. Пустим сперва: "Разб<ойников>", "Фиеско", "Дон Карлоса", "Коварство", Письма о Карлосе и Наивн<ости>. Это будет очень хорошо. Насчет издателей посмотрим. Но штука в том, что гораздо лучше самим; иначе нет барыша. Ты только переводи, а насчет денег не беспокойся: как-нибудь их найдем, так ли этак ли - всё равно. Только вот что, брат, через месяц это дело нужно кончить, то есть решиться, ибо объявление не может быть выпущено после, а без объявления мы погибли. Вот почему я и прикажу припечатать несколько слов о сем в "Репертуаре".

Перевод произведет сенсацию. (Малейший успех - и барыш удивительный.) Ну, брат, - я и сам знаю, что я в адских обстоятельствах; вот я тебе объясню:

Подал я в отставку, оттого что подал, то есть, клянусь тебе, не мог служить более. Жизни не рад, как отнимают лучшее время даром. Дело в том, что я, наконец, никогда не хотел служить долго, следовательно, зачем терять хорошие годы? А наконец, главное: меня хотели командировать - ну, скажи, пожалуйста, что бы я стал делать без Петербурга. Куда я бы годился? Ты меня хорошо понимаешь?

Насчет моей жизни не беспокойся. Кусок хлеба я найду скоро. Я буду адски работать. Теперь я свободен. Но что я буду делать теперь, в настоящую-то минуту? - вот вопрос. Вообрази себе, брат, что я должен 800 руб., из коих хозяину 525 руб. ассигнациями (я написал домой, что долгов у меня 1500 руб., зная их привычку присылать 1/3 чего просишь).

Никто не знает, что я выхожу в отставку. Теперь, если я выйду, - что тогда буду делать. У меня нет ни копейки на платье, Отставка моя выходит к 14 октябр<я>. Если свиньи-москвичи промедлят, я пропал. И меня пресерьезно стащут в тюрьму (это ясно). Прекомическое обстоятельство. Ты говоришь, семейный раздел. Но знаешь ли ты, чего прошу я? За отстранение мое от всякого участия в имении теперь и за совершенное отчуждение, когда позволят обстоятельства, то есть за уступку с сей минуты моего имении им, - я требую 500 руб. сереб<ром> разом и другие 500 уплатю по 10 руб. сер<ебром> в месяц (вот всё, что я требую). Согласись, что немного и никого не обижаю. Они и знать не хотят. Согласись еще, что не мне предлагать им это теперь. Они мне не доверяют. Они думают, что я их обману. Поручись, душа моя, пожалуйста, за меня. Скажи именно так: что ты готов всем поручиться за меня в том, что я не простру далее моих требований. Если у них нет столько денег, то в моем положении 700, даже 600 руб. могут быть отрадными; я еще могу обернуться, и за это поручись, что это примется в уплату всей суммы 500 руб. сер<ебром> и 500 р. сер<ебром> интервалами.

Ты говоришь, спасение мое драма. Да ведь постановка требует времени. Плата также. А у меня на носу отставка (впрочем, милый мой, если бы я еще не подавал отставки, то подал бы сейчас. Я не каюсь).

У меня есть надежда. Я кончаю роман в объеме "Eugénie Grandet". Роман довольно оригинальный. Я его уже переписываю, к 14-му я наверно уже и ответ получу за него. Отдам в "О<течественные> з<аписки>". (Я моей работой доволен). Получу, может быть, руб. 400, вот и все надежды мои. Я

бы тебе более распространился о моем романе, да некогда (драму поставлю непременно. Я этим жить буду).

Свинья-Карепин глуп как сивый мерин. Эти москвичи невыразимо самолюбивы, глупы и резонеры. В последнем письме Карепин ни с того ни с сего советовал мне не увлекаться Шекспиром! Говорит, что Шекспир и мыльный пузырь всё равно. Мне хотелось, чтобы ты понял эту комическую черту, озлобление на Шекспира. Ну к чему тут Шекспир? Я ему такое письмо написал! Одним словом, образец полемики. Как я его отделал. Мои письма chef-d'œuvre летристики.

Брат, пиши домой как можно скорее, пожалуйста, ради самого создателя. Я в страшном положении; ве<дь> 14 самый дальний срок; я уже 1 1/2 месяца, как подал. Ради небес! Проси их, чтобы прислали мне. Главное, я буду без платья. Хлестаков соглашается идти в тюрьму, только благородным образом. Ну, а если у меня штанов не будет, будет ли это благородным образом?..
...Карепин (2) водку пьет, имеет чин и в бога верит. Своим умом дошел. Мой адрес: у Владимирской церкви в доме Прянишникова, (3) в Графском переулке. Спросить Достоевского.

Я чрезвычайно доволен романом моим. Не нарадуюсь. С него-то я деньги наверно получу, а там

Извини, что письмо безо всякой связи.

(1) далее было начато: выпу<стить>

(2) далее было: пьет, <->, серит (зачеркнуто, возможно, не Достоевским)

(3) далее было: что

49. П. А. КАРЕПИНУ

20-е числа октября 1844. Петербург

Милостивый государь Петр Андреевич.

В последнем письме моем я объявил Вам, что пишу в последний раз, до лучшей перемены в моих обстоятельствах. Я мыслил так, не имея писать ничего более, истощив все средства убеждения и представив Вам весь ужас моего положения. Теперь критический срок для меня уже прошел, и я остался один без надежды, без помощи, преданный всем бедствиям, всем горестям моего ужасного положения - нищете, наготе, сраму, стыду и намерениям, на которые бы не решился я в другое время. Что мне остается более делать, чем начать. Куда оборотиться - судите сами.

Нужно Вам знать, что я в ту минуту, как Вы будете читать письмо мое, уже получил отставку (справьтесь в газетах). У меня нет ни платья, ни денег, нет ничего заплатить кредиторам и не будет квартиры, потому что вряд ли хозяин дома еще будет держать меня на старой.

- Начал я Вам писать для того, чтобы несколько пояснить из того, что было не так выражено в прошлом письме моем. Постараюсь говорить как можно яснее.

Из Ваших писем, Петр Андреевич, я вижу, что раздел, как Вы говорите, невозможен, во-1-х), потому, что на именье есть долги казенные и частные, а во-2-х), так как я забрал, в продолжение трех лет, денег более, чем на долю мою следовало бы, то со временем при отчете я должен буду, в мой ущерб, наверстать лишнюю сумму в пользу других.

Всё это так, но я и брат Михайло предполагаем семейный раздел, который будет существовать ненарушимо до окончательного. Но если с чьей-нибудь стороны будет хотя малейшая запинка и остановка в этом деле, то, уж конечно, оно состояться не может. Дело основано на полнейшей обоюдной

доверенности друг к другу, а если встретится на этот счет недоразумение, то договоров быть не может никаких. Я предполагаю, что Вы в качестве опекуна можете сомневаться в верности и справедливости с моей стороны и наконец какой-нибудь случай – вот почему я предлагаю следующее. Но прежде чем приступить к делу: Вам известно, какую я предлагаю цену, – 1000 руб. серебром, из коих 500 руб. серебром разом, а остальную сумму рассчитать на самый отдаленный срок. Эта цена по своей умеренности не боится никаких требований кредиторов, казенных и частных, и никаких затруднений при разделе. Почему я назначаю такую умеренную цену, почему я хочу, по выражению некоторых, спустить с рук отцовское добро (миниатюрное), – эти вопросы, по Вашему собственному теперешнему мнению, Петр Андреевич, лишние. Дело в том, что я вижу в этом свое избавление от неприятностей и возможность устроиться к лучшему, а это для меня чего-нибудь да стоит. Наконец, 1000 руб. серебром с предполагаемым их разделом в платеже, сумма такая, что может (1) родить предположения об юношеской неосновательности и нерасчетливости. Но, во-1-х, я имею дело не с барышниками, а во-вторых, далеко не думал быть чьим-нибудь благодетелем, я просто в моих обстоятельствах нахожу неумеренным требовать более, а для уничтожения подозрений я решаюсь на следующее: Дать заемное письмо на имя одного из членов нашего семейства, если нельзя на имя всех, или даже на Ваше имя, Петр Андреевич. Это заемное письмо будет в такой сумме, что будет обеспечивать совершенно и сумму, теперь мне разом выплаченную, и дальнейшие мои требования доходов до окончательного раздела. Заемное письмо будет, например, дано по 1-е января 1845 года. Я не выплачу, разумеется. Тогда Вы будете иметь полное право поступать по законам, и мои доходы уже формально будут обращены в пользу (2) семейства, до самого окончательного раздела. При разделе я дам обязательство, что получил деньги сполна, заемное письмо будет разорвано, и всё пойдет как следует. Если же в последнем случае будет затруднение, то можно дать вексель в такой сумме, что все притязания мои при (настоящем) разделе уничтожатся. – Мне кажется, это весьма просто и возможно, Петр Андреевич. Я не могу выразить, какое благодетельное дело будет это для всей судьбы моей. Я обеспечу себя совершенно теперь, вырвусь из гадкого положения, в котором бьюсь с лишком два года и буду в возможности продолжать службу. Впрочем, напрасно я это пишу всё. Я понимаю, что исчисление надежд моих здесь не у места. Я бы мог изобразить Вам тоже картину моего бедственного положения. Но будет понятно и того, что я написал Вам, хотя это сотая доля.

Так как я без средств, с долгами, без платья и вдобавок больной, что, впрочем, всё равно, то я естественно прихожу к заключению как-нибудь, так или этак, поправить свои обстоятельства. Вы человек деловой, Петр Андреевич, Вы и с нами действуете, как человек деловой, не иначе, и так как Вы человек деловой, то у Вас времени не будет обратить внимание на мои дела, хотя они и миниатюрны, или, может быть, именно оттого, что миниатюрны. Но если эти миниатюрные дела составляют всё спасение, всё благосостояние, всю надежду человека, то нужно извинить его настойчивость и назойливость. Вот почему я нижайше прошу Вас помочь мне в том смысле, как я Вам писал. Мое положение теперь решено, определено – то есть всё, что есть ужасного, всё на мою голову, так что я теперь решил – будь что будет! Так как по Вашему счету я вижу, что денег нет, то займите. Потому что дело полезное для всего семейства, а Вы обеспечены достаточно. Наконец, Петр Андреевич, если Вы еще оставите меня хоть сколько-нибудь времени без ответа и без помощи, то я погиб. (3) И потому принужден просить у Вас свидетельство, что Вы, точно, наш опекун (сделанное по

форме) и сколько имение дает мне дохода (наименьшего) при всех обстоятельствах, даже дальнейших. Я у Вас прошу это для того, чтобы показать моим кредиторам возможность уплаты в самом крайнем случае, и потому прошу Вас прислать как можно скорее это свидетельство. Прошу извинения у Вас, Петр Андреевич, во-1-х, потому, что моими просьбами отрываю Вас от Ваших занятий, а во-2-х, что я требую его немедленно. Еще раз убедительнейше прошу Вас, Петр Андреевич, рассмотреть мое предложение и согласиться на него. Дело может быть окончено так, как я писал Вам. Нет никакого затруднения. Я бы сам решился прислать Вам заемное письмо вперед, но у меня денег нет. Вы же можете поручить дело кому-нибудь в Петербурге. Наконец, в самом отчаянном случае (и потому я прошу Вас как можно скорее отвечать мне), в самом отчаянном случае я, может быть, решусь нажить себе еще кредиторов и уступить им всё, в силу заемных писем и некоторых обязательств ценю в 10 раз более, чем я воспользовался. В Петербурге это сделать возможно. Но что же выйдет из этого, посудите сами: всем неприятности. И потому еще раз прошу Вас, Петр Андреевич, ради бога, отвечайте мне поскорее. Кроме всех бедствий моих я без гроша на обыкновенное жите-бытие. Не дай Вам бог испытать то, что я испытываю. Наконец, не оставьте присылкой свидетельства. Согласитесь, что оно в моем положении совершенно необходимо.

Честь имею пребыть

Ваш Фед. Достоевский.

Я полагаю, что насчет присылки свидетельства я не встречу с Вашей стороны никаких затруднений. Мне это кажется ясно. (4)

(1) далее было начато: быт<ь>

(2) было: в Вашу пользу

(3) далее было: Вы

(4) далее было начато: Я даже думаю

50. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Ноябрь 1844. Петербург

<...> Нужно заметить тебе, любезный брат, что последнее письмо мое в Москву было немножко слишком желчно, даже грубо. Но я был ввергнут во всевозможные бедствия, я страдал в полном смысле слова, я был без малейшей надежды - немудрено, что физические и нравственные мучения заставили меня писать желчную, резкую правду...

Итак, я со всеми рассорился. Дядюшка, вероятно, считает меня неблагодарным извергом, а зять с сестрою - чудовищем. Меня это очень мучает. Но со временем я надеюсь помириться со всеми. Из родных остался мне ты один. Остальные все, даже дети, вооружены против меня. Им, вероятно, говорят, что я мот, забулдыга, лентяй, не берите дурного примера, вот пример - и тому подобное. Эта мысль мне ужасно тяжела. Но бог видит, что у меня такая овечья доброта, что я, кажется, ни сбоку, ни спереди не похож на изверга и на чудовище неблагодарности. Со временем, брат, подождем. Теперь я отделен от вас от всех со стороны всего общего; остались те пути, которые покрепче всего, что ни есть на свете, и движимого и недвижимого. А что я ни делаю из своей судьбы - какое кому дело? Я даже считаю благородным этот риск, этот неблагоприятный риск перемены состояния, риск целой жизни - на шаткую надежду. Может быть, я ошибаюсь. А если не ошибаюсь?..

Итак, бог с ними! Пусть говорят, что хотят, пусть подождут. Я пойду по трудной дороге! <...>

51. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ
Осень 1844. Петербург

Напрасно ты тогда ушел, брат! Я сам сидел совершенно без копейки и потому был не в духе. До сих пор не мог перебиться. Теперь посылаю к тебе хоть такую малость, что стыдно самому, но ей-богу больше никак не могу.

Приходи, если можно.

Ф. Достоевский.

На обороте: В Строительное училище. Воспитаннику А. М. Достоевскому. На Обуховском проспекте.

1845

52. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
24 марта 1845. Петербург

24 марта. (1)

Любезный брат.

Ты, верно, заждался письма моего, л<юбезный> б<рат>. Но меня задерживала неустойчивость моего положения. Я никак не могу заниматься вполне чем бы то ни было, когда перед глазами одна неизвестность и нерешительность. Но так как я и до сих пор ничего не сделал хорошего по части моих собственных обстоятельств, то всё равно пишу; ибо давно бы было нужно писать.

Я получил от москвичей 500 руб. сереб<ром>. Но у меня столько было долгов, старых и вновь накопившихся, что на печать не достало. Это бы еще ничего. Можно бы было задолжать в типографии или уплатить не все из домашних долгов, но роман еще не был готов. Кончил я его совершенно чуть ли еще не в ноябре месяце, но в декабре вздумал его весь переделать; переделал и переписал, но в феврале начал опять снова обчищать, обглаживать, вставлять и выпускать. Около половины марта я был готов и доволен. Но тут другая история: цензора не берут менее чем на месяц. Раньше отцензировать нельзя. Они-де работой завалены. Я взял назад рукопись, не зная, на что решиться. Ибо кроме четырехнедельного цензурования печать съест тоже недели три. Выйдет к маю месяцу. Поздно будет! Тут меня начали толкать и направо и налево, чтобы отдать мое дело в "Отечеств<енные> записки". Да пустяки. Отдашь да не рад будешь. Во-первых, и не прочтут, а если прочтут, так через полгода. Там рукописей довольно и без этой. Напечатают, денег не дадут. Это какая-то олигархия. А на что мне тут слава, когда я пишу из хлеба? Я решился на отчаянный скачок: ждать, войти, пожалуй, опять в долги и к 1-му сентября, когда все переселятся в Петербург и будут, как гончие собаки, искать носом чего-нибудь новенького, тиснуть на последние крохи, которых, может быть, и не достанет, мой роман. Отдавать вещь в журнал значит идти под ярем не

только главного maotre dhftel, но даже всех чумичек и поваренков, гнездящихся в гнездах, откуда распространяется просвещение. Диктаторов не один: их штук двадцать. Напечатать самому значит пробиться вперед грудью, и если вещь хорошая, то она не только не пропадет, но окупит меня от долговой кабалы и даст мне есть.

А теперь насчет еды! Ты знаешь, брат, что я в этом отношении предоставлен собственным силам. Но как бы то ни было, а я дал клятву, что козь и до зарезу будет доходить, - крепиться и не писать на заказ. Заказ задавит, загубит всё. Я хочу, чтобы каждое произведение мое было отчетливо хорошо. Взгляни на Пушкина, на Гоголя. Написали немного, а оба ждут монументов. И теперь Гоголь берет за печатный лист 1000 руб. сереб<ром>, а Пушкин, как ты сам знаешь, продавал 1 стих по червонцу. Зато слава их, особенно Гоголя, была куплена годами нищеты и голода. Старые школы исчезают. Новые мажут, а не пишут. Весь талант уходит в один широкий размах, в котором видна чудовищная недоделанная идея и сила мышц размаха, а дела крошечку. Veranger сказал про нынешних фельетонистов французских, что это бутылка Chambertin в ведре воды. У нас им тоже подражают. Рафаэль писал годы, отделявал, отлизывал, и выходило чудо, боги создавались под его рукою. Vernet пишет в месяц картину, для которой заказывают особенных размеров залы, перспектива богатая, наброски, размашисто, а дела нет ни гроша. Декораторы они!

Моим романом я серьезно доволен. Это вещь строгая и стройная. Есть, впрочем, ужасные недостатки. Печатание вознаградит меня. Теперь покамест я пуст. Думаю что-нибудь написать для дебюта или для денег, но пустяки писать не хочется, а (2) на дело нужно много времени.

Приближается время, в которое я обещал быть у вас, милые друзья. Но не будет средств, то есть денег. Я решил остаться на старой квартире. Здесь по крайней мере сделал контракт и знать ничего не знаешь месяцев на шесть. Так дело в том, что я всё это хочу выкупить романом. Если мое дело не удастся, я, может быть, повешусь.

Мне бы хотелось спасти хоть 300 руб. к августу месяцу. И на триста можно напечатать. Но деньги ползут, как раки, все в разные стороны. У меня долгов было около 400 руб. сереб<ром> (с расходами и прибавкою платья), по крайней мере я на два года одет прилично. Впрочем, я непременно приеду к вам. Пиши мне поскорее, как ты думаешь насчет моей квартиры. Это решит<ельный> шаг. Но что делать!

Ты пишешь, что ужасаешься будущности без денег. Но Шиллер выкупит всё, а вдобавок, кто знает, сколько раскупится экземпляров моего романа. Прощай. Отвечай мне скорее. Я тебе объявлю (3) в следующую почту все мои решения. Твой брат Достоевский.

(1) зачеркнуто: феврал<я>

(2) было: да

(3) было: отвечу

Целуй детей и кланяйся Эмили Федоровне. Я о вас часто думаю. Ты, может быть, хочешь знать, чем я занимаюсь, когда не пишу, - читаю. Я страшно читаю, и чтение странно действует на меня. Что-нибудь, давно перечитанное, прочитаю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во всё, отчетливо понимаю, и сам извлекаю умение создавать.

Писать драмы - ну, брат. На это нужны годы трудов и спокойствия, по крайней мере для меня. Писать ныне хорошо. Драма теперь ударила в мелодраму. Шекспир бледнеет в сумраке и сквозь туман слепандасов-драматургов кажется богом, как явление духа на Брокене или Гарпе. Впрочем, летом, я, может быть, буду писать. 2, 3 года, и посмотрим, а теперь подождем!

Брат, в отношении литературы я не тот, что был тому назад два года. Тогда было ребячество, вздор. Два года изучения много принесли и много унесли. В "Инвалиде", в фельетоне, только что прочел о немецких поэтах, умерших с голоду, холоду и в сумасшедшем доме. Их было штук 20, и какие имена! Мне до сих пор как-то страшно. Нужно быть шарлатаном...

53. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
4 мая 1845. Петербург

4 мая. 1845 год
Любезный брат.

Извини, что так давно не писал к тебе. Я до сей самой поры был чертовски занят. Этот мой роман, от которого я никак не могу отвязаться, задал мне такой работы, что если бы знал, так не начинал бы его совсем. Я вздумал его еще раз переправлять, и ей-богу к лучшему; он чуть ли не вдвое выиграл. Но уж теперь он кончен, и эта переправка была последняя. Я слово дал до него не дотрогиваться. Участь первых произведений всегда такова, их переправляешь до бесконечности, Я не знаю, была ли "Atala" Chateaubrian'a его первым произведением, но он, помнится, переправлял ее 17 раз. Пушкин делал такие переправки даже с мелкими стихотворениями. (1) Гоголь лошит свои чудные создания по два года, и если ты читал "Voyage Sentimental" Sterna - крошечную книжечку, то ты помнишь, что Valter Scott в своем "Notice" о Стерне говорит, ссылаясь на авторитет Лафлёра, слуги Стерна. Лафлёр говорил, что барин его исписал чуть ли не сотню дестей бумаги о своем путешествии во Францию. Ну, спрашивается, куда это пошло? Всё-то это составило книжоночку, которую хороший писака, как Плюшкин н<апример>, уместил бы на полудести. Не понимаю, каким образом этот же самый Вальтер Скотт мог в несколько недель писать такие, вполне оконченные создания, как "Маннеринг" например! Может быть, оттого, что ему было 40 лет.

Не знаю, брат, что со мною будет! Ты несправедливо говоришь, что меня не мучает мое положение. До дурноты, до тошноты мучает; часто я по целым ночам не сплю от мучительных мыслей. Мне говорят толковые люди, что я пропаду, если напечатаю мой роман отдельно. Говорят - положим, книга будет хороша, очень хороша. Но вы не купец. Как вы будете публиковать о нем. В газетах, что ли? Нужно непременно иметь на своей руке книгопродавца; а книгопродавец себе на уме; он не станет себя компрометировать объявлениями о неизвестном писателе. Он потеряет кредит у своих pratiques. Каждый из порядочных книгопродавцев - хозяин нескольких журналов и газет. В журналах и газетах участвуют первейшие литераторы или претендующие на первенство. Объявляется (2) о новой книге - в журнале, скрепленном их подписью, а это много значит. Следовательно, книгопродавец поймет, когда ты придешь к нему с своим напечатанным товаром, что он может прижать тебя донельзя. Вот дело какое! А книгопродавец, - алтынная душа, прижмет непременно, и я сяду в болото, непременно сяду.

Итак, я решил обратиться к журналам и отдать мой роман за бесценок разумеется, в "Отечеств<енные> записки". Дело в том, что "Отечеств<енные> записки" расходятся в 2500 экземплярах, следовательно, читают их по крайней мере 100000 человек. Напечатай я там - моя будущность литературная, жизнь - всё обеспечено. Я вышел в люди. Мне в "От<ечественные> записки" всегда доступ, я всегда с деньгами, а вдобавок

пусть выйдет мой роман, положим, в августовском номере или в сентябре, я в октябре перепечатаваю его на свой счет, уже в твердой уверенности, что роман раскупят те, которые покупают романы. К тому же объявления мне не будут стоить ни гроша. Вот дело какое!

В Ревель приехать я не могу раньше пристройки романа, а то и времени нечего напрасно терять. Нужно хлопотать. Есть у меня много новых идей, которые, если 1-й роман пристроится, упрочат мою литературную известность. Вот все мои надежды в будущем.

Что же касается до денег, то, увы! их нет. Черт знает, куда они исчезли. Зато мало долгов. Что же касается до квартиры, то, во-1-х, я еще кое-что должен;

2-е) я в неизвестном положении – поеду ли я в Ревель, нет ли? Пристрою ль роман, нет ли? Если поеду, то успею тогда же съехать; ибо расходы и хлопоты на переселение обойдутся дороже, чем оставаться, какую бы ни нанять квартиру. Я уж считал. Квартира, роман, Ревель – 3 неподвижные идеи – *Ma femme et mon parapluie*.

Прощай, в будущем письме будет всё решено. А теперь до свидания, и желаю тебе всех благ вместе с твоею супругой и детками.

Твой Достоевский.

Устрой я роман, тогда Шиллер найдет себе место, или я не я. "Вечный жид" недурен. Впрочем, Сю весьма недалек.

Я только не хочу писать, брат, но меня так мучает твое положение и Шиллер, что я о себе забываю. А мне самому нелегко.

А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву. Что же делать? Я уж думал обо всем. Я не переживу смерти моей *idée fixe*.

Эмили Федоровне мое нижайшее почтение. Хочется мне со всеми вами увидеться.

У нас погода страшная. Разверзлись хляби небесные, и провидение послало на Северную Пальмиру по несколько 1000-ч насморков, кашлей, чахоток, лихорадок, горячек и т. п. даров. Иже согрешихом! Читал ли ты "Емелю" Вельтмана, в последней "Библиотеке для чтения" – что за прелесть. "Тарантас" хорошо написан. Что за гадость иллюстрации.

Отвечай поскорее, ибо скучно.

(1) было: произведениями

(2) далее было начато: вы<ход>

54. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Начало сентября 1845. Петербург

Драгоценнейший друг мой!

Пишу к тебе тотчас же по приезде моем, по условию. Сказать тебе, возлюбленный друг мой, сколько неприятностей, скуки, грусти, гадости, пошлости было вытерпено мною во время дороги и в первый день в Петербурге свыше пера моего. Во-первых, простившись с тобою и с милой Эмилией Федоровной, я взошел на пароход в самом несносном расположении духа. Толкотня была страшная, а моя тоска была невыносимая. Отправились мы в двенадцать часов с минутами первого. Пароход полз, а не шел. Ветер был противный, волны хлестали через всю палубу; я продрог, прозяб невыносимо и провел ночь неописанную, сидя и почти лишась чувств и способности мыслить. Помню только, что меня раза три вырвало. На другой день ровно в четыре часа пополудни пришли мы в Кронштадт, (1) то есть в 28 часов. Продав часа три, мы отправились уже в сумерках на гадчайшем, мизернейшем

пароходе "Ольга", который плыл часа три с половиною в ночи и в тумане. Как грустно было мне въезжать в Петербург. Я смутно переживал всю мою будущность в эти смертельные три часа нашего въезда. Особенно привыкнув с вами и сжившись так, как будто бы я целый век уже вековал в Ревеле, (2) мне Петербург и будущая жизнь петербургская показались такими страшными, безлюдными, безотрадными, а необходимость такую суровую, что если б моя жизнь прекратилась в эту минуту, то я, кажется, (3) с радостью бы умер. Я, право, не преувеличиваю. Весь этот спектакль решительно не стоит свечей. Ты, брат, желаешь побыть в Петербурге. Но если приедешь, то приезжай сухим путем, потому что нет ничего грустнее и безотраднее въезда в него с Невы и особенно ночью. По крайней мере, мне так показалось. Ты, верно, замечаешь, что мои мысли и теперь отличаются пароходной качкою. Когда я приехал на квартиру, ночью в 12-м часу, то человека моего дома не оказалось; он служил на время в другом месте, и дворник, неизвестно чему обрадовавшийся, вручил мне осиротелый ключ моей шестисот рублей (4) квартиры (в долгах). Я даже не мог чаю напиться и так и лег в решительном апатическом состоянии. Сегодня, проснувшись в восемь часов, я увидел перед собой моего человека. Порасспросил его. Всё как было; по-старому. Квартира моя слегка подновлена. Григоровича и Некрасова нет еще в Петербурге, а известно лишь по слухам, что они явятся разве-разве к 15-му сентяб<ря>, да и то сомнительно. Дав самую коротенькую, но весьма решительную аудиенцию кой-каким кредиторам, я отправился по делам и ровно ничего не сделал. Познакомился с журналами, поел кое-что, купил бумаги и перьев - да и кончено. К Белинскому не ходил. Намереваюсь завтра отправиться, а сегодня я страшно не в духе. Вечером присел за письмо, которое уже почти кончается, а письмо вялое, тоскливое, вполне отзывающееся тяжким моим теперешним положением - "Скучно на белом свете, господа!"

Это письмо пишу к тебе, во-первых, вследствие обещания написать поскорее, а во-вторых, оттого, что тоска, и письмо просилось написаться. Ах, брат, какое грустное дело одиночество, и я начинаю тебе теперь завидовать. Ты, брат, счастлив, право, счастлив, сам не зная того. С следующей почтою напишу тебе еще. Занимает меня немного то, что я почти совсем (до 15-го) без ресурсов, но только немного, потому что я в настоящее время и думать ни об чем не могу. Впрочем, всё это вздор! Я ослаб страшно и хочу теперь лечь спать, потому что уже ночь на дворе. Что-то скажет будущность. Как жаль, что нужно работать, чтобы жить. Моя (5) работа не терпит принуждения.

Ах, брат, ты не поверишь, как бы я желал теперь хоть два часочка еще пожить вместе с вами. Что-то будет, что-то будет впереди? Я теперь настоящий Голядкин, которым я, между прочим, займусь завтра же. Покамест прощай! До следующей почты. Прощай, возлюбленный друг мой; кланяйся и поцелуй за меня Эмилию Федоровну. Детям тоже кланяюсь. Помнит ли еще меня Федя или оказывает равнодушие? Ну, прощай, дражайший мой. Прощай. Твой Достоевский.

Голядкин выиграл от моего сплина. Родились две мысли и одно новое положение. Ну, прощай, мой голубчик. Послушай, что-то с нами будет лет через двадцать? Не знаю, что со мной будет; знаю только, что я теперь мучительно чувствую.

М. И<ванов>не и А<лександр>ру Ада<мови>чу Бергманам мое нижайшее почтение. Петербург еще пуст. Всё порядочно вяло.

(1) далее было начато: то есть сутки с

(2) было: с вами

(3) было: мне кажется

(4) так в подлиннике

(5) было: Эта

55. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
8 октября 1845. Петербург

8 октября.

Любезнейший брат.

До сих пор не было у меня ни времени, ни расположения духа уведомить тебя о чем-нибудь до меня касающемся. Так всё было скверно и гадко, что самому тошно было глядеть на свет божий. Во-первых, дражайший, единственный друг мой, всё это время я был без копейки и жил на кредит, что весьма скверно. Во-вторых, было вообще как-то грустно, так что поневоле опадаешь духом, не заботишься о себе и становишься не безмозгло равнодушным, но, что хуже этого, переходишь за предел и бесишься и злишься до крайности. В начале этого месяца явился Некрасов, отдал мне часть долга, а другую получаю на днях. Нужно тебе знать, что Белинский недели две тому назад прочел мне полное наставление, каким образом можно ужиться в нашем литературном мире, и в заключение объявил мне, что я непременно должен, ради спасения души своей, требовать за мой печатный лист не менее 200 р.

ассигнациями. Таким образом мой Голядкин пойдет по крайней мере в 1500 рублях ассигнациями. Терзаемый угрызениями совести, Некрасов забежал вперед зайцем и к 15 генварю обещал мне 100 руб. серебром за купленный им у меня роман "Бедные люди". Ибо сам чистосердечно сознался, что 150 р. серебром плата не христианская. И посему 100 р. серебром набавляет мне сверх из раскаяния. Всё это покамест хорошо. Но вот что скверно. Что еще ровнешенько ничего не слышать из цензуры насчет "Бедных людей". Такой невинный роман таскают, таскают, и я не знаю, чем они кончат. Ну как запретят? Исчеркают сверху донизу? Беда, да и только, просто беда, а Некрасов поговаривает, что не успеет издать альманаха, а уж истратил на него 4000 руб. ассигнациями.

Яков Петрович Голядкин выдерживает свой характер вполне. Подлец страшный, приступу нет к нему; никак не хочет вперед идти, претендуя, что еще ведь он не готов, а что он теперь покамест сам по себе, что он ничего, ни в одном глазу, а что, пожалуй, если уж на то пошло, то и он тоже может, почему же и нет, отчего же и нет? Он ведь такой, как и все, он только так себе, а то такой, как и все. Что ему! Подлец, страшный подлец! Раньше половины ноября никак не соглашается окончить карьеру. Он уж теперь объяснился с е^{го} превосходительством и, пожалуй, (отчего же нет) готов подать в отставку. А меня, своего сочинителя, ставит в крайне негодное положение.

Я бываю весьма часто у Белинского. Он ко мне донельзя расположен и серьезно видит во мне доказательство перед публикою и оправдание мнений своих. Познакомился я на днях с Кронебергом, переводчиком Шекспира (сыном стар^{ого} Кронеберга, харьковского проф^{ессора}). Вообще говоря, будущность (и весьма недалекая) может быть хороша и может быть и страх как дурна. Белинский понукает меня дописывать Голядкина. Уж он разгласил о нем во всем литературном мире и чуть не запродавал Краевскому, а о "Бедных людях" говорит уже пол-Петербурга. Один Григорович чего стоит! Он сам мне говорит: "Je suis votre claqueur-chauffeur".

Некрасов аферист от природы, иначе он не мог бы и существовать, он так с тем и родился - и посему в день же приезда своего, у меня вечером, подал

проект летучему маленькому альманаху, который будет созидаться посильно всем литературным народом, но главными его редакторами будем я, Григоров<ич> и Некрасов. Последний берет издержки (1) на свой счет. Альманах будет в 2 печат<ных> листа и выходить будет один раз в две недели, 7-го и 21-го каждого месяца. Название его "Зубоскал"; дело в том, чтобы острить а смеяться над всем, не щадить никого, цепляться за театр, за журналы, за общество, за литературу, за происшествия на улицах, за выставку, за газетные известия, за иностранные известия, словом, за всё, всё это в одном духе и в одном направлении. Начнется он с 7-го ноября. Составился он у нас великолепно. Во-первых, он будет с иллюстрациями. Эпиграфом берутся знаменитые слова Булгарина из фельетона "Северной пчелы", что "мы готовы умереть за правду, не можем без правды" и т. д., и подпишет Фаддей Булгарин. То же будет написано в объявлении, которое пойдет 1-го числа ноября. Статьи для 1-го нумера будут Некрасова, о некоторых (разумеется, на днях случившихся) Петербург<ских> подлостях. 2) Будущий роман Евг. Сю "Семь смертных грехов" (на 3-х страничках весь роман). Обзорение всех журналов. Лекция Шевырева о том, как гармоничен стих Пушкина, до того, что когда он был в колизее и прочел двум дамам, с ним бывшим, несколько стансов из Пушкина, то все лягушки и ящерицы, бывшие в колизее, сползли к нему слушать. (Шевырев читал это в Москов<ском> университете). Потом последнее заседание славянофилов, где торжественно докажется, что Адам был славянин и жил в России, (2) и по сему случаю покажется вся необыкновенная важность и польза разрешения такого великого социального вопроса для благоденствия и пользы всей русской нации. Потом в отделе искусств и художеств "Зубоскал" отдаст полную справедливость "Иллюстрации" Кукольника, причем даже сошлется на следующий пункт "Иллюстрации", где она говорит: что: ѳисктгзел-дтоом-дудурн и т. д. несколько строк таким образом. (Известно, что "Иллюстрация" весьма неисправна в корректуре; переставление слов, слова оборотом для нее вовсе ничего не значат.) Григоров<ич> напишет "Историю недели" и поместит несколько своих наблюдений. Я буду писать "Записки лакея о своем барине" и т. д. Видишь, что журнал будет весьма веселый вроде "Gukres" Карра. Дело это доброе; ибо самый малый доход может дать на одну мою часть 100-150 руб. в месяц. Книжка пойдет. Некрасов будет помещать и стихи.

Ну, прощай. В другой раз напишу больше. Теперь страшно занят, а видишь, между прочим, что настроил тебе целое письмо, а ты мне ни полстрочки не напишешь без моего письма. Считаешься визитами. Леняй ты такой, Фетюк, просто Фетюк!

Прочти (3) "Теверино" (Жорж Занд в "Отечеств<енных> записк<ах>", окт<ябрь>). Ничего подобного не было еще в нашем столетии. Вот люди, первообразы.

Прощай, друг мой. Эмили Федоровне кланяюсь и целую у ней ручки. Здоровы ли дети? Пиши мне подробнее.

Шиллера переводи исподволь, хотя издание его решительно нельзя сказать, когда осуществится. Я теперь пронохиваю какой-нибудь перевод для тебя. Но беда! В "Отеч<ественных> записках") три офиц<иальных> переводчика. Авось уладим мы, брат, что-нибудь вместе с тобой. Всё впереди, впрочем. Если я пойду, то Театр Шиллера тоже пойдет, - вот что я только знаю.

Твой Ф. Достоевский.

(1) было: деньги

(2) далее было: и что по сему случаю, это он

(3) было начато: Читал

56. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
16 ноября 1845. Петербург

16 ноября 45.
Любезный брат.

Пишу к тебе теперь наскоро и тем более, что временем теперь совсем не богат. Голядкин до сей поры еще не кончен; а нужно кончить непременно к 25-му числу. Ты мне весьма долго не отвечал, и я было начал крайне за тебя беспокоиться. Пиши почаще; а что ты отговариваешься неимением времени, то это просто вздор. Времени тут надо немного. Ленъ провинциальная губит тебя в цвете лет, любезнейший, а более ничего. Ну, брат, никогда, я думаю, слава моя не дойдет (1) до такой апогеи, как теперь. Всюду почтение неимоверное, любопытство насчет меня страшное. Я познакомился с бездной народу самого порядочного. Князь Одоевский просит меня осчастливить его своим посещением, а граф Соллогуб рвет на себе волосы от отчаяния. Панаев объявил ему, что есть талант, который их всех в грязь втопчет. Соллогуб обегал всех и, зашедши к Краевскому, вдруг спросил его: Кто этот Достоевский? Где мне достать Достоевского? Краевский, который никому в ус не дуется и режет всех напропалую, отвечает ему, что "Достоевский не захочет Вам сделать чести осчастливить Вас своим посещением". Оно и действительно так: аристократишка (2) теперь становится на ходули и думает, что уничтожит меня величием своей ласки. (3) Все меня принимают как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли, что Достоевский то-то сказал, Достоевский то-то хочет делать. Белинский любит меня как нельзя более. На днях воротился из Парижа поэт Тургенев (ты, верно, слышал) и с первого раза привязался ко мне такою привязанностью, такою дружбой, что Белинский объясняет (4) ее тем, что Тургенев влюбился в меня. Но, брат, что это за человек? Я тоже едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, 25 лет, - я не знаю, в чем (5) природа отказала ему? Наконец: характер неистоимо прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе. Прочти его повесть в "Отчужденных" записках "Андрей Колосов" - это он сам, хотя и не думал тут себя выставлять.

Деньгами же я до сих пор не богат, - но не нуждаюсь. На днях я был без гроша. Некрасов между тем затеял "Зубоскала" - прелестный юмористический альманах, к которому объявление написал я. Объявление наделало шуму; ибо это первое явление такой легкости и такого юмору в подобного рода вещах. Мне это напомнило 1-й фельетон Lucien de Rubempré. Объявление мое напечатано уже в "Отчужденных" записках в Разных известиях. За него взял я 20 руб. серебр<ом>. Итак, на днях, не имея денег, зашел я к Некрасову. Сидя у него, у меня пришла идея романа в 9 письмах. Придя домой, я написал этот роман в одну ночь; величина его 1/2 печатного листа. Утром отнес к Некрасову и получил за него 125 руб. ассигнациями, то есть мой лист в "Зубоскале" ценится в 250 руб. ассигнациями. Вечером у Тургенева читался мой роман во всем нашем круге, то есть между 20 человек по крайней мере, и произвел фурор. Напечатан он будет в 1-м номере "Зубоскала". Я тебе пришлю книгу к 1-му декабря, и вот ты сам увидишь, хуже ли это, например, "Тяжбы" Гоголя? Белинский сказал, что он теперь уверен во мне совершенно, ибо я могу братья за совершенно различные элементы. (6) На днях Краевский, услышав, что я без денег,

упросил меня покорнейше взять у него 500 руб. займа. Я думаю, что я ему продам лист за 200 руб. асс<игнациями>.

У меня бездна идей; и нельзя мне рассказать что-нибудь из них хоть Тургеневу, н<a>п<пример>, чтобы на завтра почти во всех углах Петербурга не знали, что Достоев<ский> пишет то-то и то-то. Ну, брат, если бы я стал исчислять тебе все успехи мои, то бумаги не нашлось бы столько. Я думаю, что у меня будут деньги. Голядкин выходит превосходно; это будет мой chef-d'œuvre. Вчера я в первый раз был у Панаева и, кажет<ся>, влюбился в жену его. (7) Она умна и хорошенькая, вдобавок любезна и прямо донельзя. Время я провожу весело. Наш кружок пребольшой. Но я всё пишу о себе; извини, любезнейший; я откровенно тебе скажу, что я теперь упоен собствен<ной> славой своей. С будущим письмом пришлю "Зубоскала". Белинский говорит, что я профанирую себя, помещая свои статьи в "Зубоскале".

Прощай, мой голубчик. Желаю счастья тебе. Поздравляю с чином. Целую ручки Эмилии Федоровне и детей твоих. Что они?

Твой Достоевский.

Белинский охраняет меня от антрепренеров. Я перечел мое письмо и нашел, что я, во-1-х, безграмотен, а, во-2-х, самохвал.

Прощай. Ради бога, пиши.

Наш Шиллер пойдет на лад непременно. Белинский хвалит предприятие полного издания. Я думаю, со временем его можно выгодно продать, хоть Некрасову н<a>прим<ер>. Прощай.

Минушки, Кларушки, Марианны и т. п. похорошели донельзя, но стоят страшных денег. На днях Тургенев и Белинский разбранили меня в прах за беспорядочную жизнь. Эти господа уж и не сознают, как любить меня, (8) влюблены в меня все до одного. Мои долги на прежней точке.

(1) было: не доходила

(2) было: мерзавец

(3) вместо: величием своей ласки - было: своим величием.

(4) было: объяснил

(5) было: что

(6) далее было: и умею просто

(7) далее было: Она славится в Петерб<урге>

(8) далее было начато: Это

1846

57. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 февраля 1846. Петербург

1 февраля.

Любезный брат.

Во-первых, не сердись, что долго не писал. Ей-богу, некогда было, и сейчас докажу. Главное, что меня задержало, было то, что я до самого последнего времени, то есть до 28-го числа, кончал моего подлеца Голядкина. Ужас! Вот каковы человеческие расчеты: хотел было кончить до августа и протянул до февраля! Теперь посылаю тебе альманах. "Бедные люди" вышли еще 15-го. (1) Ну, брат! Какую ожесточенную бранью встретили

их везде! В "Иллюстрации" я читал не критику, а ругательство. В "Северной пчеле" было черт знает что такое. Но я помню, как встречали Гоголя, и все мы знаем, как встречали Пушкина. Даже публика в остервенении: ругают 3/4 читателей, но 1/4 (да и то нет) хвалит отчаянно. Дйbats пошли ужаснейшие. Ругают, ругают, ругают, а все-таки читают. (Альманах расходуется неестественно, ужасно. Есть надежда, что через 2 недели не останется ни одного экземпляра.) Так было и с Гоголем. Ругали, ругали его, ругали - ругали, а все-таки читали и теперь помирились с ним и стали хвалить. Сунул же я им всем собачью кость! Пусть грызутся - мне славу дурачьё строят. До того осрамиться, как "Северная пчела" своей критикой, есть верх посярмления. Как неистово-глупо! Зато какие похвалы слышу я, брат! Представь себе, что наши все и даже Белинский нашли, что я даже далеко ушел от Гоголя. В "Библиотеке для чтения", где критику пишет Никитенко, будет огромный разбор "Бедных людей", в мою пользу. Белинский подымает в марте месяце трезвон. Одоевский пишет отдельную статью о "Бедных людях". Соллогуб, мой приятель, тоже. Я, брат, пустился в высший свет и месяца через три лично расскажу тебе все мои похождения.

В публике нашей есть инстинкт, как во всякой толпе, но нет (2) образованности. Не понимают, как можно писать таким слогом. Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал. А им и невдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может. Роман находят растянутым, а в нем слова лишнего нет. Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду в глубину и, разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я. Прочтешь и сам увидишь. А у меня будущность преблистательная, брат! Сегодня выходит Голядкин. 4 дня тому назад я еще писал его. В "Отечеств<енных> записках" он займет 11 листов. Голядкин в 10 раз выше "Бедных людей". Наши говорят, что после "Мертвых душ" на Руси не было ничего подобного, что произведение гениальное и чего-чего не говорят они! С какими надеждами они все смотрят на меня! Действительно, Голядкин удался мне донельзя. Поправится он тебе, как не знаю что! Тебе он понравится даже лучше "Мертвых душ", я это знаю. Получают ли у вас "Отечеств<енные> записки"? Не знаю, даст ли мне экземпляр Краевский. Ну, брат, я тебе так давно не писал, что не помню, на чем я тогда остановился. Так много воды утекло! Скоро увидимся. Летом я непременно к вам, друзья мои, и всё лето буду страшно писать: мысли есть. Теперь я тоже пишу. За Голядкина взял я ровно 600 руб. серебром. Сверх того я еще получал бездну денег, так что истратил 3 тысячи после разлуки с тобою. Живу-то я беспорядочно - вот в чем вся штука! Я переехал с квартиры и нанимаю теперь две превосходно меблированные комнаты от жильцов. Мне очень хорошо жить.

Адрес мой: у Владимирской церкви, на углу Гребецкой улицы и Кузнечного переулочка, дом купца Кучина, в № 9-м. Пиши, пожалуйста, ради бога. Напиши, поправились ли "Бедные люди". Кланяйся Эмили Федоровне и целуй детей. Я был влюблен не на шутку в Панаеву, теперь проходит, а не знаю еще. Здоровье мое ужасно расстроено; я болен нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической. Порядочно жить я не могу, до того я беспутен. Если не удастся летом купаться в море, то просто беда. Прощай, ради бога, пиши. Извини, что скверно написал письмо. Спешу. Целую тебя. Прощай. Т<вой> Достоевский.

Ну, брат, ради бога, извини, что ничего не прислал до сих пор. Летом всё привезу. Ну прощай, уже третий час.

Всем вам привезу подарки.

Мы с тобою летом, дружище, проведем время повеселее нынешнего. Деньгами-то я буду не богат, но на 800 р. или на 1000 надеюсь. На лето довольно. Верочка выходит замуж. Знаешь ты это?

(1) далее было: но я был занят

(2) было: есть

58. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
1 апреля 1846. Петербург

1 апреля 1846.

Любезный брат.

Посылаю тебе каску с принадлежностями и пару эполет. Чешуи на каске не вделаны, потому что, как сказали, в дороге кивер попортится. Не знаю, хорошо ли услужил. Если же не хорошо, то не я виноват, потому что решительно ничего не понимаю в этих вещах. Отстал от века, друг мой. Теперь 2-й вопрос. Спросишь, почему так поздно. Но я, милейший мой, в такой каторге, что, как бы ни показалось оно странным тебе, ей-богу, не сыскал времени для комиссии твоей. Правда, две почты пропустил решительно только по своей оплошности. Виноват. Не сердись.

Теперь далее. Друг мой. Ты, верно, пеняешь, что я так долго тебе не пишу. Но я совершенно согласен с Гоголевым Поприщиным: "Письмо вздор, письма пишут аптекари". Что мне было написать тебе? Мне нужно было бы исписать томы, если бы начать говорить так, как бы хотелось мне. В моей жизни каждый день столько нового, столько перемен, столько впечатлений, столько хорошего и для меня выгодного, столько и неприятного и невыгодного, что и самому раздумывать некогда. Во-первых, я весь занят. Идей бездна и пишу беспрерывно. Не думай, чтобы я совсем был на розах. Вздор. Во-первых, я прожил много денег, то есть ровно 4500 руб. со времени нашей разлуки с тобою и на 1000 руб. ассиг<нациями> продал вперед своего товару. Таким образом, при известной тебе моей аккуратности я себя обокрал совершенно и начинаю опять по-прежнему бывать без копейки.

Но это ничего. - Слава моя достигла до апогеи. В 2 месяца обо мне, по моему счету, было говорено около 35 раз в различных изданиях. В иных хвала до небес, в других с исключениями, а в третьих руготня напропалую. Чего лучше и выше? Но вот что гадко и мучительно: свои, наши, Белинский и все мною недовольны за Голядкина. Первое впечатление было безотчетный восторг, говор, шум, толки. Второе - критика. Именно: все, все с общего говору, (1) то есть наши и вся публика, нашли, что до того Голядкин скучен и вял, до того растянут, что читать нет возможности. Но что всего комичнее, так это то, что все сердятся на меня за растянутость и все до одного читают напропалую и перечитывают напропалую. А один из наших тем только и занимается, что каждый день прочитывает по главе, чтобы не утомить себя, и только чмокает от удовольствия. Иные из публики кричат, что это совсем невозможно, что глупо и писать и помещать такие вещи, другие же кричат, что это с них и списано и снято, а от некоторых я слышал такие мадригалы, что говорить совестно.

Что же касается до меня, то я даже на некоторое мгновение впал в уныние. У меня есть ужасный порок: неограниченное самолюбие и честолюбие. Идея о том, что я обманул ожидания и испортил вещь, которая могла бы быть великим делом, убивала меня. Мне Голядкин опротивел. Много в нем писано наскоро и в утомлении. 1-я половина лучше последней. Рядом с блистательными страницами есть скверность, дрянь, из души воротит, читать

не хочется. Вот это-то создало мне на время ад, и я заболел от горя. Брат, я тебе пришлю Голядкина через две недели, ты прочтешь. Напиши мне свое полное мнение.

Пропускаю жизнь и мое учение и скажу кое-что о наших новостях. 1-е (огромная новость). Белинский оставляет "Отечеств<енные> записки". Он страшно расстроил здоровье, отправляется на воды и, может быть, за границу. Он не возьмется за критику года два. Но для поддержания финансов издает исполинской толщины альманах (в 60 печ. листов). Я пишу ему две повести: 1-е) "Сбритые бакенбарды", 2-я) "Повесть об уничтоженных канцеляриях", обе с потрясающим трагическим интересом и - уже отвечаю - сжатые донельзя. Публика ждет моего с нетерпением. Обе повести небольшие. Кроме того, что-нибудь Краевскому и роман (2) Некрасову. Всё это займет меня год. "Сбритые бакенбарды" я кончаю.

2-я новость. Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров. 1-й печатался, второй начинающий и не печатавшийся нигде. Их ужасно хвалят. Первенство остается за мною покамест и надеюсь, что навсегда. Вообще никогда так не закипала литература, как теперь. Это к лучшему.

Третье. Я или очень рано приеду к вам, или очень поздно, или даже совсем не приеду. Я должен, у меня денег не будет (а без денег я ни за что не приеду, в-третьих, я завален работой. Всё скажет будущее).

4-е. Шидловский отозвался. Его брат был у меня. Я с ним начинаю переписку.

5-е. Если хочешь, мой возлюбленный друг, что-нибудь заработать на литературном > поприще, то (3) есть случай и щегольнуть и эффект произвести одним переводом. Переведи "Рейнеке-Фукс" по Гете. Меня даже просили поручить тебе перевести, ибо (4) вещь нужна в альманах Некрасову. Если захочешь, переведи. Не торопись. И даже если я не приеду к 15-му маю или к 1-му июню, то присылай, если будет готово. (5) Все разъезжаются на лето; но если возможно будет, то я, может быть, и весной помешу его куда-нибудь и тебе деньги привезу. Если же не весной, то осенью, - но непременно. Деньги будут непременно. Некрасов издатель, он купит, Белинский купит, Ратьков купит, а Краевский в полном моем распоряжении. Дело выгодное. У нас говорили об этом переводе. Итак, начни, если хочешь, а за успех я ручаюсь головой. Если переведешь главы три, то пришли мне, я покажу господам, и случиться может, что денег дадут вперед.

Никогда еще не был я так богат деятельностью, как теперь. Всё кипит, идет... Но что-то будет? Прощай, мой возлюбленный.

Прощай, милый мой. Целую вас всех и желаю вам всего. У Эмилии Федоровны целую обе ручки. Детей тоже. Как ты? Напиши о себе. Ах, друг мой. Я хочу тебя видеть. Но что делать.

Твой весь Достоевский.

Верочка уже 3 месяца как вышла замуж. Говорят, счастливо. Дядя дал столько же, сколько и Варе. Пиши дяде. Она вышла за Иванова (его высокоб<лагородие>). Ему 30 лет. Он где-то профессор химии. Мне писала Верочка, говорит, что и тебе тоже.

(1) далее было: нашли, что

(2) было: большой роман

(3) далее было: можешь даже

(4) было: если

(5) вместо этой фразы было: И если я не приеду к [1-му] 15 мая, то присылай перевод или вообще присылай, когда кончишь.

59. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
26 апреля 1846. Петербург

26 апреля.

Любезный брат.

Я не писал тебе оттого, что до самого сегодня не мог взять пера в руки. Причина же тому та, что был болен, при смерти в полном смысле этого слова. Болен я был в сильнейшей степени раздражением всей нервной системы, а болезнь устремилась на сердце, произвела прилив крови и воспаление в сердце, которое (1) едва удержано было пьевками и двумя кровопусканиями. Кроме того, я разорился на разные декокты, капли, порошки, микстуры и тому подобн<ые> гадости. Теперь я вне опасности. Но только, потому что болезнь осталась при мне и по объявлению доктора моего, так как она была приготовлена тремя или четырьмя годами, то и вылечиться можно не в малое время. Лечение же мое должно быть и физическое и нравственное. – 1-е, диетой и постоянными физическими лишениями, мне предписанными. 2-е) переменою места, воздержанием ото всех сильных впечатлений, потрясений, ровною и тихую жизнью и, наконец, порядком во всем. На сей конец поездка в Ревель (хотя не для купания, ибо купание мне признано вредным) для перемены места и образа жизни мне предписана как средство радикальное. Но так как я без копейки, а для этой поездки мне нужно огромные деньги, не столько для Ревеля, сколько для расходов и уплаты долгов в Петербурге, то по сему случаю всё, почти жизнь и здоровье мое зависят от Краевского. Даст он мне денег вперед, приеду, нет – так и совсем не приеду. И по сему случаю после письма сего я не буду писать недели три, по прошествии коих или сам явлюсь к Вам собственною особою, или не явлюсь совсем в целое лето.

Я пишу тебе наскоро и за делом. У меня есть до тебя просьба, которую ты должен исполнить и хлопотать о ней всеми силами. Это вот что, Белинский едет на лето (он уехал сегодня) в Москву, а потом вместе с другом своим актером Щепкиным и еще кое с кем предпринимает путешествие на юг России, в Малороссию, в Одессу и в Крым. Он возвращается в сентябре и будет хлопотать о своем альманахе. Жена же его с своей сестрой и с годовалым ребенком отправляются в Гапсаль. Может быть, я приеду с ними, а может быть и нет. Пароход останавливается в Ревеле на несколько часов. Теперь, дело в том, что люди их отказываются ехать с ними в чужую сторону, хотя и на лето. Они остаются без няньки. Нанять здесь тоже нельзя; ибо на выезд не соглашаются как за огромную цену, которой они дать не в состоянии. И посему просят меня покорнейше написать к тебе следующую просьбу их. Начиная со дня получения сего письма моего, постараться всеми силами (о чем и я прошу тебя) поискать в Ревеле няньку, немку, а не чухонку (2) (это непременно), если можно пожилую, которая бы согласилась с ними отправиться в Гапсаль до сентября. Цена их будет 15 руб. ассиг<нациями> в месяц, если же она согласится потом с ними отправиться в Петербург, то 25 руб. ассиг<нациями>, больше они дать не могут. Разумеется, весьма желательно сыскать женщину с хорошей репутацией, одним словом, порядочную няньку. Сыскавши ее, с самого 5-го мая держать ее наготове, то есть готовую в минуту к отъезду, по тому обстоятельству, что так как пароход останавливается в Ревеле четыре часа, то в эти четыре часа м-те Белинская пожалуйет к тебе, ты пошлешь за нянькой, и всё дело уладится. Вот их проект. Вся сила в том, согласишься ли ты, а я перед тобой падам – до ног за это. Умоляю тебя за себя. Я люблю и уважаю этих людей. Прошу тебя покорнейше, тебя вместе с Эмилией Федоровной, постарайтесь. (3)

М-те Белинская, весьма слабая, пожилая и больная женщина, принуждена ехать одна-одинешенька, да еще с ребенком. Служить же у них не надо лучше. Они люди добрые, живут в довольстве и обходятся с людьми примерно хорошо. Нянька у них только нянька и более не занимается ничем. Ради бога, брат, постарайся. Кроме того, отвечай как можно скорее. Белинские могут быть в Ревеле к 10-му числу. Напиши поскорее и объясни еще, принимаются ли пассажиры на пароход, который из Петербурга отправляется через Ревель в Гапсаль? Иначе не возьмут няньку на пароход.

Я должен закончить одну повесть до отъезда небольшую, за деньги, которые я забрал у Краевского, и тогда уже взять вперед денег.

Деятельность у нас в литературе закипает огромная. Нового не упишешь.

Есть надежды большие. Увидимся, расскажу, а теперь прощай.

Твой весь Ф. Достоевский.

Жду с нетерпением письма твоего. Свидетельствую мою любовь и уважение Эмилии Федоровне, мое нижайшее почтение Феде и уважение, смешанное с почтением, Маше.

(1) было начато: от которого

(2) далее было начато: для немецк<ого>

(3) далее было начато: Это

60. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

16 мая 1846. Петербург

1846. 16 мая.

Любезный брат.

Перед тобою госпожи, вручившие тебе сие послание. Пожалуйста, прими хорошенько и если можно, то даже не худо бы было пригласить их к обеду, - и м-те Белинскую и ее интереснейшую сестрицу. Просят они тоже зарекомендоваться и к Эмилии Федоровне. Попитай их дамский эгоизм как можно более участием к ним (1) и, разумеется, как можно менее толкуй о литературе. (2) Впрочем, ты и сам смыслишь лучше меня в этих делах. Научи их, где им остановиться и что делать. Я не знаю, что для них лучше остаться ли в Ревеле, или охать в Гапсаль.

Про себя скажу, что я решительно не знаю, что еще со мною будет. Денег у меня нет ни копейки, да и не знаю еще, откуда я их получу. Подняться мне нельзя отсюда, не имея 500 рублей собственно для отдачи петербург<ских> долгов. Следовательно, суди сам. Вероятно, да и всего вероятнее, что мы просто не увидимся, брат, и что я не приеду. Мне скучно и тяжело здесь. Я пишу и не вижу конца работе. Посылаю мой поклон Эмилии Федоровне. Прошу ее о г<оспожа>х Белинских и надеюсь на всё ее снисхождение и любезность. Недурно, если Федя и Маша окажут тоже со своей стороны какую-нибудь приязнь и откровенно выскажут свое мнение в пределах их известной солидности. Ну, прощай, брат, некогда. Я решительно никогда не имел у себя такого тяжелого времени. Скука, грусть, апатия и лихорадочное судорожное ожидание чего-то лучшего мучат меня. А тут болезнь еще. Черт знает что такое? Кабы как-нибудь пронеслось всё это.

Твой Ф. Достоевский.

(1) далее строка густо зачеркнута

(2) далее густо зачеркнута строка, начинающаяся словами: Не обижай

61. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ
24 мая 1846. Петербург

Брат. Я сейчас еду в Ревель. Виноват, что к тебе не зашел. У меня в последнее время были всё разные квартиры, и вообще преобладал около меня беспорядок за неизвестностью, останусь ли я в Петербурге или нет. Ты, верно, меня искал, но не нашел. Здоровье мое не дурно, хотя еще я вовсе не вылечился. Еду лечиться, буду кланяться от тебя брату. А теперь прощай.

Ворочусь в октябре и, как устроюсь, приду к тебе сам. Прощай.

Твой Ф. Достоевский.

На обороте: Его благородию Андрею Михайловичу Достоевскому В Строительное училище, воспитаннику.

На Обуховском проспекте.

62. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
5 сентября 1846. Петербург

5 сентября.

Спешу тебя уведомить, любезный брат, что я кое-как добрался до Петербурга и остановился, как желал, у Трутовского. Качки я не чувствовал, но в дороге и здесь в Петербурге промок до костей и простудился совсем, кашель, насморк и всё это у меня в самой сильной степени. Первое время было ужасно скучно. Я ходил нанимать квартиру и нанял уже за 14 руб. серебр<ом> от жильцов 2 маленькие комнатки, с хорошею мебелью и прислугою, но еще не переехал. Адресс же: напротив Казанского собора, в доме Кохендорфа, в номере 25. (1) По этому адрессу ты мне и пиши поскорее; ибо очень желаю от тебя письма. На мне грусть страшная. Белинские доехали хорошо, и с самой пристани я еще не видался с ними. Зашел на другой день к Некрасову. Он живет в одной квартире с Панаевыми, и потому я виделся со всеми. Альманах идет; нужно спешить. Про лавку я не хотел спрашивать и не знаю; но верно тоже идет. Но вот известие: чтоб узнать адресс Некрасова, я зашел к Прокоповичу. Он мне объявил причину приезда Некрасова в Ревель - причину, которую он держал в тайне, по разным политическим видам, и не говорил даже и Прокоповичу; да тот догадался по разным данным. Приезжал он видеться с Масальским, чтобы купить у него "Сын отечества". Дело-то кажется пошло на лад, и к Новому году у нас может быть новый журнал.

Я тебе ничего не говорю о Гоголе, но вот тебе факт. В "Современнике" в следующем месяце будет напечатана статья Гоголя - его духовное завещание, в которой он отрекается от всех своих сочинений и признает их бесполезными и даже более. Говорит, что не возьмется во всю жизнь за перо, ибо дело его молиться. Соглашается со всеми отзывами своих противников. Приказывает напечатать свой портрет в огромнейшем количестве экземпляров и выручку за него определить на вспомоществование путешествующим в Иерусалим и проч. Вот. - Заклучай сам.

Был я и у Краевского. Он начал набирать "Прохарчина"; появится он в октябре. Я покамест о деньгах не говорил; он же ласкается и заигрывает. У других ни у кого не был еще. Языков открыл контору и выставил вывеску. На дворе страшный дождь и потому трудно выходить. Я еще живу у Трутовского, завтра же переезжаю на квартиру. Насчет шинели тоже никак нельзя было хлопотать за хлопотами и дождем. Хочу жить скромнейшим образом. Желаю и

тебе того же. Нужно дело делать помаленьку. Поживем и увидим. А теперь прощай. Я спешу. Много бы хотелось написать, да иногда лучше и не говорить. Пиши. Жду от тебя ответа в наискорейшем времени. Целуй детей. Кланяйся Эмилии Федоровне. Тоже поклонись и другим, кому следует. С следующей почтой напишу гораздо более. Это только уведомление. Прощай, желаю тебе всего лучшего, бесценный друг мой, - а главное покамест терпения и здоровья.

Твой брат Ф. Достоевский.

На обороте: Его благородию Михайле Михайловичу Достоевскому. В Ревель. В Инженерную команду. Г-ну инженер-прапорщику.

(1) далее: Только ты мне - затем две густо зачеркнутые строки, заканчивающиеся словами: уведомя их после.

63. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

17 сентября 1846. Петербург

17 сентября.

Любезный брат.

Посылаю тебе шинель. Извини, что поздно. Задержка была не с моей стороны, отыскивал моего человека и наконец-то нашел. Без него же купить не мог. Шинель имеет свои достоинства и свои неудобства. Достоинство то, что необыкновенно полна, точно двойная, и цвет хорош, самый форменный, серый; недостаток тот, что сукно только по 8 руб. ассигнациями. Лучше не было. Зато стоила только 82 руб. ассигнациями. Остальные деньги употреблены на посылку. Что делать: были сукна и по 12 руб. ассигнациями, но цвета светло-стального, отличного, но ты ими брезгаешь. Впрочем, не думаю, чтоб тебе не поправилась. Она еще немного длинна.

И не писал тебе до сих пор из-за шипели. Я уже тебе объявлял, что нанял квартиру. Мне не дурно; только средств в будущем почти не имею. Краевский дал 50 руб. серебром и по виду его можно судить, что больше не даст; мне нужно сильно перетерпеть.

"Прохарчин" страшно обезображен в известном месте. Эти господа известного места запретили даже слово чиновник и бог знает из-за чего; уж и так всё было слишком невинное, и вычеркнули его во всех местах. Всё живое исчезло. Остался только скелет того, что я читал тебе. Отступаюсь от своей повести.

Нового у нас ничего не слышно. Всё по-старому; ждут Белинского. М-не Белинская тебе кланяется. Все затеи, которые были, кажется, засели на месте; или их, может быть, держат в тайне - черт знает.

Я обедаю в складчине. У Бекетовых собралось шесть человек знакомых, в том числе я и Григорович. Каждый дает 15 коп. серебром в день, и мы имеем хороших чистых кушаний за обедом 2 и довольны. Следовательно, обед мне обходится не более как 16 руб.

Пишу к тебе наскоро. Ибо запоздал, и человек ждет с посылкой, чтобы нести на почту. У меня еще больше нескладицы, чем когда у тебя зубы болели. Очень боюсь, что шинель тебе поздно придется. Что делать? Я старался всеми силами.

Пишу всё "Сбритые бакенбарды". Так медленно дело идет. Боюсь опоздать. Я слышал от двух господ, именно от одного 2-го (1) Бекетова и Григоровича, что "Петербургский сборник" в провинции не иначе называется как "Бедными людьми". Остального и знать не хотят, хотя нарасхват берут его там, перекупают друг у друга, кому удалось достать, за огромную цену. А в

книжных лавках, н<a>пр<имер> в Пензе и в Киеве, он официально стоит 25 и 30 руб. ассигнац<иями>. Что за странный факт: здесь сел, а там достать нельзя.

Григорович написал удивительно хорошенькую повесть, стараниями моими и Майкова, который, между прочим, хочет писать обо мне большую статью к 1-му января, эта повесть будет помещена в "Отеч<ественные> записки", которые, между прочим, совсем обеднели. Там (2) нет ни одной повести в запасе.

У меня здесь ужаснейшая тоска. И работаешь хуже. Я у вас жил как в раю, и черт знает, давай мне хорошего, я непременно сам сделаю своим характером худшее. Желая Эмилии Федоровне удовольствий, а всего более здоровья, искренно желаю; я много об вас всех думаю. – Да, брат: деньги и обеспечение хорошая вещь. Целую племянников. Ну прощай. В следующем письме напишу более. А теперь, ради бога, не сердись на меня. Да будь здоров и не ешь так много говядины.

Адрес мой:

У Казанского собора, на углу Большой Мещанской и Соборной площади, в доме Кохендорфа, № 25.

Прощай.

Твой брат Ф. Достоевский.

Старайся есть как можно здоровее, и, пожалуйста, без грибков, горчиц и тому подобной дряни. Ради бога.

Т<вой> Д<остоевский>.

(1) над словом: одного

(2) было: У них

(3) было: в семье

64. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

7 октября 1846. Петербург

7 октября 1846.

Любезный брат.

Спешу (1) отвечать тебе на твое письмо и вместе с тем написать то, об чем хотел уведомить тебя и без твоего письма.

Прошлый раз писал я тебе, что собираюсь за границу. Книгопродавцы дают мне четыре тысячи ассигнац<иями> за всё. Некрасов давал было 1500 р. серебр<ом>. Но, кажется, у него денег на это не будет и он отступится. Если цена моя покажется низкою (судя по моим расходам), то я не возьму и сам издам свой томик, может быть даже к 15-му ноября. Оно же и лучше, ибо на глазах дело будет, не изуродуют издания, например, и, одним словом, будут свои выгоды. Потом к 1-му январю продам все экземпляры гуртом книгопродавцам. Может быть, выручу 4000, и хотя это то же самое, что дают книгопродавцы, но я буду в своем томе печатать не всё. Следовательно, если немного прибавить, то по возвращении из Италии выйдет 2-й том, и я приеду прямо на деньги.

Я еду не гулять, а лечиться. Петербург ад для меня. Так тяжело, так тяжело жить здесь! А здоровье мое, слышно, хуже. К тому же я страшно боюсь. Что-то скажет, наприм<ер>, октябрь, до сих пор дни ясные. – Я очень жду твоего письма; ибо желаю знать твое мнение. А покамест вот тебе следующее: помоги мне, брат, до 1-го декабря самое дальнее. Ибо до 1-го декабря я совершенно не знаю, где взять денег. То есть деньги-то будут, Краевский, н<a>прим<ер>, навязывает, но я взял уже у него 100 р.

серебр<ом> и теперь от него бегаю. Ибо что 50 целковых, то и лист печатный. А я в Италии, на досуге, на свободе хочу писать роман для себя и быть в возможности накинуть наконец цену. А система всегдашнего долга, которую так распространяет Краевский, есть система моего рабства и зависимости литературной. Итак, дай же мне средства, если можешь. Уезжая за границу, я тебе писал уж, что отдам 100 руб. серебр<ом>; но если мне пришлешь теперь 50 р. серебр<ом>, то отдам и их, всё будет обделано к 1-му январю. Рассчитайся, если можешь ссудить меня до 1-го января, то дай. На меня же в отношении отдачи надейся как на каменную гору. Пишу последнее собственно для того, чтоб тебе яснее было можно рассчитать. Деньги эти мне нужны на шинель. Платья себе я уже не шью, занятый весь моею системою литературной эманципации, а оно, то есть платье, уже неприличное. Шинель же нужна. На нее употреблю с воротником 120, а на остальные хочу кое-как пробиться до напечатки. Вызвался хлопотать за меня сам Краевский. Печатают же по его рекомендации Ратьков и Кувшинников. Я уже с ними говорил. Давали же они 4000 за рукопись. К 1-му января намерен еще настроичить какую-нибудь мелочь Краевскому и потом удеру от всех. Чтобы мне подняться в Италию, нужно заплатить разных долгов (тут же и тебе) всего 1600 руб. ассиг<нациями>. Следовательно, останется разве 2400 асс<игнациями>. Я обо всем расспрашивал: проезд стоит 500 (крайнее). Да в Вене я сделаю платья и белья на 300 руб., там дешево, всего 800; останется, стало быть, 1600. Я проживу восемь месяцев. Пришлю в "Современник" 1-ю часть романа, получу 1 200 и из Рима на 2 месяца съезжу в Париж и обратно. Приехав, издам тотчас же 2-ю часть, а роман буду писать до осени 1848 года и тут издам 3 или 4 части его. Первая же, пролог, будет напечатана уже в "Совр<еменнике>" в виде пролога. И сюжет (2) и мысль у меня в голове. Я теперь почти в паническом страхе за здоровье. Сердцебиение у меня ужасное, как в 1-е время болезни. "Современник" издает Некрасов и Панаев 1-го января. Критик Белинский. Подымаются разные журналы и черт знает что еще. Но я бегу от всего затем, что хочу быть здоровым, чтобы написать что-нибудь здоровое. Лавка падает у Некрасова. Но Языков и комп<ания> процветают. У него тоже коммиссионерство и книгами. Я уже с ним говорил для сдачи ему экземпляров для хозяйственного командова<ния> ими. Кланяйся всем. Эмилии Федоровне особенно. Детям тоже и, ради бога, отвечай мне по первой почте. Жду твоего письма. Напиши скорее; ибо если не пришлешь денег, то по крайней мере скажи, что нет (за что, ей-богу, не буду претендовать), чтоб мне можно было хлопотать в другом месте. Твой весь Ф. Достоевский. Я тебе буду теперь писать письма очень часто. Мы, брат, долго теперь не увидимся. Но по приезде из-за границы прямо заеду к тебе, где бы ты ни был. К 20 октября, время окончания сырого материала, то есть "Сбритых бакенбард", мое положение означится наияснейшим образом, ибо уже с 15-го октября начнется печатание с "Бедных людей".

(1) далее было начато: написа<ть>
(2) далее было: и пролог

65. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
17 октября 1846. Петербург

17 октяб<ря> 46.

Спешу тебя уведомить, л<юбезный> б<рат>, что я твои деньги получил, за что несказанно благодарен, ибо не чувствую более холода и других неприятностей. Спешу тоже сказать тебе, что все мои надежды и расчеты отлагаются, кажется, до более удобного времени. По крайней мере теперь сам еще не много знаю. Предлагаются всё такие условия, каких и принять нельзя; то деньги маленькие, то деньги порядочные, но не все, а ждать нужно. Разумеется, если продавать, то я могу исполнить это только на наличные деньги. Наконец, советуют мне подождать. Оно и худо и хорошо. Худо за здоровье. Хорошо то, что если выждать, так можно получить более значительную сумму. Издавать же в последнем случае никак не предстоит к рождеству. Ибо нужно жить чем-нибудь; следовательно, нужно продавать повести в журналы; и потом нужно будет выжидать; и потому издание может разве состояться к 1-му мая. К тому же нужно будет потрудиться всё пообделать; и издать 2 тома толстых и не за 2 <руб.> 50 к., как я предполагал; а уже за 3 и, может быть, более. Итак, может быть, увидимся летом еще раз, и разве осенью осуществится поездка, при больших деньгах. Меня всё это так расстраивает, брат, что я как одурелый. Эк сколько труда и тягости разной нужно перенести сначала, чтоб устроить себя. Здоровье свое, напри<м>, нужно пускать на авось, а обеспечение черт знает еще будет когда. Я тебе пишу письмо маленькое; ибо сам наверно не знаю ничего. Я, впрочем, не совсем унываю. Как-то ты живешь? Пишешь, что ожидаешь нового гостя в семейство. Дай бог, чтоб это всё обошлось хорошо. Кабы и у тебя тоже поправлялись обстоятельства. Я, брат, не перестану думать о своих целях. Наша ассоциация может осуществиться. Я всё мечтаю. Мне, брат, нужно решительно иметь полный успех, без того ничего не будет, и я буду только существовать с горем пополам. Всё же это зависит не от меня, а от сил моих.

"Сбрит<ые> баке<нбарды>" еще не совсем кончены. "Прохарчина" очень хвалят. Мне рассказывали много суждений. Белинский еще не приехал. Господа в "Современнике" всё таятся. Так что я еще придерживаюсь с "Сбрит<ыми> бакенбард<ами>" и не обещал. Может быть, будут у Краевского. Впрочем, я еще не знаю, как устроюсь и с этим. Буду пользоваться обстоятельствами и пушу повесть в драку, кто больше. Стащу-то я денег уж наверно порядочно. Но если случится издавать отдельно, так что дадут известную сумму вперед, то я не отдам в журналы.

Брат Андрей тебе кланяется. Белинские тоже, и тебе и Эмилии Федоровне. Я у них бываю. Вот играют-то на авось! Целую детей, я об них часто вспоминаю. Если продам хорошо повесть, то непременно пришлю им к рождеству конфеты и разных сладостей. Свидетельствую всю мою преданность Эмилии Федоровне. Потерпим, брат, авось разбогатеем. Нужно работать. Но, ради бога, храни здоровье. И я бы тебе советовал и просил - не работай много. Что к черту! Пожалуйста, береги себя. И главное, ешь здоровее пищу. Меньше кофию и мяса. Это яд. Прощай, брат. Скоро еще напишу. Такие потемки.

Ф. Достоевский.

У нас октябрь сухой, ясный и холодный. Болезней мало. Не забывай меня и пиши. Кланяйся Форштадским, Рейнгардту и прочим.

66. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ
18 октября 1846. Петербург

Любезный брат Андрей.

Я уже давно приехал из Ревеля, и каждую субботу задерживали меня иные обстоятельства тебя уведомить. Извини. Приходи завтра повидаться со мной около 10 часов утра. Живу я напротив Казанского собора, на углу Соборной площади и Большой Мещанской, в доме Кохендорфа, в номере 25-м, в квартире m-me Candeville.

А теперь до свидания.

Твой брат Ф. Достоевский.

На обороте: Его благородию Андрею Михайловичу Достоевскому.

На Обуховском проспекте за Обуховским мостом, в Строительном училище, воспитаннику.

67. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

20-е числа октября 1846. Петербург

Любезный брат!

Хочу тебе написать слова два, но не более, ибо хлопочу и бьюсь об лед как рыба. Дело в том, что все мои планы рухнули и уничтожились сами собою.

Издание не состоится. Ибо не состоялось ни одной из тех повестей, о которых я тебе говорил. Я не пишу и "Сбритых бакенбард". Я всё бросил: ибо всё это есть не что иное, как повторение старого, давно уже мною сказанного. Теперь более оригинальные, живые и светлые мысли просятся из меня на бумагу. Когда я дописал "Сбр<итые> бак<енбарды"> до конца, всё это представилось мне само собою. В моем положении однообразие гибель.

Я пишу другую повесть, и работа идет, как некогда в "Бедных людях", свежо, легко и успешно. Назначаю ее Краевскому. Пусть господа "Современника" сердятся, это ничего. Между тем написав повесть к январю, перестану печатать (1) совсем до самого будущего года, а пишу роман, который уж и теперь не дает мне покоя.

Но чтоб жить, я решаюсь издать "Бедных людей" и обделанного "Двойника" отдельными книжками. Я не ставлю, например, на них 1-я часть, 2-я часть, это просто будет "Бедные люди" отдельно и "Двойник" тоже - вся деятельность моя за год. Так же точно надеюсь я поступить и относительно будущего романа.

И наконец, разве года через 2 приступлю к полному изданию и тем чрезвычайно выиграю, ибо возьму деньги два раза и сделаю себе известность.

"Бедные люди" начинаю печатать завтра или послезавтра. Сделаю это через Ратькова, он обещает. И теперь только клянусь судьбу, что нет у меня 700 руб. ассигнац<иями>, чтоб издать на свой счет. Издавать на свой счет это всё. На чужой - это значит на страх, можно погибнуть. Книгопродавцы подлецы. Бездна есть у них уловок, которых не знаю я и которыми можно облапошить. Но самая варварская вещь у них следующая: напечатает он издание на свой счет и получит за это от меня 350 или 400 экземпляров (цена, окупающая ему издержки), проценту берет он 40 на 100, то есть 40 к. сереб<ром> с экземпляра (я пушу по рублю). Это за оборот его капитала и за страх. У него в руках, положим, 300 экземп<ляров>. Он уж их и продает. Я же не имею права продать ни одного экземпляра до тех пор, пока он всё свое не продаст, ибо его подрываю. Он продаст всё и скажет мне, что публика не требует более и что у него нейдут. Поверить его невозможно. Это значит рассориться с ним. Это делается только в крайних случаях. У меня экземпляры лежат. Мне нужны деньги. Он покупает наконец у меня, проморив меня, сотни две экз<емпляров> за половинную (2) цену.

Наконец, есть такие каналы, которые задерживают иногородние требования и не дают требующей даже в Петербурге публике. Теперь: издай я сам, я вдруг продаю всем книгопродавцам в Петербурге, на чистые. Процент берется законный. Они дают каждый больше, подрывая друг друга, если книга идет, и наконец в конторе Языкова учреждается главная складка.

Слушай, брат: требую от тебя немедленного ответа и вот что предлагаю. Если только у тебя есть деньги, 200 руб. серебром (нужно более, но можно войти в маленький долг), то не хочешь ли спекуляцию? Если ты копишь, то деньги у тебя пролежат даром. Я же тебе предлагаю, дай мне денег на издание. К 15-му ноября можно уже напечатать. До 1-го января окупится издание. Я тебе присылаю деньги твои 200 руб. серебром тотчас же. Потом со всего остального барыша тебе 1/4 долю. Издание окупится 350 экземплярами. (3) Останется 850 по 75 к. серебром = 635 р. ассигнациями. Книгопродавцу я дам же этот барыш. Но я бы лучше желал взять тебя в долю. Мои деньги бы не пропали. Потом, если бы пошло успехом, мы бы издали "Двойника". Наконец, во всяком случае твои деньги воротятся к тебе до января месяца. Свидетельствуюсь честным словом моим, что я не вовлеку тебя в ложное положение. Наконец, я ожидаю успеха. Хотя и медленного. Всё издание разоидется разве в год. Вот пример: "Пан Холявский" Основьяненко был напечатан в "Отечественных записках" 3 года назад. Потом издан отдельно и теперь уже хотят делать 3-е издание. Если хочешь, брат, то отвечай мне немедленно и деньгами. Я же поправлю в это время кое-что, буду в цензуре и уговорюсь в типографии. Если пришлешь и у тебя нет столько, то пришли на 1-й раз хоть 120 р. серебром не менее для задатка, и потом непременно к 15 ноября остальные 80 р. серебром.

Наконец, если ты не можешь всего этого сделать, то ты меня не стеснишь по крайней мере во времени. Я обращусь к книгопродавцам, и мы издадим уже потом "Двойника".

Отбрось в этом деле всю братскую любовь, деликатность и проч. разности. Смотри на дело как на спекуляцию. Из желания мне добра не обкради себя сам, хотя даже и не на большое время. У тебя рождается новое дитя. Прощай, целуй всех. Кланяйся кому нужно. Мне всё нездоровится. Но ведь ты меня знаешь.

Твой Достоевский.

Прощай, любезный брат. Ожидаю ответа немедленного. Ради бога, не ставь себя сам в ложное положение, то есть если бы ты, например, давал свои последние. Тогда лучше не нужно. Я ведь только предлагаю. Но если ты богат и согласен, то высылай деньги с 1-ою почтою, н<а>прим<ер> ко 2-му или 3-му числу.

Ну, слушай же. Я тебе написал всё и последний раз говорю: если есть деньги, не бойся и соглашайся. Нет или мало, то, ради бога, не вступай в долю. Отвечай сейчас.

Кланяйся Эмили Федоровне. Желая вам всем счастья, друзья мои. Гоголь умер во Флоренции 2 месяца назад.

(1) было: писать

(2) было начато: за ум<еренную>

(3) в подлиннике ошибочно: экземпляров

26 ноября 1846 г.

Ну как ты мог, драгоценнейший друг мой, писать, будто бы я на тебя рассердился за неприсылку денег и потому молчу. Как могла такая идея прийти тебе в голову? И чем, наконец, я мог подать тебе повод так думать обо мне? Если ты меня любишь, то сделай одолжение, откажись впредь навсегда от подобных идей. Постараемся, чтоб между нами было всё прямо и просто. Я вслух и прямо скажу тебе, что я тебе уж и так много обязан и что было бы смешным и подлым свинством с моей стороны не сознаться в этом. Теперь об этом довольно. Буду писать лучше о моих обстоятельствах и постараюсь обо всем тебя пояснее уведомить.

Во-первых, все мои издания лопнули и не состоялись. Не стоило, брало много времени и рано было. Публика, может быть, не подалась бы. Издание я сделаю к будущей осени. Со мной к тому времени публика более ознакомится, и положение мое будет яснее. К тому же я ожидаю нескольких авансов.

"Двойник" уже иллюстрирован одним московским художником. "Бедные люди" иллюстрируются здесь в двух местах - кто сделает лучше. Бернадский говорит, что не прочь начать со мной переговоры в феврале месяце и дать мне известную толику денег на право издать в иллюстрации. До того времени он возится с "Мертвыми душами". Одним словом, до времени я к изданию стал равнодушен. К тому же и некогда возиться с этим. Работы и заказов у меня бездна. - Скажу тебе, что я имел неприятность окончательно поссориться с "Современником" в лице Некрасова. Он, досадуя на то, что я все-таки даю повести Краевскому, которому я должен, и что я не хотел публично объявить, что не принадлежу к "Отечественным" запискам", отчаявшись получить от меня в скором времени повесть, наделал мне грубостей и неосторожно потребовал денег. Я его поймал на слове и обещал заемным письмом выдать ему сумму к 15-му декабря. Мне хочется, чтобы сами пришли ко мне. Это всё подлецы и завистники. Когда я разругал Некрасова в пух, он только что семенил и отделялся, как жид, у которого крадут деньги. Одним словом, грязная история. Теперь они выпускают, что я заражен самолюбием, возмечтал о себе и передаю Краевскому затем, что Майков хвалит меня. Некрасов же меня собирается ругать. Что же касается до Белинского, то это такой слабый человек, что даже в литературных мнениях у него пять пятниц на неделе. Только с ним я сохранил прежние добрые отношения. Он человек благородный. Между тем Краевский, обрадовавшись случаю, дал мне денег и обещал сверх того уплатить за меня все долги к 15 декабря. За это я работаю ему до весны. - Видишь ли, что, брат: из всего этого я извлек премудрое правило. 1-е убыточное дело для начинающего таланта - это дружба с проприетерами изданий, из которой необходимым следствием исходит кумовство и потом разные сальности. Потом независимость положения, и наконец, работа для Святого Искусства, работа святая, чистая, в простоте сердца, которое еще никогда так не дрожало и не двигалось у меня, как теперь перед всеми новыми образами, которые создаются (1) в душе моей. Брат, я возрождаюсь, не только нравственно, но и физически. Никогда не было во мне столько обилия и ясности, столько ровности в характере, столько здоровья физического. Я много обязан в этом деле моим добрым друзьям Бекетовым, Залюбецкому и другим, с которыми я живу; это люди дельные, умные, с превосходным сердцем, с благородством, с характером. Они меня вылечили своим обществом. Наконец, я предложил жить вместе. Нашлась квартира большая, и все издержки, по всем частям хозяйства, всё не превышает 1200 руб. ассигнациями с человека в год. Так велики благодеяния ассоциации! (2) У меня своя комната, и я работаю по целым дням. Адрес мой новый, куда прошу адресовать ко мне: На

Васильевском острове в 1-й линии у Большого проспекта, в доме Солошича. № 26, против Лютеранской церкви.

Поздравляю, милейший мой друг, с 3-м племянником. Желая всех благ и ему и Эмилии Федоровне. Я вас всех теперь втрое больше люблю. (3) Но не сердись на меня, бесценный мой, что пишу не письмо, а какой-то клочок исписанный: времени нет, меня ждут. Но зато в пятницу еще раз буду писать. Считай же это письмо недоконченным.

Твой друг Ф. Достоевский.

(1) было: движутся

(2) было начато: цивилизации>

(3) далее было начато: чем

69. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

17 декабря 1846. Петербург

С.-Петербург, 17 декабря 46 г.

Что это с тобою случилось, любезный брат, что ты совершенно замолк? С каждой почтой жду чего-нибудь от тебя и ни слова. Я в беспокойстве, часто думаю о тебе, о том, что ты хвораешь иногда, и боюсь делать заключения. Ради бога, напиши мне хоть две строчки. Пожалуйста, напиши и успокой меня. Ты, может быть, всё выжидал продолжения моего недавнего послания. Но на меня не сердись, что я так неточно исполняю слово мое. Я теперь завален работою и к 5-му числу геваря обязался поставить Краевскому 1-ю часть романа "Неточка Незванова", о публикации которой ты уже, верно, прочел в "Отечеств<енных> записках". Это письмо пишу я урывками, ибо пишу день и ночь, разве от семи часов вечера, для развлечения, хожу в Итальянскую оперу в галерею слушать наших несравненных певцов. Здоровье мое хорошо, так что об нем уж и нечего писать более. Пишу я с рвением. Мне всё кажется, что я завел процесс со всею нашей литературою, журналами и критиками и тремя частями романа моего в "Отечеств<енных> записках" и устанавливаю и за этот год мое первенство назло недоброжелателям моим. Краевский повесил нос. Он почти погибает. "Современник" же выступает блистательно. У них уже завязалась перестрелка.

Итак, брат, я не поеду за границу ни нынешнюю зиму, ни лето, а приеду опять к вам, в Ревель. Я сам с нетерпением жду лета. Летом буду переделывать старое и подготавливать к осени издание, а там что будет. Что, здоровы ли все у тебя, брат? Не больна ли уж Эмилия Федоровна? На это письмо я немедленно требую ответа. (1) Я живу, как я уже писал тебе, брат, с Бекетовыми на Васильевском острове; не скучно, хорошо и экономно. Бываю у Белинского. Он всё хворает, но с надеждами. М-те Белинская родила.

Я плачу все долги мои, посредством Краевского. Вся задача моя заработать ему всё в зиму и быть ни копейки не должным на лето. Когда-то я выйду из долгов. Беда работать поденщиком! Погубишь всё, и талант и юность и надежду, омерзает работа и сделаешься наконец пачкуном, а не писателем. Прощай, брат. Ты меня оторвал от моей самой любопытной страницы в романе, а дел еще куча впереди. Ах, милый мой, кабы тебе удалось. Мне всё хочется с тобою свидеться поскорее, да и свидеться-то хочется, установив и разрешив мое положение. Я связал себя по рукам и по ногам моими антрепренерами. А между тем со стороны делают блистательные предложения. "Современник", который в лице Некрасова меня хочет ругать, дает мне за лист 60 р. серебром, что равняется 300 р. в "Отеч<ественных> записк<ах>",

"Библиотека для чтения" – 250 р. ассиг<нациями> за свой лист и т. д., и я ничего не могу туда: всё взял Краевский за свои 50 р. сереб<ом>, дав денег вперед. Кстати: Григорович написал физиологию "Деревня" в "Отеч<ественных> записках", которая здесь делает фурор. Ну, прощай, любезный брат. Кланяйся Эмилии Федоровне, Феденьке, Машеньке и Мише. Забыли ль дети меня или нет? Кланяйся Рейнгарту и другим. Ходит ли к вам Анна Ивановна? Всем старым знакомым тоже поклон. Твой всегда Ф. Достоевский.

Адрес мой:

На Васильевском острове в 1-й линии по Большому проспекту, в доме Солошича, в № 26, в квартире Бекетова.

Теперь, брат, вот что: приезжай этот год на масленицу в Петербург. Хоть на две недели. Но приезжай непременно. Квартира и стол тебе не будут ничего стоить. Чай, сахар и всё содержание тоже. Карманного ты почти ничего не истратишь. Вся поездка обойдется в пустяки. А? Как ты думаешь. Подумай об этом. Что тебе? Я бы был так рад тебя видеть. Да и тебе-то было б приятно пожить в Петербурге. Тебе даже не нужно совсем денег брать, чтобы ехать сюда. Я тебе должен и заплачу за всё. Денег достанем. Ради бога, приезжай, брат. Ты сидень. Неужели ты хочешь дойти до того, что тебя из Ревеля будут клещами вытаскивать. Приезжай, кроме шуток, на масленице.

Твой Д<остоевский>.

(1) далее было: брат

(2) далее было: ничего

1847

70. А. У. ПОРЕЦКОМУ

Январь 1847. Петербург

Любезнейший Александр Юстинович, ложа есть, литерная, в пятом ярусе левой стороны, лит<ера> М.

Когда записка Штрандмана пришла, я был у Майковых; там сообщили мне вторую. Записали ложу и обещались Вас известить; вот почему я с своей стороны не предупредил Вашего посланного.

А будут ли букеты?

Ваш весь Ф. Достоевский.

NB. Борзи очень нездорова, в лихорадке, во дворце миропомазание или что-то вроде этого. Посему царская фамилия может не быть в театре. А если не будет, то в дирекции, кажется, принята мера отложить бенефис. Прочтите завтра афишку.

До свидания.

Д<остоевский>.

На обороте: Его высокоблагородию Александру Юстиновичу Порецкому.

71. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Январь – февраль 1847. Петербург

Любезный брат. Опять прошу твоего отпущения за то, что не исполнил слова и не написал с следующей почтой. Но такая тоска находила на меня всё это время, что невозможно было писать. Думал я о тебе очень много и мучительно. Тяжела судьба твоя, милый брат! С твоим здоровьем, с твоими мыслями, без людей кругом, с скукой вместо праздника, и с семейством, о котором хоть и свята и сладка забота, но тяжело бремя – жизнь невыносима. Но не унывай духом, брат. Просветлеет время. Видишь ли, чем больше в нас самих духа и внутреннего содержания, тем краше наш угол и жизнь. Конечно, страшен диссонанс, страшно неравновесие, которое представляет (1) нам общество. Вне должно быть уравновешено с внутренним. Иначе, с отсутствием внешних явлений, внутреннее возьмет слишком опасный верх. Нервы и фантазия займут очень много места в существе. Всякое внешнее явление с непривычки кажется колоссальным и пугает как-то. Начинаешь бояться жизни. Счастлив ты, что природа обильно наделила тебя любовью и сильным характером. В тебе есть еще крепкий здравый смысл и блестящие бриллиантового юмора и веселости. Всё это еще спасает тебя. Я много думаю о тебе. Но боже, как много отвратительных подло-ограниченных седебородых мудрецов, знатоков, фарисеев жизни, гордящихся опытностью, то есть своею безличностью (ибо все в одну мерку стачаны), негодных, которые вечно проповедуют довольство судьбой, веру во что-то, ограничение в жизни и довольство своим местом, не вникнув в сущность слов этих, – довольство, похожее на монастырское истязание и ограничение, и с неистощимо мелкою злостью осуждающих сильную, горячую душу не выносящего их пошлого, дневного расписания и календаря жизненного. Подлецы они с их водевильным земным счастьем. Подлецы они! Встречаются иногда и бесят мучительно. Вот сейчас меня прервал своим остроумно-светским визитом несносный болтун Свиридов. Он, брат, кажется самый назойливый дурак. Привез вопрос из аналитики и привез-то какие-то дряннейшие, старые разрозненные листы, из которых, кажется, ничего нельзя сделать. Просит меня похлопотать у Бекетова о поправке этих листов. Смешной человек. Сам в них ничего не разбирает и хочет, чтобы другие что-нибудь сделали. Я как-нибудь похлопочу о твоём ответе. Поеду по всем, у кого есть записки. Но время уходит. Хотел тебе написать многое. Как досадно, что всё перебито. И потому ограничусь самым последним – напишу кое-что о себе. Я, брат, работаю; не хочу ничего выдавать раньше, чем кончу. (2) Денег между тем нет, и если б не было добрых людей, я бы погиб. Разложение моей славы в журналах доставляет мне более выгоды, чем невыгоды. Тем скорее схватятся за новое мои поклонники, которые, кажется, очень многочисленны и отстают меня. Я живу очень бедно и всего, с того времени, как я тебя оставил, прожил 250 руб. сереб<ром>, до 300 р. сереб<ром> употребил на долги. Меня сильнее всех подрезал Некрасов, которому я отдал его 150 руб. сереб<ром>, не желая с ним связываться. К весне сделаю у Краевского большой заем и пришлю тебе 400 руб. непременно. Это как бог свят; ибо мысль о тебе мучает меня более, чем всё. В Гельсингфорс же вряд ли приеду рано. Ибо, может быть, буду лечиться окончательно по методу Присница холодной водой. И потому приеду разве в июле. Впрочем, ничего еще не знаю, мой милый. Мое будущее впереди. Но хоть гром трещи надо мной, я теперь не подвинусь, я знаю всё, что могу сделать, работы своей не испорчу и поправлю свои обстоятельства денежными успешным ходом книги, которую издам осенью. Проклятый Спиридов. (3) Уже почти два часа. Вообрази: я всеми силами давал ему заметить, что у меня нет времени. Он всё сидел и болтал о том, как он вопрос твой составлял, давал знать, как важно (4) тебе его в этом помощничество, как он на Кавказ поедет и

напишет о тамошней флоре такое сочинение, какого и не бывало. Черт с ним, шут! Право, с иными людьми поговоришь и точно выйдешь из какой-нибудь канцелярии. Он меня оторвал от тебя, мой возлюбл<енный>. Береги себя, брат. Особенно здоровье. Развлекайся и пожелай мне скорее кончить работу. За ней сейчас последуют деньги, и я у тебя. Лечение у Присница в моем воображении. Может быть, доктора и отсоветуют мне. Как бы я желал тебя видеть. Иногда меня мучает такая тоска. Мне вспоминается иногда, как я был угловат и тяжел у вас в Ревеле. Я был болен, брат. Я вспоминаю, как ты раз сказал мне, что мое обхождение с тобою исключает взаимное равенство. Возлюбленный мой. Это совершенно было несправедливо. Но у меня такой скверный, отталкивающий характер. Я тебя всегда ценил выше и лучше себя. Я за тебя и за твоих готов жизнь отдать, но иногда, когда сердце мое плавает в любви, не добьешься от меня ласкового слова. Мои нервы не повинуются мне в эти минуты. Я смешон и гадок, и вечно поспе страдаю от несправедливого заключения обо мне. Говорят, что я черств и без сердца. Сколько раз я грубил Эмилии Федоровне, благороднейшей женщине, в 1000 раз лучше меня. Помню, как иногда я нарочно злился на Федю, которого любил в то же самое время даже больше тебя. Я тогда только могу показать, что я человек с сердцем и любовью, когда самая внешность обстоятельства, случая вырвет меня насильно из обыденной пошлости. До того времени я гадок. Неравенство это я приписываю болезни. Читал ли ты "Лукрецию Флориани", посмотри Кароля. Но скоро ты прочтешь "Неточку Незванову". Это будет исповедь, как Голядкин, хотя в другом тоне и роде. О Голядкине я слышу исподтишка (и от многих) такие слухи, что ужас. Иные прямо говорят, что это произведение чудо и не понято. Что ему страшная роль в будущем, что если б (5) я написал одного Голядкина, то довольно с меня, и что для иных оно интереснее дюмазовского интереса. Но вот самолюбие мое расхлесталось. Но, брат! Как приятно быть понятым. Брат, за что ты так любишь меня! - Постараюсь тебя обнять поскорее. Будем любить друг друга горячо. Пожелай мне успеха. Я пишу мою "Хозяйку". Уже выходит лучше "Бедных людей". Это в том же роде. Пером моим водит родник вдохновения, выбивающийся прямо из души. Не так, как в "Прохарчине", которым я страдал всё лето. Как бы мне хотелось помочь тебе, брат, поскорее. Но надейся, брат, на те деньги, которые я обещал тебе, как на стену, как на гору. Целуй всех твоих. А покамест сам

Твой Достоевский.

Сойдемся ли мы, брат, когда-нибудь вместе в Петербурге? Что бы ты сказал о статской службе с приличным жалованием?

Не знаю, что родила м-те Белинская. Слышал, что кричит за две комнаты ребенок, а спросить как-то совестно и странно.

(1) было: дает

(2) было: не кончу

(3) так в тексте; ранее было: Свиридов.

(4) далее было: все

(5) далее было: ему

72. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Апрель 1847. Петербург

Любезный брат,

Напишу тебе две строчки, ибо занят. Не знаю, где застанет тебя письмо мое. Всеми силами постараюсь так окончить свои дела, чтобы хоть даже в

сентябре побывать к тебе на неделю. Что же касается до денег, то я немножко ошибся в расчете. Мне придется писать едва ли и два фельетона в неделю, то есть уже не более как 250-300 руб. ассигнац<иями>. И так как я должен уплачивать Майковым, которым я очень много задолжал (хотя они и не спрашивают), и за квартиру, то уж я и не знаю, сколько я тебе буду присылать; но буду присылать. Я, брат, в таком положении, что если отдам тебе до 1 октября только 100 руб. серебр<ом>, то почту себя счастливейшим человеком. Но с 1-го октября или сентября* дела переменятся. Я возьму у Краевского после окончания романа 1000 руб. серебр<ом> вперед и не иначе как на неопределенный срок. Так как "Современник" идет и с ожесточением переманивает к себе сотрудников "Отечественных> записок", то он, Андр<ей> Алексан<дрович> Краев<ский>, сильно трусит. Он будет согласен на всё. К тому же счастье его и мое, что роман мой печатается в конце года. Он завершит год, пойдет во время подписки и, главное, будет, если не ошибаюсь теперь, капитальною вещь в году и утрет нос друзьям "Современникам", которые решительно стараются похоронить меня. Но к черту их. Тогда, получа 1000 руб. серебр<ом>, я приеду к тебе (1) с деньгами и с окончательным решением насчет тебя. Ты можешь приехать в Петербург хоть один, взяв отпуск на 28 дней, получить место и - или продолжать службу в инженерах, или навек оставить ее.

Адрес мой:

На углу Малой Морской и Вознесенского проспекта, в доме Шила, в квартире Бреммера, спросить Ф. Достоевского.

Насчет перевода не знаю, буду хлопотать всё лето, искать его. У нас был в Петербурге (он теперь за границей) один дурак Фурманн, тот получает до 20000 р. в год одними переводами! Если б у тебя был хоть один год обеспеченный, то ты бы непременно пошел. Ты молод; можно бы даже сделать литерат<урную> карьеру. Теперь все ее делают. Лет через десять можно бы и забыть о переводах.

Я пишу очень прилежно, авось кончу. Тогда мы увидимся ранее. Что говорит Эмилия Федоровна? Я ей нижайше кланяюсь, детям тоже. Прощай, брат. У меня маленькая лихорадка. Я вчера простудился, выйдя ночью без сюртука в одном пальто, а по Неве шел лед. У нас холодно, как в ноябре. Но уже я раз до шести простуживался, - вздор! Вообще здоровье мое очень поправилось.

Прощай, брат. Пожелай мне успеха. После романа я приступлю к изданию моих 3-х романов ("Бед<ных> лю<дей>", "Дв<ойника>", перед<еланного> и последнего) на свой счет, и тогда, авось, прояснится судьба.

Дай бог тебе счастья, мой милый.

Тв<ой> Ф. Достоевский.

Ты не поверишь. Вот уже третий год литературного моего поприща я как в чаду. Не вижу жизни, некогда опомниться; наука уходит за невремяем. Хочется установиться. Сделали они мне известность сомнительную, и я не знаю, до которых пор пойдет этот ад. Тут бедность, срочная работа, - кабы покой!!

Мой всенижайший поклон Николаю Ивановичу Рейнгардту, Бергманам.

* Тогда-то я и приеду к тебе, с последними пароходами

(1) далее было: уже

73. А. В. СТАРЧЕВСКОМУ

Апрель - первая половина мая 1847. Петербург

За той формой, которая Вам посылается, просидел я не отрываясь пять часов. Статью о иезуитах следовало бы всю переписать. Трудность и мешкотность в том, что приходится чинить фразу, а не переделывать вовсе; да тут же нужно соблюдать выгоду типографии и не вымарать всего. Поправишь, да еще не щегольски поправишь, а просидишь четверть часа над двумя строчками. Билетики же можно будет зачеркивать как угодно. Остальные 2 формы принесу сам, сижу не отрываясь, у меня всего оставшихся 10 форм. За 3-мя формами приходится сидеть в день часов 12.
Ф. Достоевский.

74. А. В. СТАРЧЕВСКОМУ
Апрель - июнь 1847. Петербург

Милостивый государь Альберт Викентиевич.
Мне ни разу не говорили о Вашем посланном, и я сам с нетерпением ждал его. Посылаю Вам Ваши листы; они не просмотрены. Я нездоров приливами крови в голову и заниматься решительно не могу по приказанию доктора. Когда буду в состоянии работать, - заработаю. Если же работы для меня не будет, то отдам данное мне Вами вперед деньгами тотчас же по выходе Словаря. За сим пребываю
Ваш весь Ф. Достоевский.
На обороте: Его высокоблагородию Альберту Викентьевичу Старчевскому. На углу Офицерской и Фонарного переулка, дом Шпигеля.

75. Н.А. НЕКРАСОВУ
Конец августа - начало сентября 1847. Петербург

Милостив<ый> государь Николай Алексеевич.
Конечно, те условия, которые Вам угодно было предложить мне в последнее свидание наше у Майкова, весьма выгодны. Но в настоящую минуту я нахожусь в таком затруднительном положении, что деньги, Вами обещанные, не принесут мне ровно никакой пользы, а только протянут мою безвыходность напрасно. Вам, может быть, отчасти известны мои обстоятельства. Мне нужно 150 руб. сереб<ром>, чтобы хоть немного стать на ноги. И потому, Николай Алексеевич, если этих денег разом Вы дать не пожелаете, то, к величайшему моему сожалению, доставить Вам повесть мне будет невозможно. Ибо я не буду иметь материальных средств написать ее. Если же Вы согласитесь дать такую сумму вперед, то во-1-х, срок, к которому Вы получите повесть, будет 1 января 1848 г., не раньше. Вам, вероятно, самому приятнее будет, чтобы я сказал Вам не около, а наверно. Итак, наверно, к 1-му января 1848 г., и, во-2-х, я попрошу Вас выдать мне деньги таким образом: 100 руб. сереб<ром> 2-го числа октября 1847 г. и 50 р. сереб<ром> теперь же, то есть с моим посланным.
Извините, Николай Алексеевич, что я переговариваюсь через письмо, а не лично, - как было бы нам удобнее. Я всё хотел прийти к Вам, уже совершенно кончив настоящие мои занятия. Но теперь, в настоящую минуту, я нахожусь в таком отвратительном положении, что решил начать дело сейчас, об чем пишу Вам откровенно.
Выходить же не могу; ибо утром простудился и теперь, кажется, придется дня четыре сидеть дома.

Ваш весь Ф. Достоевский.

P. S. Во всяком случае, покорнейше Вас прошу дать ответ с моим посланным, ибо после он будет не нужен.

В<аш> Д<остоевский>.

На обороте: Его высокоблагородию Николаю Алексеевичу Некрасову.

76. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

9 сентября 1847. Петербург

9 сентября 1847.

Спешу отвечать на твое письмо, брат. Ну уж как хочешь с семейством, как сам лучше рассчитываешь, но ты, относительно себя самого, уж ни за что не изменяй своей диспозиции. Ты боишься, что тебе не дадут отсрочки; но разве ты не можешь взять отпуска на 2, на 3 месяца? А если не можешь, то справься у окружного командира и просто попроси его, чтобы задержки в отсрочке не было. Ведь это если захотят прижать; но, я думаю, прижимать выходящего в отставку не будут. Только ты все-таки приезжай. Ты пишешь, что приедешь к 1-му октября; но в таком случае ты только 2-го сентября подашь в отпуск, (1) следовательно, срок ему в 1/2 ноября, а в половине ноября может выйти твоя отставка.

Ты говоришь, что покачивают головами; а я тебе говорю - не приходи в расстройство от этого. Пишешь, что и у меня первый блин комом. Но ведь это только теперь; погоди, брат, поправимся. А у нас ассоциация. Невозможно, чтоб мы оба не выбились на дорогу; вздор! Вспомни, какие люди покачивают головами! Свое, что теперь получаешь, ты всегда получишь здесь в Петербурге, да еще не такой тяжелой работой. Буду сидеть на своей квартире и ждать тебя. Я теперь нездоров и кончаю повесть, чтоб напечатать ее в октябре месяце. И потому тороплюсь.

Не пишешь, какого числа ты отправляешься в Ревель. Но всё равно; письмо мое, может быть, застанет тебя накануне отъезда. Как-то ты устроишь там семейство? 125 руб. сереб<ром> мало денег. Я напишу к москвичам, но ты напиши тоже еще из Гельсингфорса и сам объяви, чтоб деньги высылались на мое имя.* Ясно, что Карепин сукин сын и подлец первой степени. Приезжай, брат, скорее. В припадке страшной нужды я могу достать денег. Но знаешь ли, сколько мне нужно самому? По крайней мере 300 руб. сереб<ром> к 1-му октября. Из этих денег 200 будут отданы за долги, а 100 истратятся на меня самого, и всё это, если еще будут деньги. На всякий случай я тебе напишу всё то, что я могу осуществить до 1-х чисел октября, если б предстояла крайняя надобность.

От Краевского ..... 50 р. сереб<ром>

От Некрасова ..... 100 "

В одном месте ..... 50 сереб<ром> И продав право изд<ания>

"Бедн<ых> люд<ей>" ..... 200 сереб<ром>

-----
400 руб. сереб<(ром)>.

Этот куш хороший, но он меня разорит, приняв в соображение продажу "Бедных людей". Мне некогда издавать "Бедных людей". Но чрез одну типографию я надеюсь их напечатать без денег. Если бы ты здесь случился, ты бы похлопотал об этом, и тогда мы бы всю зиму получали да получали. - Ты не дурно сделаешь, если приедешь как можно скорее. Скажу тебе, что, может быть, есть надежда, что работа, об которой я тебе писал прошлый раз, будет у тебя, если ты будешь в городе. Кроме того, есть одно издание

к Новому году, колоссальное, затеваемое с огромным капиталом, в котором тебе можно будет доставить много работы переводно-компиляционной. Кроме того, можно будет достать переводов у Краевского или у Некрасова, с которым я сойду для этого окончательно, чего он донельзя желает. Кроме того, есть еще одно издание к Новому году, да еще одно. И все будут осуществлены.

Как жаль, что ты не доперевел театр Шиллера. Если б он был весь, его бы можно было продать. Собери всё, что есть. На днях, когда я говорил Краевскому, что ты бы мог перевести книгу для Географического общества (в прошлом письме) и что ты знаешь немецкий язык и перевел всего Шиллера, Краевский вдруг спросил необдуманно: А где его перевод? И потом вдруг замолчал, одумавшись. Хоть не в "Отечественные записки", а Краевский мог бы содействовать приобретению.

Ну прощай, мой милый. Многого не написал, что хотел, ей богу некогда. Твой весь Ф. Достоевский.

Поклон Эмили Федоровне. Целуй детей.

Видишь ли, что значит ассоциация? Работай мы врозь, упадем, оробеем и обнищаем духом. А двое вместе для одной цели – тут другое дело. Тут бодрый человек, храбрость, любовь и вдвое больше сил.

Пиши обо всем как можно обстоятельнее. Внимательнее и точнее пиши мне о цифрах (денег, времени и т. д.).

* Это непременно нужно.

(1) было: в отставку

1848

77. Е. П. МАЙКОВОЙ

14 мая 1848. Петербург

Милостивая государыня Евгения Петровна,
Спешу извиниться перед Вами; я чувствую, что оставил Вас вчера так сторяча, что вышло неприлично, даже не откланявшись Вам и только после Вашего оклика вспомнив об этом. Я боюсь, чтоб Вы не подумали, что я был крут и (соглашаюсь) – груб с каким-нибудь странным намерением. Но я бежал по инстинкту, предчувствуя слабость природы моей, которая не может не прорваться в крайних случаях и прорваться именно крайностями, гиперболически. Вы поймете меня: мне уже по слабонервной природе моей трудно выдерживать и отвечать на двусмысленные вопросы, мне задаваемые, не беситься именно за то, что эти вопросы двусмысленные, беситься всего более на себя за то, что сам не умел так сделать, чтоб эти вопросы были прямые и не такие нетерпеливые; и наконец, в то же время трудно мне (сознаюсь в этом) сохранить хладнокровие, видя перед собой большинство, которое, как вспоминаю я, действовало против меня с таким же точно нетерпением, с каким и я действовал против него. Само собой разумеется, вышла суматоха, с обеих сторон полетели гиперболы, сознательные и наивные, и я инстинктивно обратился в бегство, боясь, чтоб эти гиперболы не приняли еще больших размеров... Но посудите о всей слабости природы такого человека, как я! – Я взял перо, чтоб извиниться просто и со всем смирением, а между тем начал писать свое оправдание по форме!.. Но

действительно чувствуя, что я был крут, тяжел и досаден Вам, прибегаю ко всей Вашей терпимости и прошу извинения. Я (1) уверен, что Вы поймете всю назойливость мою с моими (2) извинениями: я слишком дорожу Вашим добрым мнением, поэтому так и опасаюсь потерять его. Может быть, это письмо и лишнее, может быть, я преувеличиваю по моей привычке, может быть, Вы с первой минуты извинили и не обвиняли меня; но этот излишний страх, эта робость за себя перед Вами покажут Вам, если позволите мне сказать, всю степень того сыновнего уважения, которое всегда чувствовал к Вам – Вам совершенно преданный

Ф. Достоевский.

14 мая 48.

На обороте: Ее высокоблагородию Евгении Петровне Майковой.

На углу Большой Морской и Вознесенского проспекта, в доме Калгина.

(1) было: Но я

(2) было: со всеми <моими>

78. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

3 июня 1848. Парголово

Милостивый государь.

Письмо Ваше, через которое Вы изъявляете желание иметь мой автограф, получил я только сегодня. Это случилось следующим образом.

Когда оно пришло ко мне в Парголово, я был в Петербурге. Человек мой получил письмо, положил ко мне на стол и забыл об нем, но так хорошо забыл, что только сегодня случайно отыскал я его у себя на столе под книгами.

Спешу исполнить Ваше желание и посылаю Вам немедленно листок из одного моего рассказа, нигде не напечатанного.

С совершенным почтением имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

Ф. Достоевский.

48. Июн<я> 3.

1849

79. А. А. КРАЕВСКОМУ

1 февраля 1849. Петербург

Милостивый государь Андрей Александрович.

Между нами вышло недоумение, да, кроме того, и я сам в большом недоумении с другой, частной стороны, более до меня касающейся. Оба эти недоумения нужно разъяснить немедленно и скоро, иначе никакого дела нельзя делать. Посудите сами.

Во-первых: два года назад я имел несчастье задолжать Вам большую сумму денег. Сумма эта, вместо того чтоб уменьшаться, возросла до невозможных пределов. Так как я прежде всего хочу расквитаться и заплатить, то нашел необходимым предложить меры решительные. Но прежде всего нужно сыскать

причину, почему эта сумма не уменьшилась, а увеличивалась. Я уже давно сообразил и вышло, что от следующих причин:

1) Оттого, что я должен был писать и не получать ничего регулярно. То есть хотя я и получал по временам деньги, но это было по временам; а так как платить за свою жизнь нужно ежемесячно, то нужно было получать не по временам, а регулярно, напр<имер>, хоть половину за то, что стоило написанное, а половина шла бы в уплату. Это конечно и было, но опять-таки нерегулярно.

2) Оттого, что я, чтоб исполнить слово и доставить к сроку, насилывал себя, писал, между прочим, такие дурные вещи или (в единственном числе) такую дурную вещь, как "Хозяйка", тем впадал в недоумение и в самоумаление и долго потом не мог собраться написать серьезного и порядочного. Каждый мой неуспех производил во мне болезнь.

3) Формально помешавшая мне болезнь, продолжавшаяся год и кончившаяся, как Вам известно, воспалением в мозгу.

4) Причина чисто нравственная, заставившая меня ненавидеть срочную работу, не приносящую мне даже насущного, и наконец, рабство, в котором я находился, конечно, самовольно. Эта причина важная. От самоумаления ли или не знаю от какой ложной деликатности я считал, что Вы, давая мне деньги, делали мне какое-то одолжение, тогда как здесь была чисто услуга за услугу. Первые деньги, которые я от Вас получил, не могли быть сочтены за одолжение, мне сделанное. Мы были очень мало друг с другом знакомы. Я, кажется, ничем не мог приобрести Вашего расположения, чтоб Вы могли, как Вы сами сказали в последний раз, - рискнуть и дать мне, помнится, 400 руб. серебр<ом>. Наконец, еще соображение: я бы и не взял их даром. Следов<ательно>, тут было не одолжение; а уж если Вы и говорите, что одолжение (ибо Вы в предпоследний раз сказали мне это), - то позвольте уж и мне сказать: что даром деньги не даются, что Вы дали мне в надежде услуги, то есть работы моей, которая чего-нибудь тоже да стоила.

Знаю, Андрей Александрович, что я, между прочим, несколько раз посылая Вам записки с просьбой о деньгах, сам называл каждое исполнение просьбы моей одолжением. Но я был в припадках излишнего самоумаления и смирения от ложной деликатности. Я, н<а>прим<ер>, понимаю Буткова, который готов, получа 10 р. серебр<ом>, считать себя счастливейшим человеком в мире. Это минутное, болезненное состояние, и я из него выжил.

Доказательство же, что я был в припадках излишней деликатности, следующее:

1) Чтоб отплатить Вам за одолжение, я несмотря на болезнь мою написал дурную повесть и рискнул своею подписью, которая для меня единственный капитал.

Что я не обрабатывал достаточно моих произведений и писал к сроку, то есть согрешил против искусства.

Что я не щадил своего здоровья и делал мученические усилия, чтоб расквитаться.

Что я отвергнул предложение Некрасова, который давал мне 75 р. серебр<ом> за Ваш лист с предложением немедленно уплатить Вам весь долг деньгами.

И проч, проч., одним словом, очень много было подвигов, то есть я поступал очень честно.

Но несмотря на всё это, с 1-го января прошлого года сочинения мои чем далее, тем более хвалятся публикою. Это верно, и я это знаю. (1) То есть что же тут было такого, почему они, несмотря на падение мое в 47 году, несмотря на авторитетные нападки Белинского и проч., начали читаться и выходить в люди? Ответ: что, стало быть, есть во мне столько таланту, что можно было преодолеть нищету, рабство, болезнь, азарт критики,

торжественно хоронившей меня, и предубеждение публики. Следовательно, если есть во мне талант действительно, то уж нужно им заняться серьезно, не рисковать с ним, отделять произведения, а не ожесточать против себя своей совестью и мучаться раскаянием, и наконец, щадить свое имя, то есть единственный капитал, который есть у меня.

Наконец:

Я очень хорошо знаю, Андрей Александрович, что напечатанная мною в январе 1-ая часть "Неточки Незвановой" произведение хорошее, так хорошее, что "Отечест<венные> записки", конечно, без стыда могут дать ему место. (2) Я знаю, что это произведение серьезное. Говорю, наконец, это не я, а говорят все.

Портить его я не хочу:

И потому, сообразив недавний спор наш, я решаюсь предложить Вам следующее, хотите последовать моему предложению, всё будет очень хорошо. Нет, как Вам угодно. Но я поступаю, как мне будет выгоднее. Я поступаю, наконец, вследствие необходимости и вполне сознавая, что мое предложение в высшей степени умеренное и скромное.

Вот в чем дело:

У нас есть уговор, по которому я получаю 50 р. сереб<ром> каждый месяц - хороший уговор, ибо долг начал вдруг очень быстро уменьшаться с тех пор, как этот договор существует. Установился он на тех основаниях, что я твердо и решительно захотел уплатить Вам долг поскорее.

Я взял minimum для существования, то есть 50 р. сереб<ром>. На эти деньги с нуждою можно жить - но отнюдь не возиться с кредиторами и надобностями, отнюдь не обеспечивать себя от непредвиденных неожиданностей. Одним словом, это только minimum.

С другой стороны:

Так как я теперь пишу (и это возьмите в соображение) не для того, чтоб только тянуть свое существование, то есть не из-за одних денег.

2) Не для того, чтоб в "Отечест<венных> записках" была каждый месяц крупная печать в отделении Словесности.

3) Не для того, одним словом, чтобы только писать что-нибудь для уплаты долга.

А потому:

что 1) я люблю мой роман, 2) что я знаю, что пишу вещь хорошую, такую, которая не принесет риску, а расположение читающих (я никогда не хвалюсь, позвольте уж теперь сказать правду, я вызван сказать это), 3) потому что, наконец, мне грешно портить свое произведение и что оно мне дороже даже самых "Отечеств<енных> записок".

То я, находясь в следующих обстоятельствах:

1) Будучи стеснен непредвиденным расходом.

2) Поставленный нашим последним расчетом в затруднительное положение.

3) Будучи должен, чтобы иметь сейчас одну сумму денег, начать писать повесть ровно в два листа в "С.-Петербур<ургские> ведомости", в "Библиот<еку> для чтения" или в "Современник".

4) Так как по этому случаю, принужденный отвлечься от романа постороннею работою, я не могу обделать его хорошенько (а я обделываю; доказательство - то, что я выбросил из 2-й части целых 1 1/2 печат<ных> листа вещей очень недурных, для круглоты дела, то есть мараю и урезаю, а не пишу сплошь, что бы сделал человек, не дорожающий своим произведением).

5) Так как я не могу поместить в 3-й части менее 5 листов (то есть не могу поместить 3 или 2, а целых 5 для полноты дела). - А приняв в соображение, что мне нужно сейчас сесть за постороннюю вещь и написать 2 листа для получения денег - и что я не могу написать 7 листов до 15

числа, то я и решаюсь, то есть вынужден необходимостью, сделать Вам предложение следующее.

- 1) Обратив внимание на то, что мне не нарушать нашего контракта (о 50 р.) собственно потому, что это не регулярно, и надрываться в труде, который убьет слона - нельзя, да и неприлично,
- 2) что коль писать хорошую вещь, так писать,
- 3) что как уплачивать деньги, так уплачивать,
- 4) что я ни за что не соглашусь испортить моего романа и не возьму за это 1000 р. сереб<ром> с листа,
- 5) ни за что не соглашусь раздробить его и не напечатать 5 листов (что нужно для круглоты дела),
- 6) что я никак не могу печатать не каждый месяц, по крайней мере шесть первых частей.

Предлагаю нарушить контракт для общей пользы следующим образом:

Я написал романа всего на 315 р. сереб<ром>, получил в уплату 100 р. сереб<ром>, уплатил Вам долгу 215 р. сереб<ром>.

Но так как мне нужно немедленно 100 р. сереб<ром> (minimum), то я прошу Вас выдать мне их. За это к 15 числу Вы получите 5 листов, то есть на 250 р. сереб<ром>, то есть отсчитав 100, взятые теперь, уплотится долгу 150 р. сереб<ром> и всего, следственно, к 20-му февраля (по выходе из цензуры) будет уплаты на 365 руб. сереб<ром>.

Я же: чувствуя, что брать мне у вас деньги 1) невыгодно,

2-ое) после нашего последнего разговора неприлично,

3) что дурные и невыгодные сношения между нами кончиться могут только с уплатою долга,

4) что долг не уплотится, если не будет принято с обеих сторон благоразумных мер,

5) что я прежде всего желаю уплаты, а не забора денег и, взяв теперь 100 р., то есть, по-видимому, уменьшив Вашу выгоду, к 15-му увеличиваю ее чуть не втрое, то есть на 250 р. сереб<ром> по крайней мере, и что это благоразумная мера,

6) что только подобный расчет побуждает меня сделать Вам подобное предложение теперь, после недавнего разговора, - обязуюсь серьезно не брать денег за 3-ю и 4-ю части, то есть в феврале и в марте.

Гарантия этому обещанию:

1) мое честное слово,

2) желание кончить роман, который для меня дороже всего, и сбыть с рук литературное рабство, которое для меня хуже всего,

3) что я, имея перед собой целый месяц, могу сыскать время для постороннего рассказа и зараб<отать> 50 р. для марта месяца, не обращаясь к Вам.

В заключение прошу Вас:

обратить внимание на то, 1) что я говорю и действую серьезно, 2) что я всего более желаю остаться в наилучших отношениях к "Отечеств<енным> запискам", 3) что я понимаю мое положение, 4) что я люблю мой роман и не испорчу его и 5) что я могу заработать ежемесячно не 50, а 100 р. и сверх того приготовить к осени "Неточку", издать ее и отдать Вам деньгами, 6) что, наконец, я так беден, что необходимостью вынужден делать то, что мне выгоднее. За сим честь имею пребыть Ваш

Ф. Достоевский.

1-е февраля.

Р. S. Завтра буду иметь честь быть у Вас за ответом.

На обороте: Его высокоблагородию Андрею Александровичу Краевскому.

(1) было: Это я знаю очень хорошо.

(2) вместо: дать ему место - было: поместить

80. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ
20 февраля 1849. Петербург

Любезнейший Андрей Михайлович,
Твоя записка застала меня при 2-х коп. серебром и в том же положении, как ты. А между тем мне бы ужасно хотелось помочь тебе, тем более, что замучили угрызения совести на счет моего долга. Ну, как быть? Постараюсь заехать к тебе в начале недели. Что достану, тем и поделюсь. А теперь, милый мой, до свидания. Да не пей кофею, а также не ешь мяса или вообще чего-нибудь возбуждающего и (1) вырабатывающего сильно кровь.
Пожалуйста!
Твой весь Ф. Достоевский.
(1) было: или

81. А. А. КРАЕВСКОМУ
25 - 26 марта 1849. Петербург

Милостивый государь Андрей Александрович.
Посылаю Вам конец 1-й главы. Всего будет, как и во 2-й части две, больших. 1-ую половину второй главы (которая теперь у меня переписывается дома) доставлю сегодня в типографию в 8 часов вечером. А остальную половину постараюсь аранжировать за ночь. Таким образом дело будет сделано.
Андрей Александрович, я, перебиваясь 2 1/2 месяца после последнего получения денег, истощал совершенно. Единственно для поддержки моей минутной необходимости, отстраняя всякую мысль требовать чего-нибудь дальнейшего до известного срока, обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою не оставить меня без 10 р. сереб<ром>, которые требовались еще вчера для уплаты моей хозяйке. Ибо срок моего переезда на квартиру был вчера, а я не платил уже два месяца. Эти десять рублей удовлетворят ее по крайней мере на минуту, и тем доставите мне необходимое спокойствие, свет и провизию, без которой нельзя написать ничего на свете.
Ради бога, не откажите, Андрей Александрович. Ваш покорный слуга
Ф. Достоевский.

82. А. А. КРАЕВСКОМУ
31 марта 1849. Петербург

Милостивый государь Андрей Александрович.
В письме Вашем Вы упомянули, что последний раз присылаете мне денег и что нужно все отписать, чтоб иметь право что-нибудь получить.
Я так и хотел распорядиться. То есть доставить сперва 3-ю часть, которую полагал кончить к понедельнику. Затем сесть немедленно за 4-ю и пятую, которые назначил для мая месяца. Но сверх всех расчетов моих, кончил 3-ю часть к среде (вышло 3 с лишком листа), в 4-й будет около 4-х, 3+4=7, то есть 350 руб. сереб<ром>, а отписано уже 100, следовательно, от 450 до

500 р. сереб<ром>. С 4-ой частью я надеюсь на быстроту отписывания (ибо Вы, вероятно, Андрей Александрович, признаетесь, что отдать 500 р. в несколько месяцев при 800 долгу, да еще жить сверх того, успех порядочный), с третьей частью я располагал к Вам явиться в конце этой недели и просить Вас о помощи перед праздником, к 10-му же числу я хотел доставить 5-ю.

Теперь я сижу безостановочно над 4-й частью, несмотря на то, что едва кончил 3-ю, не даю себе ни крошки отдыху; ибо хочу (основываясь на Вашем обещании при Шидловском) напечатать непременно 2 части в мае (то есть 4-ю и 5-ю). Я и теперь рву волосы, что эпизод доставлен не весь, а разбит на 3 части. Ничего не кончено, а только возбуждено любопытство. А любопытство возбужденное в начале месяца, по-моему, уже не то, что в конце месяца; оно охлаждается, и самые лучшие сочинения теряют. Это всё равно, если бы я сцену с Покровским, лучшую в "Бедных людях", разбил на 2 части и томил публику месяц. Где впечатление? Оно исчезнет. Итак, вот насчет двух частей. Я сижу над 4-ю частью. И 4-ю и 5-ю доставлю своевременно не далее как к 15-му; ибо нужно еще доставить ответ "Современнику". Но при этой работе примите в соображение следующее:

1) что если б я не брал денег теперь, то к маю было бы отписано всего на 650 р. сереб<ром>. А если б я в этот промежуток получил от Вас 100 р., то было бы 550, итого за всю зиму отписанного и оставшегося долгу было бы 250 р.,

2) что я бы давно отписал всё, не только эту сумму, если б не работал на сторону.

Андрей Александрович, скажите, пожалуйста, неужели Вы в 4 года моей работы у Вас не заметили, что я никогда не могу отдать Вам моего долга, если мы всё будем находиться в такой системе забирания и отписывания ден<ег>, в какой были доселе? Да посудите: возьмите в соображение нынешнюю зиму! Я работал как лошадь, и чем далее тем успешнее, так что и публике нравится, и я, несмотря на все мои соображения прошлой осени, не могу к маю отписать более 650 р. сереб<ром>. Всё еще останусь должен. Отчего это произошло? Неужели неясно отчего, Андрей Александрович! А между тем я у Вас деньги брал. Много брал. Но вот Вам факт: взяв у Вас в последний раз 100 р. (2 месяца тому назад), я просидел целый месяц на изобретенье рассказа, который бы мне доставил еще 50 р. сереб<ром>, ибо мне недоставало Ваших 100, чтоб быть покойным. И так как я соображал изобретение повести с направлением и характером того издания, куда хотел тиснуть, то целый месяц думал и ничего не надумал, кроме мигреня и расстройства нервов, да 3-х великолепных сюжетов для трех больших романов. Будь у меня 50 р. сереб<ром>, Вы бы получили в уплату 150 р. сереб<ром> лишних.

Брав у Вас 100 р. последний раз, я клялся, что не буду больше брать вперед никогда. Но я рассчитывал без хозяина из Москвы. Пришлют после праздника. А между тем Праздник - какое слово! Мне-то наплевать, а кредиторы только и ждут того, уж они осаждают толпами, ибо у них, несчастных, только и есть что 2 срока в году, в которые почти все отдают. Послушайте, Андрей Александрович. Неужели Вы никогда не подумали, что я жил, жил и умер. Что будет тогда с моим долгом? У меня долгов столько, что московских денег и не хватило бы уплатить Ваш. Кончимте поскорее эту долговую систему и <пой>дем (1) в мирную задельную плату по святым срокам 1-х чисел.

К величайшему горю моему, если б я доработался до мозолей на руках, то физической возможности нет принести Вам к субботе 4-ую часть, а принесу к 7-му. А между тем мне нельзя будет писать. Меня измучили, ибо 7 лет

кредиторства сделали меня раздражительным, и я кинусь на постороннюю работу, то есть принужден буду писать какую-нибудь сказку на сторону. Тут беда самая большая та, что энергия к нашему роману и охота продолжать перервутся посторонней работой опять на полмесяца, а может, и на месяц. Андрей Александрович. Я явлюсь к Вам в эту субботу утром. Ради бога, отпустите меня с ста рублями, взяты<ми> у Вас. Я возвращу Вам их, не скажу сторицею, а в 5 раз к 15-му числу апреля. И больше не буду брать никогда, а свидетель мой брат. Спросите его: московские деньги явятся в апреле непременно, и тогда я естественно не буду просить у Вас, а то, что теперь Вы мне в последний раз поможете, не забуду. Напомните мне это когда-нибудь. Увидите сами. Посудите: я весь пост ожидал с трепетом и замиранием страстной субботы по поводу кредиторов. Помните прошлого года, пятница на страстной неделе. Она мне до сих пор памятна. Тогда еще приезжало семейство брата из Ревеля. Теперь со мной будет холера, больше ничего. Где тут поэзия?
Ваш Ф. Достоевский.
31 марта.
(1) край листа надорван

83. А. А. КРАЕВСКОМУ
Первая половина апреля 1849. Петербург

Милостивый государь Андрей Александрович,
У нас есть уговор, по которому я получаю 50 р. серебром за каждый месяц, в который печатаюсь, или лучше за каждую часть. В последний раз уговор этот был несколько изменен: я взял 100 р. серебром вперед за 2 части, именно за 3-ю и 4-ю. 3-я доставлена, 4-й еще нет. Если бы я доставлял части непрерывно, то есть если бы они были в марте и апреле, то в конце апреля, то есть по отцензуровании майской книжки, я получил бы эти 50 р. серебром. То есть это было бы уже за 5-ю часть. В нынешнем месяце, т. е. на майскую книжку, по уговору, обещанию Вашему идут 2 части: 3-я и 4-я (которую доставлю к 15-му). Следовательно, уже в конце мая за июньскую книжку получу я 50 р. серебром. Но вот что: 4-я часть будет у Вас к 15-му. Андрей Александрович, посудите: 100 р., взятые вперед, заработаны, мы на прежних основаниях. Я у Вас не прошу теперь вперед, а прошу вот чего: дайте мне 15 р. серебром за 5-ю часть; теперь пойдет непрерывно. Перед праздником я взял 10, и так выйдет, что я возьму за 5-ю часть с этими 15-ю - 25 р. серебром и в мае получу, следовательно, 25, а не 50. Прошу Вас убедительнейше, сделайте мне это. Нынче время экстренное. Я борюсь с моими мелкими кредиторами, как Лаокоон со змеями; теперь мне нужно 15, только 15. Эти 15 успокоят меня. У меня явится больше готовности и охоты писать, будьте уверены. Что Вам 15 руб.? А мне это будет много. Помилуйте, я всю неделю без гроша, хоть бы что-нибудь! Если б Вы только знали, до чего я доведен! Только стыдно писать, да и не нужно. Ведь это просто срам, Андрей Александрович, что такие бедные сотрудники в "Отчественных" записках". Ну, задолжал и много: конечно, худо! Но ведь и отдача есть, и работа есть! Ведь кажется, что есть, Андрей Александрович.
Пришлите мне, ради бога, Андрей Александрович, корректурные листы 3-й части. Ужасно как нужно!
Ваш весь Ф. Достоевский.

На обороте: Его высокоблагородию Андрею Александровичу Краевскому.

84. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

20 июня 1849. Петербург, Петропавловская крепость

20 июня 49 года.

Любезный брат Андрей Михайлович,

Мне позволили, по просьбе моей, написать к тебе несколько строк, и я спешу тебя уведомить, что я, слава богу, здоров и хотя тоскую, но далек от уныния. Во всяком состоянии есть свои утешения. И потому обо мне не беспокойся. Уведомь меня, ради бога, о семействе брата, - что Эмилия Федоровна и дети? Расцелуй их за меня.

У меня есть до тебя просьба: я терпел всё это время крайнюю нужду в деньгах и большие лишения. Ты, вероятно, не знал, что можно доставить мне какую-нибудь помощь, и потому молчал до сих пор. Не забудь же меня теперь. Я прошу тебя, если еще не кончено наше московское денежное дело, написать в Москву и просить Карепина выслать немедленно для меня, из суммы, которая мне следует, двадцать пять рублей серебром. Более мне покамест не нужно.

Если же кончено дело, то прислать всё, сколько есть на мою долю. Но я полагаю, что ты уже получил что-нибудь, и по расчетам моим дело это уже должно прийти к концу. Не забудь тоже и семейство брата и пиши в Москву для него.

Но в ожидании московских денег, если ты можешь, пришли мне 10 р. серебром. Я их здесь занял; их нужно отдать. Этим очень обяжешь меня. Сделай же это. Пиши сестрам от меня поклон, скажи, что мне ничего, хорошо, и не пугай их. Передай поклон мой дяде и особенно тетке. Смотри же не забудь об ней.

Еще есть просьба. Я не знаю, возможна ли она, то есть позволят ли это сделать, но по моим соображениям это возможно. Именно: у брата Михайлы есть билет на получение "Отечественных записок". Майский номер нынешнего года, должно быть, еще не взят. Попроси билет у Эмилии Федоровны, возьми для меня книгу и перешли мне ее. Там напечатана третья часть моего романа, но без меня, без моего надзора, так что я даже и корректур не видал. Я беспокоюсь: что-то они там напечатали и не исказили ли романа? Так пришли мне этот том. Всё это адресуй: В канцелярию его высокопревосходительства, г-на коменданта С.-П. Петр<о>пав<ловской> крепости или лучше явись сам.

То-то, я думаю, ты рад был, когда тебя выпустили после ошибочного арестования. Прощай, желаю тебе всего самого лучшего. Пожелай и мне. Твой брат Федор Достоевский.

На обороте: Его благородию Андрею Михайловичу Достоевскому.

В Строительном училище. Архитектору. На Обуховском проспекте.

85. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

18 июля 1849. Петербург. Петропавловская крепость

Я несказанно обрадовался, любезный брат, письму твоему. Получил я его 11 июля. Наконец-то ты на свободе, и воображаю, какое счастье было для тебя увидеться с семьею. То-то они, думаю, ждали тебя! Вижу, что ты уже

начинаешь устраиваться по-новому. Чем-то ты теперь занят? и главное, чем ты живешь? Есть ли работа, и что именно ты работаешь? Лето в городе – тяжело! Да к тому же ты говоришь, что взял другую квартиру и уже, вероятно, теснее. Жаль, что тебе нельзя кончить летнего времени за городом.

Благодарю за посылки; они мне доставили большое облегчение и развлечение. Ты мне пишешь, любезный друг, чтоб я не унывал. Я и не унываю; конечно, скучно и тошно, да что ж делать! Впрочем, не всегда и скучно. Вообще мое время идет чрезвычайно неровно, – то слишком скоро, то тянется. Другой раз даже чувствуешь, как будто уже привык к такой жизни и что всё равно. Я, конечно, гоню все соблазны от воображения, но другой раз с ним не справишься, и прежняя жизнь так и ломится в душу с прежними впечатлениями, и прошлое переживается снова. Да, впрочем, это в порядке вещей. Теперь ясные дни, большею частью по крайней мере, и немножко веселее стало. Но ненастные дни невыносимы, каземат смотрит суровее. У меня есть и занятия. Я времени даром не потерял, выдумал три повести и два романа; один из них пишу теперь, но боюсь работать много. Эта работа, особенно если она делается с охотой (а я никогда не работал так сон amore, как теперь), всегда изнуряла меня, действуя на нервы. Когда я работал на свободе, мне нужно было непрерывно прерывать себя развлечениями, а здесь (1) волнение после письма должно проходить само собою. Здоровье мое хорошо, разве только геморрой да расстройство нервов, которое идет crescendo. У меня по временам стало захватывать горло, как прежде, аппетит очень небольшой, а сон очень малый, да и то с сновидениями болезненными. Сплю я часов пять в сутки и раза по четыре в ночь просыпаюсь. Вот только это и тяжело. Всего тяжелее время, когда смеркается, а в 9 часов у нас уже темно. Я иногда не сплю до часу, до двух полночь, так что часов пять темноты переносить очень тяжело. Это (2) более всего расстроивает здоровье.

О времени окончания нашего дела ничего сказать не могу, потому что всякий расчет потерял, а только веду календарь, в котором пассивно отмечаю ежедневно прошедший день – с плеч долой! Я здесь читал немного: два путешествия к св<ятым> местам и сочинения с<вятого> Димитрия Ростовского. Последние меня очень заняли; но это чтение – капля в море, и какой-нибудь книге я бы, мне кажется, был до невероятности рад. Тем более что это будет даже целительно, затем, что перебеешь чужими мыслями свои или перестроишь свои по новому складу.

Вот все подробности (3) о моем житье-бытье; больше нет ничего. Рад очень, что нашел ты всё семейство свое здоровым. Писал ли ты в Москву о своем освобождении? Жаль очень, что тамошнее дело не складывается. Как бы я желал хоть один день пробыть с вами. Вот уже скоро три месяца нашему заключению; что-то дальше будет. Может быть, и не увидишь зеленых листьев за это лето. Помнишь, как нас выводили иногда гулять в садик в мае месяце. Там тогда начиналась зелень, и мне припомнился Ревель, в котором я бывал у тебя к этому времени, и сад в Инженерном доме. Мне всё казалось тогда, что и ты сделаешь это сравнение, – так было грустно. Хотелось бы видеть и других кой-кого. С кем-то ты теперь видишься; все, должно быть, за городом. Брат Андрей (4) непременно должен быть в городе; видел ли ты Николу? Кланяйся им от меня. Перецелуй за меня детей, кланяйся жене, скажи ей, что очень тронут тем, что она меня помнит, и много обо мне не беспокойся. Я только и желаю, чтоб быть здоровым, а скука дело переходное, да и хорошее расположение духа зависит от одного меня. В человеке бездна тягучести и жизненности, и я, право, не думал, чтоб было столько, а теперь узнал по опыту. Ну, прощай! Вот два слова от меня и

желаю, чтоб они (5) тебе доставили удовольствие. (6) Кланяйся всем, кого увидишь и кого я знал, не обойди никого. Я же обо всех припоминал. Что-то думают дети обо мне и любопытно знать, какие они делают обо мне предположения: куда, дескать, он делся! Ну, прощай. Если можно будет, пришли мне "Отечеств<енные> записки". Хоть что-нибудь да прочтешь. Напиши тоже два слова. Это меня чрезвычайно обрадует. До свидания.

Твой брат Ф. Достоевский.

18 июля.

(1) далее было начато: когда в

(2) было: [Вот это] Это то

(3) было: Вот всё это

(4) далее было: уже

(5) далее было: теперь

(6) далее - густо зачеркнутая фраза.

86. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

27 августа 1849. Петербург. Петропавловская крепость

27 августа 49.

Очень рад, что могу тебе отвечать, любезный брат, и поблагодарить тебя за присылку (1) книг. Особенно благодарен за "Отечест<венные> записки". Рад тоже, что ты здоров и что заключение не оставило никаких дурных следов для твоего здоровья. Но ты очень мало пишешь, так что мои письма гораздо подробнее твоих. Но это в сторону; после поправишься.

Насчет себя ничего не могу сказать определенного. Всё та же неизвестность касательно окончания нашего дела. Частная жизнь моя по-прежнему однообразна. Но мне опять позволили гулять в саду, в котором почти семнадцать деревьев. И это для меня целое счастье. Кроме того, я теперь могу иметь свечу по вечерам, и вот другое счастье. Третье будет, если ты мне поскорее ответишь и пришьешь "Отечественные записки"; ибо я, в качестве иногороднего подписчика, жду их как эпохи, как соскучившийся помещик в провинции. Хочешь мне прислать исторических сочинений. Это будет превосходно. Но всего лучше, если б ты мне прислал Библию (оба Завета). Мне нужно. Но если возможно будет прислать, то пришли во французском переводе. А если к тому прибавишь и славянский, то всё это будет верхом совершенства.

О здоровье моем ничего не могу сказать хорошего. Вот уже целый месяц как я просто ем касторовое масло и тем только и пробиваюсь на свете. Геморрой мой ожесточился до последней степени, и я чувствую грудную боль, которой прежде никогда не бывало. Да к тому же, особенно к ночи, усиливается впечатлительность, по ночам длинные, безобразные сны, и сверх того, с недавнего времени, мне всё кажется, что подо мной колышется пол, и я в моей комнате сижу, словно в паровой каюте. Из всего этого я заключаю, что нервы мои расстраиваются. Когда такое нервное время находило на меня прежде, то я пользовался им, чтоб писать, - всегда в таком состоянии напишешь лучше и больше, - но теперь воздерживаюсь, чтоб не доканать себя окончательно. У меня был промежуток недели в три, в который я ничего не писал; теперь опять начал. Но всё это еще ничего; можно жить. Авось, успею поправиться.

Ты меня просто удивил, написав, что, по твоему мнению, московские ничего не знают об нашем приключении. Я подумал, сообразил и вывел, что это никаким образом невозможно. Знают, наверно, и в молчании их я вижу

совершенно другую причину. Впрочем, этого и ожидать должно было. Дело ясное.

Как здоровье Эмилии Федоровны? Что это какое ей несчастье! Вот уже второе лето ей приходится так нестерпимо скучать! Прошлый год холера и другие причины, а нынешний уж бог знает что! Право, брат, грешно впадать в апатию. Усиленная работа *con amore* - вот настоящее счастье. Работай, пиши, - чего лучше!

Ты пишешь, что литература хворает. А тем не менее номера "Отечественных записок" по-прежнему пребогатые, конечно не по части беллетристики. Нет статьи, которая читалась бы без удовольствия. Отдел наук блестящий. Одно "Завоевание Перу" - целая "Илиада" и, право, не уступит прошлогодней "Завоевание Мехики". Что за нужда, что статья переводная!

Прочел я с величайшим удовольствием вторую статью разбора "Одиссеи"; но эта вторая статья далеко хуже первой, Давыдова. Та была статья блистательная, особенно то место, где он опровергает Вольфа, написано с таким глубоким пониманием дела, с таким жаром, что этого трудно было и ожидать от такого старинного профессора. (3) Даже в этой статье он умел избежать педантизма, свойственного всем ученым вообще, а московским в особенности.

Из всего этого ты можешь заключить, брат, что книги твои доставляют мне чрезвычайное удовольствие и что я благодарен тебе за них донельзя. Ну, прощай; желаю тебе всякого успеха. Пиши поскорее. Весьма не худо бы ты сделал, если б написал москвичам о наших делах и формально спросил бы их, в каком состоянии дело о деревне?

Целуй всех детей. Я думаю, что в Летний-то сад их водят. Кланяйся Эмилии Федоровне и всем, кого увидишь из знакомых. Ты пишешь, что хотел бы видеть меня... Когда-то это будет! Ну, до свидания.

Твой Федор Достоевский.

Напиши мне, кто такой г. (Вл. Ч.), помещающий свои статьи в "Отечественных записках". Да еще: кто автор разбора (5) стихотворений Шаховой в июньском номере "Отечественных записок". Узнай, если можно. Между 10-м и 15-м сентября мои деньги, брат, выйдут. Если можно будет, помоги мне опять. Нужно немного. Есть у меня счет с Сорокиным за "Бедных людей", но позабыл сколько; Впрочем, сумма крайне ничтожная. Он почти всё заплатил.

Ф. Достоевский.

(1) было: посылку

(2) далее густо зачеркнуто несколько фраз

(3) вместо: старинного профессора - было: <нрзб.> историка

(4) было: жене

(5) было: статьи

87. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

14 сентября 1849. Петербург. Петропавловская крепость

Письмо твое, любезный брат, книги (Шекспир, Библия, "Отечественные записки") и деньги (10 р. серебром) я получил и за всё это тебя благодарю. Рад, что ты здоров. Я же всё по-прежнему. То же расстройство желудка и геморрой. Не знаю уж, когда это пройдет. Вот подходят теперь трудные осенние месяцы, а с ними моя ипохондрия. Теперь небо уж хмурится, а светлый клочок неба, видный из моего каземата, - гарантия для здоровья моего и для доброго расположения духа. Но всё же, покамест, я еще жив,

здоров. А уж это для меня факт. И потому ты, пожалуйста, не думай обо мне чего-нибудь особенно дурного. Покамест всё хорошо относительно здоровья. Я ожидал гораздо худшего и теперь вижу, что жизненности во мне столько запасено, что и не вычерпашь.

Еще раз благодарю за книги. Это всё хоть развлечение. Вот уже пять месяцев, без малого, как я живу своими средствами, то есть одной своей головой и больше ничем. Покамест еще машина не развинтилась и действует. Впрочем, вечное думанье и одно только думанье, безо всяких внешних впечатлений, чтоб возродить и поддерживать думу, - тяжело! Я весь как будто под воздушным насосом, из (1) которого воздух вытягивают. Всё из меня ушло в голову, а из головы в мысль, всё, решительно всё, и несмотря на то эта работа с каждым днем увеличивается. Книги хоть капля в море, но все-таки помогают. А собственная работа только, кажется, выжимает последние соки. Впрочем, я ей рад.

Перечитывал присланные тобою книги. Особенно благодарю за Шекспира. Как это ты догадался! В "Отечественных записк<ах>" английский роман чрезвычайно хорош. Но комедия Тургенева непозволительно плоха. Что это ему за несчастье? Неужели же ему так и суждено непременно испортить каждое произведение свое, превышающее объемом печатный лист? Я не узнал его в этой комедии. Никакой оригинальности: старая, торная дорога! Всё это было сказано до него и гораздо лучше его. Последняя сцена отзывается ребяческим бессилием. Кое-где мелькнет что-нибудь, но это что-нибудь хорошо только за неимением лучшего. Что за прекрасная статья о банках! И как общепонятна!

Благодарю всех, которые обо мне помнят. Кланяйся Эмили Федоровне, брату Андрею и целуй детей, которым особенно желаю здороветь. Уж не знаю, брат, как и когда мы увидимся! Прощай и не забывай меня, пожалуйста. Напиши мне хоть чрез две недели.

До свиданья.

Твой Ф. Достоевский.

14 сентяб<ря> 49 год.

Пожалуйста же, будь обо мне покойнее. Если добудешь что-нибудь читать, то пришли.

(1) было: из-под

88. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

22 декабря 1849. Петербург. Петропавловская крепость

Петропавловская крепость. 22 декабря.

Брат, любезный друг мой! все решено! Я приговорен к 4-хлетним работам в крепости (кажется, Оренбургской) и потом в рядовые. Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили (1) наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец ударили отбой, (2) привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры. Один Пальм прощен. Его (3) тем же чином в армию.

Сейчас мне сказали, любезный брат, что нам сегодня или завтра отправляться в поход. Я просил видеться с тобой. Но мне сказали, что это невозможно; могу только я тебе написать это письмо, по которому поторопись и ты дать мне поскорее отзыв. Я боюсь, что тебе как-нибудь был известен наш приговор (к смерти). Из окон кареты, когда везли на Семен<овский> плац, я видел бездну народа; может быть, весть уже прошла и до тебя, и ты страдал за меня. Теперь тебе будет легче за меня. (4) Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да правда! та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая сознала и свыклась с возвышенными потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвят меня, правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это все-таки жизнь!

On voit le soleil!

Ну, прощай, брат! Обо мне не тужи! Теперь о распоряжениях материальных: книги (Библия осталась у меня) и несколько листков моей рукописи (чернового плана драмы и романа и оконченная повесть "Детская сказка") у меня отобраны и достанутся, по всей вероятности, тебе. Мое пальто и старое платье тоже оставляю, если пришьешь взять их. Теперь, брат, предстоит мне, может быть, далекий путь по этапу. Нужны деньги. Брат милый, коль получишь это письмо и если будет возможность достать сколько-нибудь денег, (5) то пришли тотчас же. Деньги мне теперь нужнее воздуха (по особенному обстоятельству). Пришли тоже несколько строк от себя. Потом, если получатся московские деньги, – похлопочи обо мне и не оставь меня... Ну вот и всё! Есть долги, но что с ними делать?!

Целуй жену свою и детей. Напоминай им обо мне; сделай так, чтоб они меня не забывали. Может быть, когда-нибудь увидимся мы? Брат, береги себя и семью, живи тихо и предвиденно. Думай о будущем детей твоих... Живи положительно.

Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь. Но вынесет ли тело: не знаю. Я отправляюсь нездоровый, у меня золотуха. Но авось-либо! Брат! Я уже переиспытал столько в жизни, что теперь меня мало что утешит. Будь что будет! При первой возможности уведомлю тебя о себе.

Скажи Майковым мой прощальный и последний привет. Скажи, что я их всех благодарю за их постоянное участие к моей судьбе. Скажи несколько слов, как можно более теплых, что тебе самому сердце скажет, за меня, Евгении Петровне. Я ей желаю много счастья и с благодарным уважением всегда буду помнить о ней. Пожми руку Николаю Аполлонов<ичу> и Аполлону Майкову; а затем и всем.

Отъщи Яновского. Пожми ему руку, поблагодари его. Наконец, всем, кто (6) обо мне не забыл. А кто забыл, так напомни. Поцелуй брата Колю. Напиши письмо брату Андрею и уведоми его обо мне. Напиши дяде и тетке. Это я прошу тебя от себя, и кланяйся им за меня. Напиши сестрам: им желаю счастья!

А может быть, и увидимся, брат. Береги себя, доживи, ради бога, до свидания со мной. Авось когда-нибудь обнимем друг друга и вспомним наше молодое, наше прежнее, золотое время, нашу молодость и надежды наши, которые я в это мгновение вырываю из сердца моего с кровью и хороню их.

Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю, через 4-ре года будет возможно. Я перешлю тебе всё, что напишу, если что-нибудь напишу. Боже мой! Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках.

Пиши ко мне чаще, пиши подробнее, больше, обстоятельнее. Распространяйся в каждом письме о семейных подробностях, о мелочах, не забудь этого. Это даст мне надежду и жизнь. Если б ты знал, как оживляли меня здесь в каземате твои письма. Эти два месяца с половиной (последние), когда было запрещено переписываться, были для меня очень тяжелы, Я был нездоров. То, что ты мне не присылал по временам денег, измучило меня за тебя: знать, ты сам был в большой нужде! Еще раз поцелуй детей; их милые личики не выходят из моей головы. Ах! Кабы они были счастливы! Будь счастлив и ты, брат, будь счастлив!

Но не тужи, ради бога, не тужи обо мне! Знай, что я не уныл, помни, что надежда меня не покинула. Через четыре года будет облегчение судьбы. Я буду рядовой, - это уже не арестант, и имей в виду, что когда-нибудь я тебя обниму. Ведь был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслью, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу!

Если кто обо мне дурно помнит, и если с кем я поссорился, если в ком-нибудь произвел неприятное впечатление - скажи им, чтоб забыли об этом, если тебе удастся их встретить. Нет желчи и злобы в душе моей, хотелось бы так любить и обнять хоть кого-нибудь из прежних в это мгновение. Это отрада, я испытал ее сегодня, прощаясь с моими милыми перед смертью. Я думал в ту минуту, что весть о казни убьет тебя. Но теперь будь покоен, я еще живу и буду жить в будущем мыслю, что когда-нибудь обниму тебя. У меня только это теперь на уме.

Что-то ты делаешь? Что-то ты думал сегодня? Знаешь ли ты об нас? Как сегодня было холодно!

Ах, кабы мое письмо поскорее дошло до тебя. Иначе я месяца четыре буду без вести об тебе. Я видел пакеты, в которых (7) ты присылал мне в последние два месяца деньги; адресе был написан твоей рукой, и я радовался, что ты был здоров.

Как оглянусь на прошедшее да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неуменье жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, - так кровью обливается сердце мое. Жизнь - дар, жизнь - счастье, каждая минута могла быть веком счастья. Si jeunesse savait! Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, всё утешение мое.

Казематная жизнь уже достаточно убила во мне плотских потребностей, не совсем чистых; я мало берег себя прежде. Теперь уже лишения мне нипочем, и потому не пугайся, что меня убьет какая-нибудь материальная тягость. Этого быть не может. Ах! кабы здоровье!

Прощай, прощай, брат! Когда-то я тебе еще напишу! Получишь от меня сколько возможно подробнейший отчет о моем путешествии. Кабы только сохранить здоровье, а там и всё хорошо!

Ну прощай, прощай, брат! Крепко обнимаю тебя; крепко целую. Помни меня без боли в сердце. Не печалься, пожалуйста, не печалься обо мне! В следующем же письме напишу тебе, каково мне жить. Помни же, что я говорил тебе: рассчитай свою жизнь, не трать ее, устрой свою судьбу, думай о детях. - Ох, когда бы, когда бы тебя увидеть! Прощай! Теперь отрываюсь от всего, что было мило; больно покидать его! Больно переломить себя надвое,

перервать сердце пополам. Прощай! Прощай! Но я увижу тебя, я уверен, я надеюсь, не изменишь, люби меня, не охлаждай свою память, и мысль о любви твоей будет мне лучшей частью жизни. Прощай, еще раз прощай! Все прощайте!

Твой брат Федор Достоевский.

22 декабря 49-го года.

У меня взяли при аресте несколько книг. Из них только две были запрещенные. Не достанешь ли ты для себя остальных? Но вот просьба: из этих книг одна (8) была "Сочинения Валериана Майкова", его критики - экземпляр Евгении Петровны. Она дала мне его как свою драгоценность. При аресте (9) я просил жандармского офицера отдать ей эту книгу и дал ему адресе. Не знаю, возвратил ли он ей. Справься об этом! Я не хочу отнять у нее это воспоминание. Прощай, прощай еще раз.

Твой Ф. Достоевский.

Не знаю, пойду ли я по этапу или поеду. Кажется, поеду. Авось-либо!

Еще раз: пожми руку Эмили Федоровне и целуй деток. - Поклонись Краевскому, может быть...

Напиши мне подробнее о твоём аресте, заключении и выходе на свободу.

На обороте: Михайле Михайловичу Достоевскому.

На Невском проспекте, против Грязной улицы, в доме Неслинда.

(1) было: одели

(2) далее было: и нам

(3) было: Он

(4) вместо: и до тебя ... .. за меня. - было: и ты узнал

(5) вместо: сколько-нибудь денег было начато: что ни<будь>

(6) было начато: А затем и всем, кого

(7) далее было: был

(8) вместо: из этих книг одна - было: там

(9) письмо в этом месте повреждено

1854

89. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

30 января - 22 февраля 1854. Омск

Наконец-то я, кажется, могу поговорить с тобой попрощаннее и повернее. Но прежде чем напишу строчку, спрошу тебя: скажи ты мне ради господ бога, почему ты мне до сих пор не написал ни одной строчки? И мог ли я ожидать этого? Верить ли, что в уединенном, замкнутом положении моем я несколько раз впадал в настоящее отчаяние, думая, что тебя нет и на свете, и тогда по целым ночам раздумывал, что было бы с твоими детьми, и клял мою долю, что не могу быть им полезным. Другой раз, когда я узнавал наверное, что ты жив, меня брала даже злоба (но это было в болезненные часы, которых у меня было много), и я горько упрекал тебя. Но потом и это проходило; я извинял тебя, старался приискать все оправдания, успокаивался на лучших и ни разу не потерял в тебя веры: я знаю, что ты меня любишь и хорошо обо мне вспоминаешь. Я писал тебе письмо через наш штаб. До тебя оно должно было дойти наверное, я ждал от тебя ответа и не получил. Да неужели же тебе запретили? Ведь это разрешено, и здесь все

политические получают по несколько писем в год. Дуров получал несколько раз, и много раз на запросы начальства о письмах разрешение писать их подтверждалось. Кажется, я отгадал настоящую причину твоего молчания. Ты, по неподвижности своей, не ходил просить полицию или если и ходил, (1) то успокоился после первого отрицательного ответа, может быть, от такого человека, который и дела-то не знал хорошенько. Ты мне доставил этим много и эгоистического горя: "Вот, подумал я, - если он и о письме не может выхлопотать, будет же он хлопотать об чем-нибудь важнее для меня! Пиши и отвечай скорее, а прежде всего пиши официально, не ожидая случая, и пиши подробнее и пространнее. Я теперь от вас как ломоть отрезанный, - и хотел бы прирасти, да не могу. Les absents ont toujours tort. Неужели и между нами это должно случиться? Но не беспокойся, я в тебя верю. Вот уже неделя как я вышел из каторги. Это письмо посылается тебе в глубочайшем секрете, и об нем никому ни полслова. Впрочем, я пошлю тебе письмо и официальное, через штаб Сибирского корпуса. На официальное отвечай немедленно, а на это, при первом удобном случае. Впрочем, и в официальном ты должен изложить (2) самым подробным образом всё главное о себе за все эти 4 года. Что же касается до меня, то я бы рад был послать тебе целые томы. Но так как и на это письмо едва имею время, то и напишу главнейшее.

Что главнейшее? И что именно в последнее время было для меня главное? Как подумаешь, (3) так и выйдет, что ничего не упишу я тебе в этом письме. Ну как передать тебе мою голову, понятие, всё, что я прожил, в чем убедился и на чем остановился во всё это время. Я не берусь за это. Такой труд решительно невозможен. Я ни одного дела не люблю делать вполсилы, а сказать что-нибудь ровнешенько ничего не значит. Впрочем, главная реплика перед тобой. Читай и выжимай, что хочешь. Я обязан это сделать и потому принимаюсь за воспоминания.

Помнишь ли, как мы расстались с тобой, милый мой, дорогой, возлюбленный мой? Только что ты оставил меня, нас повели, троих: Дурова, Ястржембского и меня, заковывать. Ровно в 12 часов, то есть ровно в рождество, я первый раз надел кандалы. В них было фунтов 40 и ходить чрезвычайно неудобно. Затем нас посадили в открытые сани, каждого особо, с жандармом, и на 4-х санях, фельдъегерь впереди, мы отправились из Петербурга. У меня было тяжело на сердце и как-то смутно, неопределенно от многих разнообразных ощущений. Сердце жило какой-то суетой и потому ныло и тосковало глухо. Но свежий воздух оживлял меня, и так как обыкновенно перед каждым новым шагом в жизни чувствуешь какую-то живость и бодрость, то я в сущности был очень спокоен и пристально глядел на Петербург, проезжая мимо празднично освещенных домов и прощаясь с каждым домом в особенности. Нас провезли мимо твоей квартиры, и у Краевского было большое освещение. Ты сказал мне, что у него елка, что дети с Эмилией Федоровной отправились к нему, (4) и вот у этого дома мне стало жестоко грустно. Я как будто простился с детенками. Жаль их мне было, и потом, уже годы спустя, как много раз я вспоминал о них, чуть не со слезами на глазах. Нас везли на Ярославль, и потому к утру, после трех или 4-х станций, мы остановились чем свет в Шлиссельбурге в трактире. Мы налегли на чай, как будто целую неделю не ели. После 8-ми месяцев заключения мы так проголодались на 60 верстах зимней езды, что любо вспомнить. Мне было весело, Дуров болтал без умолку, а Ястржембскому виделись какие-то необыкновенные страхи в будущем. Все мы приглядывались и пробовали нашего фельдъегеря. Оказалось, что это был славный старик, добрый и человеколюбивый до нас, как только можно представить, человек бывалый, бывший во всей Европе с депешами. Дорогой он нам сделал много добра. Его зовут Кузьма Прокофьевич

Прокофьев. Между прочим, он нас пересадил в закрытые (5) сани, что нам было очень полезно, потому что морозы были ужасные. Другой день был праздничный, ямщики садились к нам в армяках серо-немецкого сукна с алыми кушаками, на улицах деревень ни души. Был чудеснейший зимний день. Нас везли пустырём, по Петербургской, Новгородской, Ярославской и т. д. Городишки редкие, не важные. Но мы выехали в праздничную пору, и потому везде было что есть и пить. Мы мерзли ужасно. Одеты мы были тепло, но просидеть, например, часов 10, не выходя из кибитки, и сделать 5, 6 станков было почти невыносимо. Я промерзал до сердца и едва мог (6) отогреться потом в теплых комнатах. Но, чудно: дорога поправила меня совершенно. В Пермской губернии мы выдержали одну ночь в сорок градусов. Этого тебе не рекомендую. Довольно неприятно. Грустная была минута переезда через Урал. Лошади и кибитки завязли в сугробах. Была метель. Мы вышли из повозок, это было ночью, и стоя ожидали, покамест вытащат повозки. Кругом снег, метель; граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба в ней, назади всё прошедшее грустно было, и меня прошибли слезы. По всей дороге на нас выбегали смотреть целыми деревнями и, несмотря на наши кандалы, на станциях брали с нас втридорога. Один Кузьма Прокофьич взял чуть ли не половину наших расходов на свой счет, взял насильно, и, таким образом, мы (7) заплатили только по 15 руб. серебром каждый за трату в дороге. 11-го января мы приехали в Тобольск, и после представления начальству и обыска, где у нас отобрали все наши деньги, были отведены, я, Дуров и Ястржембский, в особую каморку, (8) прочие же, Спешнев и другие, приехавшие раньше нас, сидели в другом отделении, и мы всё время почти не видались друг с другом. Хотелось бы мне очень подробнее поговорить о нашем шестидневном пребывании в Тобольске и о впечатлении, которое оно на меня оставило. Но здесь не место. Скажу только, что участие, живейшая симпатия почти целым счастьем наградили нас. Ссылные старого времени (то есть не они, а жены их) заботились об нас, как об родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас. Я, поехавший налегке, не взявши даже своего платья, раскаялся в этом <нрзб.>. (9) Мне даже прислали платья. Наконец мы выехали и через три дня приехали в Омск. Еще в Тобольске я узнал о будущем непосредственном начальстве нашем. Комендант был человек очень порядочный, но плац-майор Кривцов – каналья каких мало, мелкий варвар, сутяга, пьяница, всё, что только можно представить отвратительного. Началось с того, что он нас обоих, меня и Дурова, обругал дураками за наше дело и обещался при первом проступке наказывать нас телесно. Он уже года два был плац-майором и делал ужаснейшие несправедливости. Через 2 года он попал под суд. Меня бог от него избавил. Он наезжал всегда пьяный (трезвым я его не видал), придирался к трезвому арестанту и драл его под предлогом, что тот пьян как стелька. Другой раз (10) при посещении ночью, за то, что человек спит не на правом боку, за то, что вскрикивает или бредит ночью, за всё, что только влезет в его пьяную голову. Вот с таким-то человеком надо было безвредно прожить, и этот-то человек писал рапорты и подавал аттестации об нас каждый месяц в Петербург. С каторжным народом я познакомился еще в Тобольске и здесь в Омске расположился прожить с ними четыре года. Это народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали. Впрочем, посуди, велика ли была защита, когда приходилось жить, пить-есть и спать с этими людьми несколько лет и когда даже некогда

жаловаться, за бесчисленностью всевозможных оскорблений. "Вы дворяне, железные носы, нас заклевали. Прежде господином был, народ мучил, а теперь хуже последнего, наш брат стал" – вот тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо, развлечение, занятие, и если только чем спасались от горя, так это равнодушием, нравственным превосходством; которого они не могли не понимать и уважали, и неподклонимости их воле. Они всегда сознавали, что мы выше их. Понятия об нашем преступлении они не имели. Мы об этом молчали сами, и потому друг друга не понимали, так что нам пришлось выдержать всё мщение и преследование, которым они живут и дышат, к дворянскому сословию. Жить нам было очень худо. Военная каторга тяжеле гражданской. Все четыре года я прожил безвыходно в остроге, за стенами, и выходил только на работу. Работа доставалась тяжелая, конечно не всегда, и я, случалось, выбивался из сил, в ненастье, в мокроту, в слякоть или зимою в нестерпимую стужу. Раз я провел часа четыре на экстренной работе, когда ртуть замерзла и было, может быть, градусов 40 морозу. Я ознобил себе ногу. Жили мы в куче, все вместе, в одной казарме. Вообрази себе старое, ветхое, деревянное здание, которое давно уже положено сломать и которое уже не может служить. Летом духота нестерпимая, зимою холод невыносимый. Все полы прогнили. Пол грязен на вершок, можно скользить и падать. Маленькие окна заиндевели, так что в целый день почти нельзя читать. На стеклах на вершок льду. С потолков капель – всё сквозное. Нас как сельдей в бочонке. Затопят шестью пеленами печку, тепла нет (в комнате лед едва оттаивал (11)), а угар нестерпимый – и вот вся зима. Тут же в казарме арестанты моют белье и всю маленькую казарму заплескают водою. Поворотиться негде. Выйти за нуждой уже нельзя с сумерек до рассвета, ибо казармы запираются и ставится в сенях ушат, и потому духота нестерпимая. Все каторжные воняют как свиньи и говорят, что нельзя не делать свинства, дескать, "живой человек". Спали мы на голых нарах, позволялась одна подушка. Укрывались коротенькими полушубками, и ноги всегда всю ночь голые. Всю ночь дрогнешь. Блох, и вшей, и тараканов четвериками. Зимою мы одеты в полушубках, часто сквернейших, которые почти не греют, а на ногах сапоги с короткими голяшками – изволь ходить по морозу. Есть давали нам хлеба и щи, в которых полагалось 1/4 фунта говядины на человека; но говядину кладут рубленую, и я ее никогда не видал. По праздникам каша почти совсем без масла. В пост капуста с водой и почти ничего больше. Я расстроил желудок нестерпимо и был несколько раз болен. Суди, можно ли было жить без денег, и если б не было денег, я бы непременно помер, и никто, никакой арестант, такой жизни не вынес бы. Но всякий что-нибудь работает, продает и имеет копейку. Я пил чай и ел иногда свой кусок говядины, и это меня спасало. Не курить табаку тоже нельзя было, ибо можно было задохнуться в такой духоте. Всё это делалось украдкой. Я часто лежал больной в госпитале. От расстройства нервов у меня случилась падучая, но, впрочем, бывает редко. Еще есть у меня ревматизмы в ногах. Кроме этого, я чувствую себя довольно здорово. Прибавь ко всем этим приятностям почти невозможность иметь книгу, что достанешь, то читать украдкой, вечную вражду и ссору кругом себя, брань, крик, шум, гам, всегда под конвоем, никогда один, и это четыре года без перемены, – право, можно простить, если скажешь, что было худо. Кроме того, всегда висящая на носу ответственность, кандалы и полное стеснение духа, и вот образ моего житья-бытья. Что сделалось с моей душой, с моими верованиями, с моим умом и сердцем в эти четыре года – не скажу тебе. Долго рассказывать. Но вечное сосредоточение в самом себе, куда я убежал от горькой действительности, принесло свои плоды. У меня теперь много

потребностей и надежд таких, об которых я и не думал. Но это всё загадки, и потому мимо. Одно: не забудь меня и помогай мне. Мне нужно книг и денег. Присылай ради Христа.

Омск гадкий городишка. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видал. Городишка грязный, военный и развратный в высшей степени. Я говорю про черный народ. Если б не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно. К. И. И<вано>в был мне как брат родной. Он сделал для меня всё что мог. Я должен ему деньги. Если он будет в Петербурге, благодари его. (12) Я должен ему рублей 25 серебром. Но чем заплатить за это радушие, всегдашнюю готовность исполнить всякую просьбу, внимание и заботливость как о родном брате. И не один он! Брат, на свете очень много благородных людей.

Я уже писал, что твое молчание иногда меня мучило. Спасибо за присылку денег. С первым же письмом (хотя бы и официальным, ибо не знаю еще, могу ли тебе передавать теперь известия), с первым же письмом пиши мне подробнее обо всех твоих обстоятельствах, об Эмилии Федоровне, (13) детях, обо всех родных и знакомых, об московских, кто жив, кто умер, о твоей торговле; напиши, на какой капитал ты стал торговать, выгодно ли, есть ли у тебя что-нибудь, и наконец, можешь ли ты мне помогать деньгами и сколько ты в состоянии мне пересылать ежегодно. Но денег не посылай в официальном письме, разве если я найду тебе другого адреса. Покамест пересылай от Михайла Петровича (понимаешь). Но у меня еще есть деньги; зато книг нет. Если можешь, пришли мне журналы на этот год, хоть "Отечеств<енных> записок". Но вот что необходимо: мне надо (крайне нужно) историков древних (во французск<ом> переводе) и новых,* экономистов и отцов церкви. Выбирай дешевле и компактные издания. Пришли немедленно. Я командирован в Семипалатинск, почти в киргизскую степь. Адрес я тебе вышлю. Во всяком случае вот (14) он: в Семипалатинск, Сибирского линейного № 7 батальона рядовому. Это официальный адрес. На этот присылай письма. Но для книг я вышлю другой. А покамест пиши от Михайла Петровича. Знай только, что самая первая книга, которая мне нужна, - это немецкий лексикон.

Не знаю, что ждет меня в Семипалатинске. Я довольно равнодушен к этой судьбе. Но вот к чему не равнодушен: хлопочи за меня, проси кого-нибудь. Нельзя ли мне через год, через 2 на Кавказ, - все-таки Россия! Это мое пламенное желание, проси ради Христа! Брат, не забывай меня! Вот я пишу к тебе и распоряжаюсь всем, даже состоянием твоим. Но у меня вера в тебя не погасла. Ты мой брат и любил меня. Мне нужно денег. Мне надо жить, брат. Не бесплодно пройдут эти годы. Мне нужно денег и книг. Что истратишь на меня не пропадет. Ты не ограбишь своих детей, если дашь мне. Если только буду жив, то им с лихвой возвращу. Ведь позволят же мне печатать лет через шесть, а может, и раньше. Ведь много может перемениться, а я теперь вздору не напишу. Услышишь обо мне.

Мы увидимся, брат, очень скоро. Я верю в это как в дважды два. На душе моей ясно. Вся будущность моя и всё, что я сделаю, у меня как перед глазами. Я доволен своею жизнью. Одного только можно опасаться: людей и произвола. Попадешь к начальнику, который невзлюбит (такие есть), придерется и погубит или загубит службой, а я так слабосилен, что, конечно, не в состоянии нести всю тягость солдатства. "Там все люди простые", говорят мне в ободрение. Да простого-то человека я боюсь более, чем сложного. Впрочем, люди везде люди. И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото. И не один, не два, а несколько. Иных нельзя не уважать,

другие решительно прекрасны. Я учил одного молодого черкеса (присланного в каторгу за разбой) русскому языку и грамоте. Какую же благодарностью окружил он меня! Другой каторжный заплакал, расставаясь со мной. Я ему давал денег - да много ли? Но за это благодарность его была беспредельна. А между тем характер мой испортился; я был с ними капризен, нетерпелив. Они уважали состояние моего духа и переносили всё безропотно. А пророс. Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойник<ов> и вообще всего черного, горемычного быта! На целые томы достанет. Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его. Но это мое маленькое самолюбие! Надеюсь простительно.

Брат! Пиши мне непременно о всех главных обстоятельствах твоей жизни. Адресуй в Семипалатинск официально, и не официально, как уже знаешь. Пиши обо всех наших знакомых петербургских, пиши об литературе (поболее частностей) и, наконец, об московских. Что брат Коля? Что (и это главное), что сестрица Сашенька? Жив ли дядя? Что брат Андрей? К тетке я пишу через сестрицу Верочку по случаю. Письмо это втайне. Ради бога, это письмо мое держи в тайне и даже сожги: не компрометируй людей. Не забудь же меня книгами, любезный друг. Главное: историков, экономистов, "Отечеств<енные> записки", отцов церкви и историю церкви. Перешли в разное время, но пересылай немедленно. Я распоряжаюсь в твоём кармане, как в своём, но это оттого, что я не знаю твоих денежных обстоятельств. Напиши мне об этих обстоятельствах что-нибудь точное, чтоб я имел понятие. Но знай, брат, что книги - это жизнь, пища моя, моя будущность! Не оставь же меня, ради господина бога. Пожалуйста! Спроси разрешения, можно ли будет тебе послать мне книг официально. Впрочем, осторожнее. Если можно официально, то высылай. Если ж нет, то через брата К<онстантина> И<ванови>ча, на его же имя; мне перешлют. Впрочем, К<онстантин> И<ванови>ч будет сам в Петербурге - в этом году; он тебе всё расскажет. Что за семейство у него! Какая жена! Это молодая дама, дочь декабриста Анненкова, что за сердце, что за душа, и сколько они вытерпели!

Я постараюсь тебе найти другой адресе из Семипалатинска, куда я отправлюсь через неделю. Я еще немного нездоров и потому на некоторое время задержан. Пришли мне Коран. "Critique de raison pure" Канта и если как-нибудь (15) в состоянии мне переслать не официально, то пришли непременно Гегеля, в особенности Гегелеву "Историю философии". С этим вся моя будущность соединена! Но, ради бога, старайся и проси об моем переводе на Кавказ, да наведайся у людей знающих, можно ли мне будет печатать и как об этом просить. Я попрошу года через два или три. Вот до тех-то пор корми меня, пожалуйста. Без денег меня задавит солдатство. Смотри же! Не поможет ли мне хоть чем-нибудь другая родня, хоть на первый раз? В таком случае, пусть деньги дадут тебе, а ты уж мне пересылай. Впрочем, я в письмах к Верочке и к тетке у них не прошу. Догадаются сами, если сердце велит.

Филиппов, уезжая в Севастополь, подарил мне 25 руб. серебр<ом>. Он оставил их у коменданта Набокова, так что и я не знал. Он думал, что у меня не будет денег. Добрая душа. Все наши ссыльные живут помаленьку. Тол<л> кончил каторгу, он в Томске и живет порядочно. Ястржембский в Таре кончает. Спешнев в Иркутской губернии, приобрел всеобщую любовь и уважение. Чудная судьба этого человека! Где и как он ни явится, люди самые непосредственные, самые непроходимые окружают его тотчас же

благоговением и уважением. Петрашевский по-прежнему без здравого смысла. Момбелли и Львов здоровы, а Григорьев, бедный, совсем помешался и в больнице. А что-то у вас? Видишься ли ты с m-те Плещеевой, что сын? От проходящих арестантов я слышал, что он в Орской крепости и живет, а Головинский давно на Кавказе. Как ты с литературой и в литературе? Пишешь ли что-нибудь? Что Краевский и в каких вы отношениях? Островский мне не нравится, Писемского я совсем не читал, от Дружинина тошнит, Евгения Тур привела меня в восторг. Крестовский тоже нравится.

Много бы хотелось мне написать тебе; но времени так прошло много, что я даже в затруднении с этим письмом. Но ведь не может же быть, чтобы мы много оба изменились друг к другу. Расцелуй детей. Помнят ли они дядю Федю? Всем знакомым поклон; но письмо это в глубоком секрете. Прощай, прощай, дорогой мой! Услышишь обо мне и, может быть, увидишь меня. Да увидимся же непременно! Прощай. Прочти хорошенько всё, что я тебе пишу. Пиши ко мне чаще (хоть официально). Обнимаю тебя и всех твоих бесчисленно раз.

Твой.

P. S. Получил ли ты мою "Детскую сказку", которую я написал в равелине? Если у тебя, то не распоряжайся ею и не показывай ее никому. Кто такой Чернов, написавший "Двойник" в 50 году? Да, пришли мне, пожалуйста, сигар, не важных, но американских и папирос, только непременно с сюрпризом.

22-го числа февраля.

Завтра, кажется, я наверно еду в Семипалатинск. К<онстантин> И<ванович> будет здесь до мая. Я думаю, что ты можешь, если захочешь мне что-нибудь переслать - книг н<a>пример, прислать еще на прежнее имя Михаила Петровича.

На Семипалатинск я, может быть, дам тебе другой адрес (не официальный). Официально же пиши мне непременно, как можно скорее и чаще. Ради бога, похлопочи за меня. Нельзя ли мне на Кавказ или куда-нибудь вон из Сибири? Теперь буду писать романы и драмы, да много еще, очень много надо читать. Не забывай же меня и еще раз прощай. Перецелуй детей. Твой. До свидания.
* Viso, Гизо, Тьера, Тьера, Ранке, и т. д. и т. д.

- (1) в подлиннике ошибочно: уходил
- (2) вместо: ты должен изложить было: излагай
- (3) далее было начато: да пора<змыслишь>
- (4) было: туда
- (5) было начато: в кры<тые>
- (6) далее было начато: оттаить себ<е>
- (7) далее было начато: добровольно оплачивая вклад от
- (8) было: комнат<у>
- (9) три строки, впоследствии густо зачеркнутые другими чернилами
- (10) далее было начато: под пред<логом>
- (11) было начато: отмер<зал>
- (12) было: заплати ем<у>
- (13) было: об жене
- (14) далее было начато: оди<н>
- (15) было начато: когда-ниб<удь>

90. Н. Д. ФОНВИЗИНОЙ

Конец января - 20-е числа февраля 1854. Омск

Наконец, добрейшая Н<аталья> Д<митриевна>, я пишу Вам, уже выйдя из прежнего места. Последний раз, как я писал Вам, я был болен и душою и телом. Тоска меня ела, и я думаю, что написал (1) пребестолковое письмо. Эта долгая, тяжелая физически и нравственно, бесцветная жизнь сломила меня. Мне всегда грустно писать в подобные минуты письма; а навязывать в такое время свою тоску другим, хотя бы очень расположенным к нам, я думаю, малодушие. Это письмо я посылаю по оказии и рад-радехонек, что могу этот раз поговорить с вами; (2) тем более, что я назначен в Семипалатинск в 7-й батальон, и потому уже не знаю, каким образом можно будет писать к Вам и получать от Вас письма. Вы еще давно писали мне о моем брате. Тогда я уже приготовил и письмо к Вам и к брату, (3) но остерегся посылать, да, кажется, хорошо сделал. Я читал все Ваши адреса в письме к С<ергею> Д<урову> и возьму их на всякий случай. Они, может быть, и надежны, но последнее письмо Ваше дошло вскрытое, и потому надо сильно остерегаться. Лучше же, если Вы захотите мне сделать счастье писать ко мне, то адресуйтесь к моему брату в Петербурге, или, может быть (не наверно только), он сам лично увидит Вас, или, наконец, пришлет к Вам доверенного человека. Брат мой теперь торгует, и потому, я думаю, адрес его найти нетрудно, напр<имер>, в публикациях. Я сам адреса его не знаю. Впрочем, и Вам не советую полагаться на почту. Но так как, надо полагать, между Москвой и Петербургом ездят же Вам знакомые лица, то лучше всего доставить ему письмо ко мне по такой оказии. Таким образом, я буду иметь дело только с братом, и лучше всего в подобных случаях иметь одно сношение, чем два. Оно безопаснее. Впрочем, если найдете совершенно безвредную возможность писать ко мне другим путем, то, конечно, и это будет прекрасно, даже лучше, затем, что я еще сам не знаю, каким образом буду я писать к брату. Я потому только так располагаю на него, что уж с ним-то непременно завяжу переписку. К тому же Вы живете в Марьине, а это обыкновенный путь из Москвы в нашу деревушку в Тульской губернии. Я раз 20 проезжал этой дорогой взад и вперед и потому могу представить себе ясно место Вашего убежища или, лучше сказать, Вашего нового заключения. С каким удовольствием я читаю письма Ваши, драгоценнейшая Н<аталья> Д<митриевна>! Вы превосходно пишете их, или, лучше сказать, письма Ваши идут прямо из Вашего доброго, человеколюбивого сердца легко и без натяжки. Есть натуры замкнутые и желчные, которые редко застают у себя добрую минуту экспансивности. Я знаю таких. И между тем это вовсе недурные люди, даже очень напротив.

Не знаю, но по вашему письму я угадываю, (4) что Вы с грустью нашли опять родину. Я понимаю это; я несколько раз думал, что если вернусь когда-нибудь на родину, то встречу в моих впечатлениях более страдания, чем отрады. Я не жил Вашею жизнью и не знаю многого в ней, как и всякий человек в жизни другого, но человеческое чувство в нас всеобщее, и, кажется, при возврате на родину всякому изгнаннику приходится переживать вновь, в сознании и воспоминании, всё свое прошедшее горе. Это похоже на весы, на которых свесишь и узнаешь точно настоящий вес всего того, что выстрадал, перенес, потерял и что у нас отняли добрые люди. Но дай Вам бог еще долгих дней! Я слышал от многих, что Вы очень религиозны, Н<аталья> Д<митриевна>. Не потому, что Вы религиозны, (5) но потому, что сам пережил (6) и прочувствовал это, скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как "трава иссохшая", веры, и находишь ее, собственно потому, что в несчастье яснее истина. Я скажу Вам про себя, что я - дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов

противных. И, однако же, бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной.

Но об этом лучше перестать говорить. Впрочем, не знаю, почему некоторые предметы разговора совершенно изгнаны из употребления в обществе, а если и заговорят как-нибудь, то других как будто коробит? Но мимо об этом. Я слышал, Вы куда-то хотите ехать на юг? Дай Вам бог выпросить позволение. Но когда же, скажите, пожалуйста, когда же мы будем совсем свободны или по крайней мере так, как другие люди? Уж не тогда ли, когда совсем не надо будет свободы? Что касается до меня, то я желаю лучше всего или уж ничего. В солдатской шинели я такой же пленник, как и прежде. И как я рад, что в душе моей нахожу еще надолго терпения, что благ земных не желаю (7) и что мне надо только книг, возможности писать и быть каждодневно несколько часов одному. О последнем я очень беспокоюсь. Вот уже очень скоро пять лет, как я под конвоем или в толпе людей, и ни одного часу не был один. Быть одному – это потребность нормальная, как пить и есть, иначе в насильственном этом коммунизме сделаешься человеконенавистником. Общество людей делается ядом и заразой, и вот от этого-то нестерпимого мучения я терпел более всего в эти четыре года. Были и у меня такие минуты, когда я ненавидел всякого встречного, правого и виноватого, и смотрел на них, как на воров, которые крали у меня мою жизнь безнаказанно. Самое несносное несчастье это когда делаешься сам несправедлив, зол, гадок, сознаешь всё это, упрекаешь себя даже – и не можешь себя пересилить. Я это испытал. Я уверен, что бог Вас избавил от этого. Я думаю, в Вас, как в женщине, гораздо более было силы переносить и прощать.

Напишите мне что-нибудь, Н<аталья> Д<митриевна>. Я еду в глушь, в Азию, и уж там-то, в Семипалатинске, кажется, совершенно оставит меня всё прошлое, все впечатления и воспоминания мои, потому что последние люди, которых я любил и которые были передо мной, как тень моего прошедшего, должны будут расстаться со мной. Ужасно я сживчив, тотчас срастусь с тем, чем окружают меня, и с болью потом отрываюсь от этого. Живите, Н<аталья> Д<митриевна>. Живите счастливее и дольше! Когда мы увидимся, тогда вновь познакомимся, и, может быть, еще много счастливых дней будет на каждом из нас. Я в каком-то ожидании чего-то; я как будто всё еще болен теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скором времени должно случиться что-нибудь решительное, что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то и что будет что-нибудь, может быть тихое и ясное, может быть грозное, но во всяком случае неизбежное. Иначе жизнь моя будет жизнь манкированная. А может быть, это всё больные бредни мои! Прощайте, прощайте, Н<аталья> Д<митриевна>, или лучше сказать до свидания, будем верить, что до свидания!

Ваш Д<остоевский>.

Ради господ бога, простите меня за то, что я пишу Вам такие неопрятные и перемаранные письма! Но, ей-богу, не могу не перечеркивать. Не сердитесь же, пожалуйста.

(1) далее было: Вам

(2) далее было: затем

- (3) далее было: в Вашем же письме.
- (4) было: вижу
- (5) далее было: а. говорю б. скажу Вам
- (6) было: чувствую
- (7) далее было: быть богатым
- (8) далее было: позволение

91. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
27 марта 1854. Семипалатинск

27 марта 54.

Спешу тебя уведомить, дорогой друг мой, что письмо твое, с посылкою 50 руб. сереб<ром>, я получил, за что сердечно благодарю тебя. Я было хотел тотчас же и отвечать тебе, но пропустил одну почту. Виноват, не взъщи. Надеюсь, бесценный мой, что ты теперь будешь мне писать чаще. Знай, что письма твои для меня настоящий праздник, и потому не ленись. Мы же так долго друг другу ничего не писали! Но неужели ты не мог писать ко мне? Это для меня очень странно и горько. Может быть, ты не просил разрешения сам; а письма разрешены. Это я знаю наверно. Впрочем, теперь ты не будешь обо мне забывать, не правда ли?

Пишешь ты мне о своих домашних; за это спасибо. Не проходит недели, чтоб вы все мне во сне не снились. Как я рад, что все мои прежние, Федя, Маша и Миша, живы и здоровы. Очень порадовался я за брата Колю. Поцелуй его за меня. Я его очень люблю. Я так и думал, что брат Андрей должен был жениться. Это я давно уже сам про себя угадал. Если будешь писать ему, то кланяйся от меня. Об сестрах ты ничего не пишешь, и это для меня очень странно. Я писал тебе, недели три назад, письмо, которое ты, может быть, уже получил. В нем есть письмо к сестре Вареньке. Передай непременно и поскорее. Мне очень интересно знать об них, особливо об Саше. Наконец, я хочу непременно знать что-нибудь и об тетеньке. Напиши мне об них. Ты этим обяжешь меня. Адресовал я к тебе в дом Неслинда, на старую квартиру. Конечно, дойдет, но все-таки я не знаю, живешь ли ты там, и потому это письмо адресую в дом Логинова, где твое заведение, об чем узнал по объявлениям.

Я чрезвычайно рад тому, что ты принялся за дело. У тебя семья; состояние тебе необходимо; наживай его. Усиль деятельность, если можно. Одним словом, не покидай того, что начал.

Ты поздравляешь меня с выходом из каторги и сетуешь о том, что по слабости здоровья я не могу проситься в действующую армию. Но на здоровье я бы не посмотрел. Дело не в том. Но имею ли я право проситься? Перевод в действующую армию есть высочайшая милость и зависит от воли самого государя императора. Поэтому сам проситься я не могу. Если б только от меня это зависило!

Покамест я занимаюсь службой, хожу на учење и припоминаю старое. Здоровье мое довольно хорошо, и в эти два месяца много поправилось; вот что значит выйти из тесноты, духоты и тяжелой неволи. Климат здесь довольно здоров. Здесь уже начало киргизской степи. Город довольно большой и людной. Азиатов множество. Степь открытая. Лето длинное и горячее, зима короче, чем в Тобольске и в Омске, но суровая. Растительности решительно никакой, ни деревца – чистая степь. В нескольких верстах от города бор, на многие десятки, а может быть, и сотни верст. Здесь всё ель, сосна да ветла, других деревьев нету. Дичи

тьма. Порядочно торгуют, но европейские предметы так дороги, что приступить нет. Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того.

А теперь попрошу у тебя книг. Пришли мне, брат. Журналов не надо; а пришли мне европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски). Наконец, Коран и немецкий лексикон. Конечно, не всё вдруг, а что только можешь. Пришли мне тоже физику Писарева и какую-нибудь физиологию (хоть на французском, если на русском дорого). Издания выбирай дешевле и компактные. Не всё вдруг, помаленьку. Я и за малое поклонюсь тебе. Пойми, как нужна мне эта духовная пища! Впрочем, нечего тебе говорить. Прощай, дорогой мой! Пиши почаще. Ради бога, не забывай твоего Ф. Достоевского.

92. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
30 июля 1854. Семипалатинск

Семипалатинск. Июля 30/54 года.

Вот уже два месяца, как не писал я к тебе, любезный друг и брат мой. Нельзя было, почти невозможно. Но скажи мне, отчего ты молчишь? Сколько писем уже послал я тебе! Ты же, кроме своего январского письма, отвечал мне только на одно, на первое. Этот ответ, то есть второе письмо твое, писанное в апреле, я получил в начале июня и до сих пор не отвечал тебе на него. Уверяю тебя, дорогой мой, что почти совсем не было времени до самой настоящей минуты. Наконец, если и было хоть сколько-нибудь свободных минут, то я нарочно откладывал до времени более удобного, всё ожидая, что оно скоро придет. Мне же не хотелось бы писать тебе урывками и наскоро. Конечно, ты знаешь или, наконец, можешь угадать, чем я теперь занят. Ученье, смотры бригадного и дивизионного командиров и приготовления к ним. Приехал я сюда в марте месяце. Фрунтовой службы почти не знал ничего и между тем в июле месяце стоял на смотре наряду с другими и знал свое дело не хуже других. Как я уставал и чего это мне стоило – другой вопрос; но мною довольны, и слава богу! Конечно всё это для тебя не очень интересно; но по крайней мере ты знаешь, чем я был исключительно занят. Что ни пиши, однако же, на письме, однако же никогда ничего не расскажешь. Как ни чуждо всё это тебе, но, я думаю, ты поймешь, что солдатство не шутка, что солдатская жизнь со всеми обязанностями солдата не совсем-то легка для человека с таким здоровьем и с такой отвычкой или, лучше сказать, с таким полным ничегонезнанием в подобных занятиях. Чтоб приобрести этот навык, надо много трудов. Я не ропщу; это мой крест, и я его заслужил. Я пишу это только для того, чтобы вынудить от тебя хоть несколько строк, без которых мне, право, тяжело жить на свете. Сообрази, наконец, что если на каждое письмо ждать друг от друга ответа и без того не писать, то ведь промежутки будут, пожалуй, месяца по три. Каково же переносить всё это! Ты знаешь, что значит для меня письмо от тебя. Неужели же мы будем с тобою считаться письмами, как визитами. И так уж давно не видались, и так уж давно ничего не писали друг другу! От сестер Вареньки и Верочки я получил наконец письма. Какие ангелы! Я уверен, что они меня так же любят, как говорят. Как мило написала Варенька. Вся душа в этом прекрасном письме. Я думал им отвечать с первой же почтой, но вот уже третью откладываю. Очень был занят, а маленького

письма им писать не хочу. Я не знаю, чем показать им мою любовь и внимание. Да благословит их бог! Теперь ты знаешь мои главнейшие занятия. По правде, более не было никаких, кроме служебных. Внешних событий, переворотов жизненных, экстренных случаев, тоже никаких. А душу, сердце, ум – что выросло, что созрело, что завяло, что выбросилось вон, вместе с плевелами, того не передашь и не расскажешь на клочке бумаги. Живу я здесь уединенно; от людей по обыкновению прячусь. К тому же я пять лет был под конвоем, и потому мне величайшее наслаждение очутиться иногда одному. Вообще каторга много вывела из меня и много привила ко мне. Я, например, уже писал тебе о моей болезни. Странные припадки, похожие на падучую и, однако ж, не падучая. Когда-нибудь напишу о ней подробнее. Впрочем, сделай одолжение и не подозревай, что я такой же меланхолик и такой же мнительный, как был в Петербурге в последние годы. Всё совершенно прошло, как рукой сняло. Впрочем, всё от бога и у бога. Благодарю брата Колю за приписку. Я было хотел и сам написать ему, но пусть до времени подождет и извинит меня, горемычного. В одном пусть будет уверен, что он очень мил и близок моему сердцу и что я вспоминаю о нем с горячим чувством. Расцелуй его за меня и пожелай ему всего хорошего. Расцелуй тоже детей. Поклонись от меня Эмилии Федоровне. Я иногда с ужасом вспоминаю об 49 годе и об тех двух месяцах, которые она провела одна, тогда как ты был арестован. Здорова ли, довольна ли она теперь? В каторге я так много промечтал и продумал о прошедшем и будущем, и, главное, об вас всех. Иные воспоминания мне больны и горьки, но я не гоню их. Мне и горькое сладко. Поклонись от меня сестре Сашеньке; поцелуй и поздравь ее от меня. Здорова ли она теперь? Поцелуй ее от меня и скажи ей обо мне что-нибудь хорошее. Вообще рекомендуй меня. Пожелай ей от меня много, много всякого счастья. Милый мой, ты пишешь мне о деньгах и спрашиваешь, надо ли мне? Но ты сам знаешь мое положение. Можешь прислать, так пришли. Ведь ты моя главная надежда. Так, как на тебя, я ни на кого не надеюсь. Прощай, мой милый! Пиши побольше о себе. Пиши мне непременно о своем здоровье и более подробностей о том, как воспитываются твои дети. Прощай, друг мой, вот и письмо кончено, а что написал? Грустно жить в письмах, не выдавшись 5 лет. Теперь буду писать и больше и чаще. Но сам отвечай мне как можно скорее. Прощай, до свидания. Твой брат. Федор Достоевский.

93. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ
6 ноября 1854. Семипалатинск

Семипалатинск. Ноября 6-го 1854.
Любезнейший и дорогой брат Андрей Михайлович,
Письмо твое, бесценный мой, от 14-го сентября, получил я только в конце октября, пропустил одну почту и теперь спешу отвечать тебе. Во-первых, благодарю тебя за твой привет и за то, что не забыл меня, горемычного. Ты не поверишь, до какой степени обрадовало меня письмо твое! Никто-то не забыл обо мне из всей нашей семьи! Все до одного писали ко мне, все до одного берут во мне самое искреннее, братское участие, а мне, отвыкшему от всего ласкового, приветливого и родственного, всё это было целым счастьем. Вот уже скоро 10 месяцев, как я вышел из каторги и начал мою новую жизнь. А те 4 года считаю я за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу. Что за ужасное было это время, не в силах я

рассказать тебе, друг мой. Это было страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякий час, всякая минута тяготела как камень у меня на душе. Во все 4 года не было мгновения, в которое бы я не чувствовал, что я в каторге. Но что рассказывать! Даже если бы я написал к тебе 100 листов, то и тогда ты не имел бы понятия о тогдашней жизни моей. Это нужно, по крайней мере, видеть самому, – я уже не говорю испытать. Но это время прошло, и теперь оно сзади меня, как тяжелый сон, так же как выход из каторги представлялся мне прежде, как светлое пробуждение и воскресение в новую жизнь. Всё это время я не имел обо всех вас ни весточки. Я был как ломоть отрезанный. Выйдя из каторги, я вскоре получил письмо от Михайлы Михайловича, моего верного брата, друга и благодетеля. После того, в скором времени, обрадовали меня сестры. Из этих писем узнал я всё о каждом из нашего семейства, и об тебе, милый друг. Наконец, вот пишешь и ты, а вместе с тем и любезнейшая сестрица Домника Ивановна удостоила меня своим милым приветствием. Ради бога, любезный брат, не сердись на меня, что не я первый написал тебе. Я, впрочем, написал бы непременно. Но в новой жизни моей встретилось столько новых забот и хлопот, что, право, я до сих пор едва успел отглядеться! Поступил я, согласно с конфирмациею, в 7-й Линейный батальон. Тут началась для меня новая забота: служба. Здоровье и силы мои помогали мне мало. Вышел я из каторги решительно больной. А между тем надо было заняться фрунтом, учением, смотрами. Всё лето я был так занят, что едва находил время спать. Но теперь немного привык. Здоровье мое тоже стало лучше. И, не теряя надежды, смотрю я вперед довольно бодро. Но довольно обо мне; поговорим о другом, более интересном.

Во-первых, я рад несказанно, что ты, судя по всему, счастлив. Поздравляю тебя с женитьбой, хотя уже срок минул 4-х-летний. Я всегда и прежде считал, что нет ничего выше на свете счастья семейного. Искренно желаю тебе его без конца. Твоя доля тихая, скромная, но верная, а это прекрасно. Тяжело пробивать дорогу вкривь и вкось, направо и налево, как было со мной во всю жизнь мою. Пишут о брате Николе очень много хорошего, да и сам он приписывает мне аккуратно в каждом письме. С братом Мих<аилом> Михайловичем переписываемся мы, как только можем, но письма мои ходят в Россию медленно, ровно два месяца, поэтому и теперешнее письмо мое ты получишь, дорогой мой, разве что к рождеству. Не писал я только к одной сестрице Сашеньке, хотя приписываю ей поклоны в братниных письмах. Она ко мне не писала, а мне как-то щекотливо. Не подумала бы, что я заискиваю из выгод, будучи в положении, во всяком случае бедном. Я не об ней говорю, а об ее муже, которого еще не знаю. Но я, впрочем, напишу, а всё это последнее пусть будет между нами. Прощай, дорогой мой, пиши чаще; благодарю тебя, не забывай меня. А я об вас всех никогда не забуду.

Любящий тебя брат Ф. Достоевский.

Прошу убедительнейше и не откладывая поцеловать за меня моих дорогих и, конечно, премиленьких племянниц Евочку и Машеньку.

94. Д. И. ДОСТОЕВСКОЙ

6 ноября 1854. Семипалатинск

Любезнейшая сестрица Домника Ивановна!

Ваше милое, родственное письмо, в котором Вы прямо называете меня именем Вашего брата, доставило мне неизъяснимое наслаждение. Через него я узнал,

что у меня есть еще сестра, есть еще сердце, любящее и сострадающее, которое не отказало мне в привете и участии. Мне вдвойне это было приятно. Приятно было узнать такую сестру и видеть ее женою моего дорогого брата. Но что-то странное есть в этом обмене чувств и мыслей между нами. Знать, что мы с Вами никогда не сойдемся, никогда не увидимся, - разве чудо вмешается в судьбу мою и бог сделает его наконец для меня, - знать это, и как, скажите, как не почувствовать тоски хоть по родине и по всему, что в ней мило, тоски, которая омрачает светлое чувство, посещающее меня при перечитывании письма Вашего? Дай Вам бог всякого счастья и радости. Желая Вам этого как брат; ибо Вы уже милы и близки мне как сестра. Еще раз благодарю Вас за Ваше письмо. Любите меня, как я Вас люблю, и не забывайте преданного Вам душою брата Ф. Достоевского.

1855

95. Е. И. ЯКУШКИНУ
15 апреля 1855. Семипалатинск

Апреля 15.

Благодарю Вас, многоуважаемый Евгений Иванович, за Вашу намять обо мне и за Ваше ко мне внимание. Я неожиданно, к моему счастью, нашел в Вас как будто родного. Еще раз благодарю. О себе скажу, что живу я большею частью одними надеждами, а настоящее мое не очень красиво. К тому же примешалось и дурное здоровье. Мой товарищ Д<уров> вышел из военной службы и, как я слышал, определен в Омск к статским занятиям. (Всё это по болезни). Пушкина я получил. Очень благодарю Вас за него. Брат мой писал мне, что он еще весною прошлого года послал мне через Вас некоторые книги, как н<a>прим<ер>, святых отцов, древних историков, и из вещей - ящик сигар. Но я ничего не получил от Вас. Теперь уведоьте, пожалуйста: посылали ли Вы ко мне? Если посылали, то пропало дорогой. Если не посылали, то, конечно, сами не получали. Сделайте одолжение, уведоьте об этом брата. Мои занятия здесь самые неопределенные. Хотелось бы делать систематически. Но я и читаю и пописываю какими-то порывами и урывками. Времени нет, особенно теперь; совсем нет. Пишете Вы о сборе песен. С большим удовольствием постараюсь, если что найду. Но вряд ли. Впрочем, постараюсь. Сам же я до сих пор ничего не собирал подобного. Меня останавливала мысль, что если делать, то делать хорошо. А случайно собирать, хоть бы народные песни, - ничего не сберешь. Без усилий ничего не дается. К тому же занятия мои теперь другого рода. Сколько нужно прочесть, и как я отстал! Вообще в моей жизни безалаберщина. Уведоьте, ради бога, кто такая Ольга Н. и Л. Т. (напечатавший "Отрочество" в "Современнике")? Прощайте, дорогой Евгений Иванович. Не забывайте меня, а я Вас никогда не забуду.
Ваш Д<остоевский>.
Прилагаю при сем письмо к К. И. Иванову. Перешлите, пожалуйста, в Петербург, в дом Лисицына, у Спаса Преображения. Но, вероятно, адрес Вы сами знаете.

96. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
14 мая 1855. Семипалатинск

Семипалатинск. 14 мая 1855.

Любезный брат и дорогой мой друг!

Письмо твое от 26 января и 21 марта я наконец получил и благодарю тебя за него и за посылку от всей души. Пришло оно кстати, но я должен сознаться – и, ради бога, не сердись на меня за это сознание, – что я почти перестал надеяться получить от тебя письмо, хоть когда-нибудь. Шутка ли! С 3-го октября, от которого ты писал ко мне в предпоследний раз, до сих пор ничего, ни одной строки! Чего, чего я ни надумался! Во-первых, твое здоровье: я думал, я совершенно уверен был, что ты или тяжело болен или умер. Ты знаешь, как я мнителен. Как же я мучился!

Но, к счастью, перед весной попались газеты с твоими объявлениями. Тогда другие мысли замучили меня. Именно: каково-то идут твои дела торговые? Стало быть, думаю про себя, худо, когда или оторваться от них не может, или написать об них не хочет. Заметь себе, милый мой, что ни разу я не подумал, что ты оттого не пишешь, что я надоел тебе и что письма ко мне пишутся тобою так, из какого-то приличия. Ни разу не усумнился я в твоём прекрасном сердце. Я писал сестре Вареньке, которая тоже уже очень долго не пишет ко мне (а остальные совсем перестали писать), что ты меня, верно, забыл и что это мне было очень тяжело. Но эти слова вырвались из сердца от горечи, и ты не сердись на них; мне было очень тяжело. Очень рад, что твои дела кое-как удаются. Не покидай их, друг мой. Это единственная надежда твоя и семьи твоей. Всегда с наслаждением читаю твои рассказы о семействе. Как я рад за детей твоих! Я их так люблю, как будто никогда не покидал. Верить не хочу, чтоб Маша не была хорошенькая. Это невозможно. В других письмах пиши мне побольше про Москву. Как я рад, что ты с ними сошелся и хорошо принят у дяди и тетки. Знаешь что, напиши мне подробно обо всем их быте (то есть об дяде), что они и как? Тоже познакомь меня с нашими новыми родственниками, с Голеновским, с Ивановым, подробнее. Я очень мало слышал от тебя об них особенного и подробного. Что тебе сказать о моем житье? Живу день за день и более ничего. Здоровье не совсем хорошо и потому жизнь не совсем красна. Разные припадки не оставляют меня, и хоть через большие промежутки, но все же очень неприятны. Теперь занимаюсь службой. Не сердись, ради бога, что пишу о себе так мало!

Как здоровье Эмилии Федоровны? Дай бог ей всего лучшего. Скажи, брат, всю-то жизнь я был на твоём содержании, был тебе должен. Что за судьба! Спасибо тебе, спасибо, что не оставляешь меня; а без тебя что бы я был! Прощай, родной мой. Люби меня, как я тебя люблю.
Твой Ф. Достоевский.

97. М. Д. ИСАЕВОЙ
4 июня 1855. Семипалатинск

Семипалатинск. 4 июня 55.

Благодарю Вас беспредельно за Ваше милое письмо с дороги, дорогой и незабвенный друг мой, Марья Дмитриевна. Надеюсь, что Вы и Александр

Иванович позвольте мне называть вас обоим именем друзей. Ведь друзьями же мы были здесь, надеюсь ими и останемся. Неужели разлука нас переменит? Нет, судя по тому, как мне тяжело без вас, моих милых друзей, я сужу и по силе моей привязанности... Представьте себе: это уже второе письмо, что я пишу к Вам. Еще к прошедшей почте был у меня приготовлен ответ на Ваше доброе, задушевное письмо, дорогая Марья Дмитриевна. Но оно не пошло. Александр Егорыч, через которого я был намерен отдать его на почту, вдруг уехал в Змиев, в прошлую субботу, так что я даже и не знал о его отъезде и только узнал в воскресенье. Человек его тоже исчез на два дня и письмо осталось у меня в кармане. Такое горе! Пишу теперь, а еще не знаю, отправится ли и это письмо. Ал<ександра> Ег<оровича> еще нет. Но за ним послали нарочного. К нам с часу на час ждут генерал-губернатора, который в эту минуту, может быть, и приехал. (1) Слышно, что пробудет здесь дней пять. Но довольно об этом. Как-то Вы приехали в Кузнецк, и, и чего боже сохрани, не случилось ли с Вами чего дорогою? Вы писали, что Вы расстроены и даже больны. Я до сих пор за Вас в ужаснейшем страхе. Сколько хлопот, сколько неизбежных неприятностей, хотя бы от одного перемещения, а тут еще и болезнь, да как это вынести! Только об Вас и думаю. К тому же, Вы знаете, я мнителен; можете судить об моем беспокойстве. Боже мой! да достойна ли Вас эта участь, эти хлопоты, эти дразги, Вас, которая может служить украшением всякого общества! Распроклятая судьба! Жду с нетерпением Вашего письма. Ах, кабы было с этою почтою; ходил справляться, но Ал<ександра> Ег<оровича> все еще нет. Вы пишете, как я провожу время и что не знаете, как расположились без Вас мои часы. Вот уж две недели, как я не знаю, куда деваться от грусти. Если б Вы знали, до какой степени осиротел я здесь один! Право, это время похоже на то, как меня первый раз арестовали в Сорок девятом году и схоронили в тюрьме, оторвав от всего родного и милого. Я так к Вам привык. На наше знакомство я никогда не смотрел, как на обыкновенное, а теперь, лишившись Вас, о многом догадался по опыту. Я пять лет жил без людей, один, не имея в полном смысле никого, перед кем бы мог излить свое сердце. Вы же приняли меня как родного. Я припоминаю, что я у Вас был как у себя дома. Александр Иванович за родным братом не ходил бы так, как за мною. Сколько неприятностей доставлял я Вам моим тяжелым характером, а вы оба любили меня. Ведь я это понимаю и чувствую, ведь не без сердца ж я. Вы же, удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, Вы были мне моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни. Мужчина, самый лучший, в иные минуты, с позволения сказать, ни более, ни менее, как дубина. Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта, об которой мы не имеем понятия и которой, по глупости своей, часто не замечаем, незаменимо. Я всё это нашел в Вас; родная сестра не была бы до меня и до моих недостатков добрее и мягче Вас. Потому что если и были вспышки между нами, то, во-первых, я был неблагодарная свинья, а, во-вторых, Вы (сами) больны, раздражены, обижены, обижены уже тем, что не ценило Вас поганое общество, не понимало, а с Вашей энергией нельзя не возмущаться несправедливостью; это благородно и честно. Вот основание Вашего характера; но горе и жизнь, конечно, много преувеличили, много раздражили в Вас; но боже мой! всё это выкупалось с лихвою, сторицею. А так как я не всегда глуп, то я это видел и ценил. Одним словом, я не мог не привязаться к Вашему дому всею душою, как к родному месту. Я вас обоим никогда не забуду, и вечно вам буду благодарен. Потому что я уверен, что вы оба не понимаете, что вы для меня сделали и до какой степени такие люди, как вы, были мне необходимы. Это надо испытать и только тогда

поймешь. Если б вас не было, я бы, может быть, одеревянел окончательно, а теперь я опять человек. Но довольно; этого не расскажешь, особенно на письме. Письмо уже потому проклятое, что напоминает разлуку, а мне всё ее напоминает. По вечерам, в сумерки, в те часы, когда, бывало, отправляюсь к вам, находит такая тоска, что, будь я слезлив, я бы плакал, а Вы верно бы надо мной не посмеялись за это. Сердце мое всегда было такого свойства, что прирастает к тому, что мило, так что надо потом отрывать и кровенить его. Живу я теперь совсем один, деваться мне совершенно некуда; мне здесь всё надоело. Такая пустота! Один Ал<ександр> Егорыч, но с ним мне уже потому тяжело, что я поневоле сравниваю Вас с ним, и, конечно, результат выходит известный. Да к тому же его и нет дома. Без него я ходил раза два в Казакова сад, куда он переехал, и так было грустно. Как вспомню прошлое лето, как вспомню, что Вы, бедненькая, всё лето желали проехаться куда-нибудь за город, хоть воздухом подышать, и не могли, то так станет Вас жалко, так станет грустно за Вас. А помните, как один раз нам-таки удалось побывать в Казаковом саду, Вы, Алек<сандр> Иван<ович>, я, Елена. Как свежо я всё припомнил, придя теперь в сад. Там ничего не изменилось и скамейка, на которой мы сидели, та же... И так стало грустно. Вы пишете, чтоб я жил с Врангелем, но я не хочу, по многим важным причинам. 1) Деньги. С ним живя я, очевидно, должен буду больше тратить: квартира, прислуга, стол, а мне тяжело было бы жить на его счет. 2) Мой характер. 3) Его характер. 4) Я как поглядел, к нему-таки часто таскается народ, и даже помногу. Исключить себя из компании иногда невозможно, а я терпеть не могу незнакомых лиц. Наконец, я люблю быть один, я привык, а привычка вторая натура. Но довольно. Я еще почти ничего Вам не рассказал. Проводив вас до леса и расставшись с вами у той сосны (которую я заметил), мы возвратились с Врангелем рука в руку (он вел свою лошадь) до гостеприимного хутора Пешехоновых. Тут-то я почувствовал, что осиротел совершенно. Сначала еще было видно ваш тарантас, потом слышно, а, наконец, всё исчезло. Сев на дрожки, мы говорили об вас, об том, как-то вы доедете, об Вас в особенности, и тут, к слову, Врангель расска<за>л мне кой-что, меня очень порадовавшее. Именно в самый день отъезда, утром, когда Петр Михайлович приглашал Врангеля куда-то на весь вечер, он отговорился и на вопрос: почему? отвечал: провожаю Исаевых. Тут были кое-кто. П<етр> М<ихайлович> тотчас осведомился: стало - дескать, Вы коротко знакомы? Врангель резко отвечал: что хоть знакомство это недавнее, но все-таки это был один из приятнейших для него домов и что хозяйка этого дома, то есть Вы, такая женщина, какой он с Петербурга еще не встречал, да и не надеется более встретить, такая, "каких Вы, - прибавил он, - может быть, и не видывали и с которой знакомство я считаю себе за величайшую честь". Этот рассказ мне очень понравился. Человек, который бесспорно видал женщин самого лучшего общества (ибо в нем и родился), имеет, кажется, право в таком суждении на авторитет. В этих разговорах и ругая Пешехоновых, мы приехали в город почти на рассвете, и кучер, которому предварительно не дали приказания, привез прямо к моей квартире. Таким образом пропал предполагаемый чай, чему я был очень рад, затем что ужасно хотелось остаться одному. Дома я еще долго не спал, ходил по комнате, смотрел на занимающуюся зарю и припоминал весь этот год, прошедший для меня так незаметно, припомнил всё, всё, и грустно мне стало, когда раздумался о судьбе своей. С тех пор я скитаюсь без цели, настоящий Вечный Жид. Почти нигде не бываю. Надоело. Был у Гриненки, который командирован на Копал и на днях выходит (он будет и в Верном), был у Медера, который находит, что я похудел, у Жунечки (поздравлял с именинами), где встретил Пешехоновых и поговорил с ними, бываю у Белихова

и, наконец, хожу в лагерь на учение. Иногда хвораю. С каким нетерпением я ждал татар-извозчиков. Ходил-ходил к Ордынскому, и каждый вечер Сивочка бегал справляться. Заходил на вашу квартиру, взял плющ (он теперь со мной), видел осиротелую Сурьку, бросившуюся ко мне со всех ног, но не отходящую от дому. Наконец извозчики воротились. Ваше письмо, за которое благодарю Вас несчетно, было для меня радостью. Я и татар расспрашивал. Они мне много рассказали. Как хвалили Вас (все-то Вас хвалят, Марья Дмитриевна!). Я им дал денег. На другой день я видел Коптева у Врангеля. Он тоже мне кое-что рассказал, но об самом интересном, о Ваших деньгах для дороги, не мог спросить его: вопрос щекотливый. Я до сих пор не придумаю, как Вы доехали! Как мило Вы написали письмо, Марья Дмитриевна! Именно такого письма я желал; как можно больше подробностей и вперед так делайте. Я как будто вижу Вашу бабушку. Негодная старуха! Да она Вас сживет со свету. Пусть остается с своими моськами "по гроб своей жизни". Я надеюсь, что Александр Иванович завещание вытянет, так должно, а ее не возьмет. Ее надо уверить, что так будет лучше: иначе она должна дать подписку, что умрет через три месяца (за каждый месяц по 1000 рублей), иначе не принимайте. Неужели Вам, Вам, Марья Дмитриевна, придется ходить за ее моськами, да еще с Вашим здоровьем! Ведь эти старухи так несносны! Письмо Ваше прочитывал Врангелю (местами, конечно). Не утерпел и сходил к Елене: одна, бедная. Как мне было жаль, что Вы хворали дорогой. Когда-то дождусь Вашего письма! Я так беспокоюсь! Как-то Вы доехали. Жму крепко руку Александру Ивановичу и целую его. Надеюсь, что он напишет мне в скорости. Обнимаю его от всего сердца и как друг, как брат желаю ему лучшей компании. Неужели и в Кузнецке он будет так же неразборчив в людях, как в Семипалатинске? Да стоит ли этот народ, чтоб водиться с ним, пить-есть с ними и от них же сносить гадости! Да это значит вредить себе сознательно! И как противны они, главное, как грязно. После иной компании так же грязно на душе, как будто в кабаке сходил. Надеюсь, Александр Иванович за мои пожелания на меня не рассердится. Прощайте, незабвенная Марья Дмитриевна! Прощайте! ведь увидимся, не правда ли? Пишите мне чаще и больше, пишите об Кузнецке, об новых людях, об себе как можно больше. Поцелуйте Пашу; верно, шалил дорогой! Прощайте, прощайте! Неужели не увидимся.

Ваш Достоевский.

(1) вместо: который в эту минуту ... .. и приехал - было: и в эту минуту, может быть, он уже и приехал.

98. А. Е. ВРАНГЕЛЮ
14 августа 1855. Семипалатинск

Семипалатинск, 14 августа/55.

С первого же слова прошу у Вас извинения, дорогой мой Алекс<андр> Егорович, за будущий беспорядок моего письма. Я уже уверен, что оно будет в беспорядке. Теперь два часа ночи, я написал два письма. Голова у меня болит, спать хочется и к тому же я весь расстроен. Сегодня утром получил из Кузнецка письмо. Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался. Вы не поверите, как мне жаль его, как я весь растерзан. Может быть, я только один из здешних и умел ценить его. Если были в нем недостатки, наполовину виновата в них его черная судьба. Желал бы я видеть, у кого бы хватило терпения при таких неудачах? Зато сколько доброты, сколько истинного благородства! Вы его мало знали. Боюсь, не

виноват ли я перед ним, что подчас, в желчную минуту, передавал Вам, и, может быть, с излишним увлечением, одни только дурные его стороны. Он умер в нестерпимых (1) страданиях, но прекрасно, как дай бог умереть и нам с Вами. И смерть красна на человеке. Он умер твердо, благословляя жену и детей и только томясь об их участи. Несчастливая Марья Дмитриевна сообщает мне о его смерти в малейших подробностях. Она пишет, что вспоминать эти подробности – единственная отрада ее. В самых сильных мучениях (он мучился два дня) он призывал ее, обнимал и непрерывно повторял: "Что будет с тобою, что будет с тобою!". В мучениях о ней он забывал свои боли. Бедный! Она в отчаянии. В каждой строке письма ее видна такая грусть, что я не мог без слез читать, да и Вы, чужой человек, но человек с сердцем, заплакали бы. Помните Вы их мальчика, Пашу? Он обезумел от слез и от отчаяния. Среди ночи вскакивает с постели, бежит к образу, которым его благословил отец за два часа до смерти, сам становится на колени и молится, с ее слов, за упокой души отца. Похоронили бедно, на чужие деньги (нашлись добрые люди), она же была как без памяти. Пишет, что чувствует себя очень нехорошо здоровьем. Несколько дней и ночей сряду она не спала у его постели. Теперь пишет, что больна, потеряла сон и (2) ни куска съесть не может. Жена исправника и еще одна женщина помогают ей. У ней ничего нет, кроме долгов в лавке. Кто-то прислал ей три рубля серебром. "Нужда руку толкала принять, – пишет она, – и приняла... подавание!"

Если Вы, Александр Егорович, еще в тех мыслях, как несколько дней тому назад, в Семипалатинске (а я уверен, что у Вас благородное сердце и Вы от добрых мыслей не отказываетесь из-за какой-нибудь пустой причины, совершенно не идущей к делу), то пошлите теперь с письмом, которое я прилагаю от себя к ней, ту сумму, о которой мы говорили. Но повторяю Вам, любезнейший Александр Егорович, – я более чем тогда в мыслях считать все эти 75 руб. (прежние 25) моим долгом Вам. Я Вам отдам непременно, но не скоро. Я знаю очень хорошо, что Ваше сердце само жаждет сделать доброе дело... Но рассудите: Вы их знакомый недавний, знаете их очень мало, так мало, что хотя покойный Ал<ександр> Ив<анович> и занял у Вас денег на поездку, но предлагать Вам ей, от себя – тяжело!

С своей стороны я пишу ей в письме моем всю готовность Вашу помочь и что без Вас я бы ничего не мог сделать. Пишу это не для того, чтоб Вам была честь доброго дела или чтоб Вам были благодарны. Я знаю: Вы как христианин в том не нуждаетесь. Но я-то сам не хочу, чтоб мне были благодарны, тогда как я того не стою; ибо взял из чужого кармана, и хоть постараюсь отдать Вам скорее – но взял почти что на неопределенный срок. Если намерены послать деньги, то вложите их в мое письмо ей, которое при сем прилагаю (незапечатанное). Очень было бы хорошо от Вас, если б Вы написали ей хоть несколько строк. Положим, Вы были очень мало знакомы. Но он остался Вам должен; теперь она знает, что Вы дали мне деньги, – и потому написать есть случай, даже бы надо было, – как Вы думаете? Не много, несколько строк... Но боже мой! Я, кажется, Вас учу, как писать! Поверьте мне, Алекс<андр> Егорович, я очень хорошо знаю, что Вы понимаете, может быть, лучше другого, как обходиться с человеком, которого пришлось одолжить. Я знаю, что Вы с ним удвоите, утроите учтивость; с человеком одолженным надо поступать осторожно; он мнителен; ему так и кажется, что небрежностью с ним, фамильярностью хотят его заставить заплатить за одолжение, ему сделанное. Всё это Вы знаете так же, как и я; если бог дал нам смысл и благородство, то мы иначе и не можем быть. Noblesse oblige, а Вы благородны, это я знаю.

Но я знаю тоже, по Вашим словам, что Ваш кошелек не совсем исправен в эту минуту. И потому если послать не можете, то и моего письма к ней не посылайте, а после возвратите мне. Меня же, сделайте мне милость, уведоьте с 1-й почтой, ПОСЛАЛИ ВЫ ПИСЬМО ИЛИ НЕТ?

Он Вас вспомнил при смерти. Кажется, так было, что он (его слова) не смеет и думать предложить Вам взамен долга", - но просит передать Вам книгу "в память о себе" ("Сподвижников Александра", помните это богатое издание; он получил ее из Петропавловска, где оставил). Вам книгу пришлют.

Пишу к Вам в Барнаул, по адресу, который Вы мне дали, а еще не знаю, в Барнауле ли Вы? Кажется, Вы написали тогда, что писать в Барнаул надо после 23-го числа. Посылаю на авось, через Крутова. Хорошо ли через Крутова? Напишите мне. Что Вы подельваете, весело ли Вам? Кстати, правда ли, я слышал (впрочем, уже не раз), что m-elle A<ба>за выходит замуж? (3) Если будете посылать деньги, не мешкайте. Уж конечно, никогда не может быть более затруднительного положения, как теперь.

Не зная, застанет ли Вас это письмо в Барнауле и не пролежит ли до Вашего приезда, пишу к Марье Дмитриевне с этой же почтой другое письмо, которое посылаю завтра, на ура! Посылаю Вам тоже Вашу субботнюю корреспонденцию. Я распечатал письмо, как Вы говорили. Если Крутов завтра успеет принести и ПОНЕДЕЛЬНИЧЬИ письма, то вложу и их.

До свиданья. Смерть голова болит. Я так расстроен. Перо в руках не держится. Обнимаю Вас от души.

Ваш Ф. Д<остоевский>.

(1) было: в мучительных

(2) далее было начато: апп<етит>

(3) далее было начато: Вы еще то<гда>??

99. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

21 августа 1855. Семипалатинск

Семипалатинск, 21 августа 1855 г.

Добрый друг мой, любезный брат Миша! Вот уже очень долгое время как не было от тебя ни одной строчки, и я, по обыкновению, начинаю тревожиться и сетовать. Видно, будет так, как и прошлое лето. Друг ты мой, если б ты только знал, в каком я здесь горьком одиночестве, то, право, не томил бы меня так долго и не потяготился бы написать мне хоть несколько строк. Знаешь что? Мне приходит иногда тяжелая мысль. Мне кажется, что время мало-помалу берет свое; старая привязанность слабеет, и прежние впечатления тускнеют и стираются. Мне кажется, что ты начинаешь забывать меня. Иначе чем же объяснить такие долгие сроки между письмами? На меня не пеняй, если я сам, иногда, долго не пишу тебе. Но, во-1-х), я всегда пишу чаще, а во-2-х), клянусь тебе, иногда бывают претяжелые занятия, устану и - пропущу почту, которая у нас отходит только один раз в неделю. Твое дело другое. Если и в самом деле, наприм<ер>, нечего написать, то, по крайней мере, хоть что-нибудь, хоть две строки. Мне бы не приходила в голову мысль, что ты оставляешь меня. Милый друг, прошлый год, в октябре м<еся>це, на мои, подобные этим сетования ты написал мне, что тебе очень грустно, очень тяжело было читать их. Дорогой мой Миша! не сердись на меня, ради бога, вспомни, что я одинок, как камень отброшенный; что характером я был всегда грустен, болен и мнителен. Сообрази всё это и извини меня, если сетования мои неправы, а предположения глупы; я даже и

сам уверен, что я неправ. Но ты знаешь, сомнение и с маковую росинку величиной тяжело. А ведь меня некому разуверить, кроме тебя самого. Жив ли ты, здоров ли ты? – вот вопросы, которые-таки часто меня мучают. Читаю 4-ю страницу газет, – не увижу ли хоть твоих объявлений? Здоровы ли твои все домашние? Дай-то бог! Я вас так же всех люблю, как и прежде, а помню так, как будто и не разлучался. Что твои дела? Хорошо ли идут? Это так важно! Знаешь ли, я так много думаю о твоих торговых предприятиях. Неужели же они не вознаградят тебя за всё то, что ты бросил для них (литературу, службу, занятия, более сообразные с твоим характером)? Вот уже несколько лет как у тебя фабрика, и что же, есть ли хоть положительные надежды на будущее? А, между прочим, время уходит, дети растут, расходы увеличиваются. Ах, кабы мне знать это всё поподробнее. Что сказать тебе о моей жизни? У меня всё по-прежнему, по-старому, и, с последнего письма моего, почти ничего не переменялось. Живу я тихо. Летом служба тяжелее, смотрю. Здоровьем своим не похваюсь, добрый друг мой. Не совсем-то оно хорошо. Чем больше стареешься, тем хуже. Если ты думаешь, что во мне еще есть остаток той раздражительной мнительности и подозрения в себе всех болезней, как и в Петербурге, то, пожалуйста, разуверься, и помину прежнего нет, так же как, вместе с тем, и многого другого прежнего.

Напиши мне, ради бога, о сестрах. Как живет милая Варенька? Все ли здоровы? Я с нетерпением жду от нее письма. Ты должен часто видеть Сашу. Напиши мне о ней, какова она, добра ли она и что за характер? Да, кстати, поклонись ей и поцелуй ее за меня.

В последнем письме ты писал о детях, что Федя добрый мальчик, но небольших способностей и что Машечка не так хороша лицом, как была при мне, ребенком. Но в таких летах, мне кажется, трудно заметить и то и другое.

Напиши мне что-нибудь о Коле, и в особенности, не слыхал ли чего о брате Андрее, и куда теперь писать ему? Он мне раз написал, да и замолчал. Не хочется мне прерывать с ним переписку.

Пиши, ради бога, дорогой мой, добрый мой, и не оставь меня! Тяжело-таки мне здесь, а главное, грустно. Тоска безвыходная и всегдашняя. Прощай, обнимаю тебя! Поклонись от меня Эмилии Федоровне. Пожелай ей всего доброго, хорошего. Я от души ей этого желаю. Я ее помню и хорошо помню. Боже мой! где всё прежнее и куда ушла жизнь! Прощай, друг мой. Твой всегдашний

Федор Достоевский.

100. А. Е. ВРАНГЕЛЮ
23 августа 1855. Семипалатинск

Дорогой и добрейший мой Александр Егорович,
Вот и второе письмо пишу Вам. Желал бы очень получить от Вас хоть две строчки, что Вы, верно, и сделаете, то есть пришлете. Желал бы тоже пожать Вам руку. Скучно! А кругом всё так плохо и людей нет. Я почти никуда не хожу. Знакомиться терпеть не могу. Право, на каждого нового человека, по-моему, надо смотреть как на врага, с которым придется вступить в бой. А там его можно раскусить. Что-то Вы подделываете и весело ли Вам? В Барнауле ли Вы? Я рискнул и на прошлом письме поставил: в Барнаул, хотя, помнится, Вы говорили, что в Барнауле будете только после 23-го. Но бог знает, в Барнауле ли Вы и теперь? Теперь позвольте мне

извиниться перед Вами: свои-то письма я Вам переслал и теперь посылаю, а Ваши поручил Демчинскому. Пересылать же их мне самому - трудно, и по весьма простой причине: толстый пакет, застрахованный на почте, будет очень дорого стоить, а у меня, с позволения сказать, ни полушки денег. И потому пусть пересылает Демчинский.

На случай, если Вы не получите того письма, которое я отправил Вам неделю назад, в Барнаул, по адресу, указанному Вами (хотя, впрочем, трудно не получить), - то извещаю Вас, что Ал<ександр> Ив<анович> Исаев умер (4 августа), что жена его осталась одна, с сомнительною помощью, в отчаянии, не зная что делать, и - конечно, без денег.

Сегодня получил от нее уже 2-е письмо, считая после смерти мужа. Она пишет, что ей страшно грустно, что кругом послал бог людей, беруших участие, что ей хоть кой-чем да помогают, что ей очень грустно, спрашивает, что ей делать? Пишет, что стряпчий и исправник обнадеживают ее, что Бекман может дать пособие казенное (в 250 руб. сер<ебром>). Если что можно сделать, то дал бы бог! Покамест хочет продавать вещи. Если Вы еще не раздумали (как мы говорили тогда) о посылке 50 руб., (1) то пошлите теперь. Никогда не было нужнее. Только я так думаю: пошлите 25, а не 50, так как у ней с прежними 25-ю, да с продажей вещей, да, может быть, и с посторонней помощью будет чем некоторое время прожить. Можно потом послать. Пишу это, во-1-х, для того, чтоб не обременять Вас, ибо 25 менее 50, а Вам, верно, деньги необходимы. 2) Мне уж и так досталось от нее за первые 25 р. Очень укоряла, говоря, что у меня у самого нет ничего и что я себя не жалею. Я отвечал, что деньги Ваши, а не мои, что без Вас я ничего бы не сделал, чтоб обо мне не беспокоилась, что дружба имеет свои права и т. д. и т. д., и что - наконец, без этих денег ей пришлось бы потерпеть ужасное горе, - с этим она, верно, согласится. Я Вам покажу письмо, когда Вы приедете. Боже мой! Что это за женщина! Жаль, что Вы ее так мало знаете!

Еще одно обстоятельство. Она знает, что ей присланы деньги, подозревает, что от меня, но письмо лежит до сих пор на кузнецкой почте. Почтмейстер ни за что не решается отдать, хотя знакомый ей человек, чтоб не попасть в беду. Виноват адрес. Вы правы. Надо было адресовать ей. Адресовано мужу. Он умер. И потому почтмейстер (уверенный, что пишете Вы) просит передать Вам: чтоб Вы в Кузнецкую почтовую контору прислали казенную или частную доверенность на передачу письма вдове Исаевой. Ради Христа, добрейший Александр Егорович, сделайте это и, главное, не медля. Ради бога. Известна ли Вам форма этих доверенностей? Я не знаю ее. Вероятно, в Барнаульском почтамте есть формы. Ведь вот некстати-то формалист кузнецкий почтмейстер!

Что Вам сказать о себе? Мое время тянется вяло. Не совсем здоров; грустно. Из новостей ничего не знаю, кроме того, что (и, кажется, верно) китайцы сожгли нашу факторию в Чугучаке и консул спасся бегством. Желал бы от души, чтоб Вам было в 10000 раз веселее моего. Если во время Ваших странствований попадетсЯ Вам хорошая книга, то зацепите ее с собой. До свидания, Александр Егорович. Желая Вам всего хорошего, и от души. Повторяю Вам о почтамте. Ради бога, не замедлите. Крепко жму Вам руку. Ваш весь Ф. Достоевский.

Семипалатинск, Воскресение. 23 августа 55.

Я и ее уведомил, что вместо 50 посылаются 25. Хочет Вас благодарить. Напишите ли Вы ей что-нибудь?

(1) далее было: денег

101. П. Е. АННЕНКОВОЙ
18 октября 1855. Семипалатинск

Милостивая государыня Прасковья Егоровна,
Я так давно желал писать к Вам и так давно жду удобного случая, что не могу пропустить теперешнего. Податель письма моего – Алексей Иванович Бахирев, очень скромный и очень добрый молодой человек, простая и честная душа. Я знаю его уже полтора года и уверен, что не ошибаюсь в его качествах.

Я всегда буду помнить, что с самого прибытия моего в Сибирь Вы и всё превосходное семейство Ваше брали во мне и в товарищах моих по несчастью полное и искреннее участие. Я не могу вспоминать об этом без особенного, утешительного чувства и, кажется, никогда не забуду. Кто испытывал в жизни тяжелую долю и знал ее горечь, особенно в иные мгновения, тот понимает, как сладко в такое время встретить братское участие совершенно неожиданно. бы были таковы со мною, и я помню встречу с Вами, когда Вы приезжали в Омск и когда я был в каторге.

С самого приезда моего в Семипалатинск я не получал почти никаких известий о Константине Ивановиче и многоуважаемой Ольге Ивановне, знакомство с которою будет всегда одним из лучших воспоминаний моей жизни. Полтора года назад, когда я и Дуров вышли из каторги, мы провели почти целый месяц в их доме. Вы поймете, какое впечатление должно было оставить такое знакомство на человека, который уже четыре года, по выражению моих прежних товарищей-каторжных, был как ломоть отрезанный, как в землю закопанный. Ольга Ивановна протянула мне руку, как родная сестра, и впечатление этой прекрасной, чистой души, возвышенной и благородной, останется самым светлым и ясным на всю мою жизнь. Дай бог ей много, много счастья – счастья в ней самой и счастья в тех, кто ей милы. Я бы очень желал узнать что-нибудь об ней. Мне кажется, что такие прекрасные души, как ее, (1) должны быть счастливы; несчастны только злые. Мне кажется, что счастье в светлом взгляде на жизнь и в безупречности сердца, а не во внешнем. Так ли? Я уверен, что Вы это глубоко понимаете, и потому так Вам и пишу.

Жизнь моя тянется кое-как, но уведомляю Вас, что я имею большие надежды... Надежды мои основаны на некоторых фактах; обо мне сильно стараются в Петербурге, и, может быть, через несколько месяцев я что-нибудь и узнаю. Вы, вероятно, уже знаете, что Дуров по слабости здоровья выпущен из военной службы и поступил в гражданскую, в Омске. Может быть, Вы имеете о нем известия. Мы с ним не переписываемся, хотя, конечно, друг об друге хорошо помним.

Барон Врангель, Вам знакомый, Вам кланяется. Я с ним очень дружен. Это прекрасная молодая душа; дай бог ему всегда оставаться таким.

Мое глубочайшее уважение, полное и искреннее, Вашему супругу. Желаю Вам полного счастья.

Не слышали ли Вы чего об одном гадании, в Омске, в мое время? Я помню, оно поразило Ольгу Ивановну.

Прощайте, многоуважаемая Прасковья Егоровна. Я уверен, что бог приведет нам свидеться и, может быть, скоро. Я этого очень желаю. Я с благоговением вспоминаю о Вас и всех Ваших.

Позвольте пребыть, с глубочайшим уважением, Вам совершенно преданным.

Ф. Достоевский.

18 октября 55.

От Константина Ивановича я получил нынешним летом несколько строк.

А. И. Бахирева я очень уважаю, но не во всем с ним откровенен.
(1) как ее вписано

102. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
17 декабря 1855. Семипалатинск

Семипалатинск, декабря 17/55 г.

Добрый и незабвенный друг мой, брат Миша. Письмо это пишу тебе по случаю. Скоро я буду иметь возможность переслать тебе самое полное, самое подробное известие о моем здешнем житье-бытье за всё время. И потому извини, что посылаю тебе теперь только несколько строк, из которых, кроме просьбы моей, почти ничего больше не узнаешь. Я бы мог отложить и просьбу до большого письма, которое обещаю тебе, друг мой, в эту же зиму. Но обстоятельства мои таковы, что я принужден писать тебе теперь же. Друг мой! Я уверен, что ты меня любишь и потому будешь ко мне снисходителен. Если б ты знал, как тяжело просить, даже и у тебя! Мне нужно денег, друг мой, ибо я давно уже в крайности. Вот уже два года, как я ни разу не попросил у тебя сам ни одной копейки. Ты был так добр, что не забывал меня. Сестры тоже иногда присылали. И несмотря на то в эти два года у меня накопилось долгу довольно много, - для меня много по крайней мере! Одному прошу верить, милый брат (я боюсь, чтоб ты не подумал, что я худо понимаю свое положение, позволяя так много себе тратить и даже делать долги), - одному прошу верить, что в долгах моих я мало виноват. Были обстоятельства и были надобности неотразимые. Теперь не даю тебе никаких объяснений - не могу. Не пишу тоже, сколько я должен. Скажу только, что мне надо отдать 50 руб. серебром непременно. К тому же я порядочно обносился в два года, белье, платье (собственное), всё нужно заводить новое. И потому, если ты пришлешь мне рубл<ей> 100, о которых прошу тебя убедительнейше, то мне, расплатясь и обзаведясь, почти не останется ничего. Но я у тебя прошу только 100 руб., милый брат. Покамест не присылай больше. Я знаю, что ты не поскупишься, если у тебя есть. Но не хотел бы я, чтоб ты подумал обо мне не хорошо.

Да, брат, тяжело просить, повторяю это, даже и у тебя, особенно чувствуя в себе всё - и силы и способности самому достать себе необходимое. Но что делать, теперь не могу и потому говорю тебе как брату - помоги. Я тебе не скрою, что у меня есть большие надежды, (1) что, может быть, кончится наконец несносное положение мое и переменится во что-нибудь к лучшему. Отчасти ты, может быть, и слышал об этом. Тогда (2) жизнь пойдет по-другому. Но не скрою от тебя, друг мой, что мне, скоро может быть, понадобятся деньги, относительно меня и моего Положения, не маленькие. Всё это соединено будет отчасти с переменой моей участи, если только сбудутся надежды мои. Теперь же я пишу тебе только о моем насущном; ибо я в большой крайности, и эти 100 руб. серебром едва-едва помогут мне. Я хочу обратиться, друг мой, с просьбой к дяде. Надобно же, чтоб кто-нибудь мне помог. Как бы мне не хотелось просить у него! Но что делать, если случится хоть какая-нибудь перемена судьбы, то деньги необходимы. Ты писал мне последний раз от 15 сентября. Письмо твое пришло ко мне около 15-го ноября. Видишь, как долго! В это время я должен был жить чем-нибудь. На присланные тобою деньги я почти ничего не мог сделать. Не сердись, что я говорю тебе откровенно, голую правду. Помни только одно: я вовсе от тебя не требую, ибо знаю, что не имею на то никакого права. Одно из двух: или ты очень любишь меня и хочешь мне помочь, - или

нет. Если любишь меня, то я прошу без церемоний, ибо знаю, что сам бы помог не только брату, но даже чужому, отказав себе. Вот почему я говорю тебе прямо. Здесь были люди, которые мне помогали в крайности. Конечно, я возьму не у всякого. Но есть люди, которые мне сделали столько бескорыстного добра, столько добра, что еще никто мне не сделал столько. У такого человека я брал. Но надо отдать. Впрочем, из этих 100 руб сереб<ром> я не могу отдать ему еще ничего. Этот человек барон Врангель.
(3)

Друг мой милый, надеюсь, что ты мне поможешь охотно и с братским чувством. Я в тебя верю, я никогда не обидел тебя сомнением. Верь и ты:

(4) что я не хочу жить всю жизнь на твой (5) счет, и надеюсь, что мне позволят наконец зарабатывать себе хлеб. Прошу тебя: пришли поскорее, если можно немедленно, по следующему адресу: "Его высокоблагородию Станиславу Августовичу Ламоту в Семипалатинск". (Tout court.)

В письме к г-ну Ламоту напиши слово в слово так: "Милостивый > г<осударь>, Вы были так добры, что изъявили готовность передать барону Врангелю деньги в случае, если я вышлю их на Ваше имя. Прилагаю при сем... рублей. Передайте их по назначению. Еще раз позвольте благодарить Вас и вместе с тем пребыть и т. д.". Подписи твоей не надо. Сам письма на почту не подавай. (6)

Прощай, бесценный мой. Скоро получишь от меня большое письмо. Много со мной было, много я пережил! Прощай, не забудь меня. (7) Поклонись от меня Эмилии Федоровне, перецелуй детей.

Твой Достоевский.

На обороте 4-й страницы: Михаилу Михайловичу Достоевскому.

На углу Малой Мещанской и Екатерининского канала, в доме Пономаревой, в С.-Петербурге.

- (1) далее было: что за меня стараются и
- (2) далее было: может быть
- (3) далее было начато: Брат его передаст
- (4) далее было: в меня
- (5) в подлиннике ошибочно: на свой
- (6) далее было: А впрочем, бояться нечего.
- (7) далее было начато: Напомни обо мне

1856

103. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
13-18 января 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 13 генваря/56.

Пользуюсь случаем писать тебе, друг мой. С прошлого года, когда я писал тебе с М. М. Х<оментовским>, я не мог найти, до сих пор, ни одной другой okazji. Теперь она представляется. Надо сознаться, что прошлого года ты мне плохо отплатил за мое длинное письмо: не отвечал почти ничего, даже не отвечал на некоторые мои вопросы, на которые я ждал от тебя подробного ответа. Не знаю, что тебя останавливало: лень? - но она была совсем не у места; дела? - но я уже писал тебе, что никогда не поверю существованию таких дел, которые не дают и минуты свободной. Осторожность? Но если уж я

пишу тебе, то, вероятно, нечего опасаться. Надеюсь, что этот раз ты напишешь мне что-нибудь побольше, хотя и долго еще мне придется ждать твоего ответа, - месяцев семь. Этот раз хотел тоже настроичить тебе очень много и подробно обо всем моем житье-бытье, с тех пор как я оставил Омск и прибыл в Семипалатинск.

Но ограничиваюсь одним этим листком, собственно, потому что Александр Егорович Wrangel, податель этого письма, очень подробно и очень интимно может уведомить тебя обо мне, если не во всех, то во многих отношениях. Прими его как можно лучше и постарайся всеми силами как можно короче с ним познакомиться и сойтись. Этот молодой человек того стоит: душа добрая, чистая, я уж не говорю, что он для меня столько сделал, показал мне столько преданности, столько привязанности, (1) чего родной брат не сделает. (Это к тебе не относится.) Сделай же одолжение, постарайся полюбить его и сойтись с ним короче. Ты уже отрекомендован ему мною как нельзя лучше. Да и притом, помня твой уживчивый, добрый и деликатный характер, который всем нравился, который все любили, я думаю, что тебе это будет не трудно. В двух словах изображу тебе на всякий случай характер Ал<ександра> Ег<оровича>, чтоб тебе было легче и чтоб ты уж ничем более не затруднялся. Это человек очень молодой, очень кроткий, хотя с сильно развитым point d'honneur, до невероятности добрый, немножко гордый (но это снаружи, я это люблю), немножко с юношескими недостатками, образован, но не блистательно и не глубоко, любит учиться, характер очень слабый, женски впечатлительный, немножко ипохондрический и довольно мнительный; что другого злит и бесит, то его огорчает - признак превосходного сердца. Tris compe il faut. Он самым бескорыстнейшим образом взялся хлопотать обо мне и помогать мне, всеми силами. Впрочем, мы с ним сошлись, и он меня любит. Далее я еще скажу тебе о нем кое-что, а теперь, покамест, перейду к себе.

Ты, вероятно, уже знаешь, голубчик мой, что обо мне очень сильно хлопочут в Петербурге и что у меня есть большие надежды. Если не всё удастся получить, то есть если не полную свободу, то по крайней мере несколько. Брат Ал<ександра> Егоровича (служащий в конногвардии) был у тебя; я это знаю по его письму к брату, и, вероятно, он сообщил тебе о всех стараниях, сделанных для меня в Петербурге. Алек<сандр> Егор<ович>, я уверен, remuera ciel et terre с своей стороны, по приезде в Петербург, в мою пользу. Он тебе расскажет обо всем этом больше и подробнее, чем я могу тебе написать в этом письме. С своей стороны говорю тебе только, что я теперь в совершенно пассивном положении и решил ждать (мимоходом уведомляю тебя, что я произведен в унт<ер>офицеры, что довольно важно, ибо следующая милость, если будет, должна быть, натурально, значительное унт<ер>-офицерства). Меня здесь уверяют, что года через два или даже через год я могу быть официально представлен в офицеры. Признаюсь тебе, что я хотел бы перейти в статскую службу, и даже теперь желаю этого, и даже, может быть, буду стараться об этом. Но теперь по крайней мере решил ждать пассивно ответа на все эти настоящие усилия, которые делаются теперь для меня в Петербурге. Повторяю тебе, Ал<ександр> Егор<ович> гораздо больше и подробнее тебе об этом расскажет. Я же прибавлю вот что: друг мой! не думай, чтоб какие-нибудь социальные выгоды, или что-нибудь подобное, заставляли меня до такой степени упорно стараться о себе. Нет. Поверь, что, бывши в таких передрыгах, как я, выживешь наконец несколько философии, слово, которое толкуй, как хочешь. Но есть два обстоятельства, которые заставляют меня как можно скорее выйти из стесненного положения и ввергают в такое лихорадочное участие к самому себе. Об этих обстоятельствах я тебя и должен уведомить. 1-е). Это

то, что я хочу писать и печатать. Более чем когда-нибудь я знаю, что я недаром вышел на эту дорогу и что я недаром буду бременить собою землю. Я убежден, что у меня есть талант и что я могу написать что-нибудь хорошее. Ради бога, не принимай моих слов за фатовство. Но кому же мне и поверять мечты и надежды мои, как не тебе? К тому же я хотел непременно, чтоб ты знал, для каких соображений мне нужна свобода и некоторое общественное положение.

Теперь приступаю ко второму пункту, для меня очень важному, но об котором ты никогда ничего не слышал от меня. Надобно знать тебе, мой друг, что, выйдя из моей грустной каторги, я со счастьем и надеждой приехал сюда. Я походил на больного, который начинает выздоравливать после долгой болезни и, быв у смерти, еще сильнее чувствует наслаждение жить в первые дни выздоровления. Надежды было у меня много. Я хотел жить. Что сказать тебе? Я не заметил, как прошел первый год моей жизни здесь. Я был очень счастлив. Бог послал мне знакомство одного семейства, которое я никогда не забуду. Это семейство Исаевых, о котором я тебе, кажется, писал несколько, даже поручал тебе одну комиссию для них. Он имел здесь место, очень недурное, но не ужился на нем и по неприятностям вышел в отставку. Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и всё хлопотал о другом каком-нибудь месте. Жил он жалованием, состояния не имел, и потому, лишась места, мало-помалу, они впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ними, еще они кое-как себя поддерживали. Он наделал долгов. Жил он очень беспорядочно, да и натура-то его была довольно беспорядочная. Страстная, упрямая, несколько загрубелая. Он очень опустился в общем мнении и имел много неприятностей; но вынес от здешнего общества много и незаслуженных преследований. Он был беспечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою и, как я сказал уже, опустился ужасно. А между прочим, это была натура сильно развитая, добрейшая. Он был образован и понимал всё, об чем бы с ним ни заговорить.

(2) Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден. Но не он привлекал меня к себе, а жена его, Марья Дмитриевна. Это дама, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем. Участь эту она перенесла гордо, безропотно, сама исправляла должность служанки, ходя за беспечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал наставлений, и за маленьким сыном. Она только сделалась больна, впечатлительна и раздражительна. Характер ее, впрочем, был веселый и резвый. Я почти не выходил из их дома. Что за счастливые вечера проводил я в ее обществе! Я редко встречал такую женщину. С ними почти все раззнакомились, частью через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомств. Наконец ему вышло место, в Кузнецке, Томской губернии, заседателем, а прежде он был чиновником особых поручений при таможене; переход от богатой и видной должности к заседательству был очень унизителен. Но что было делать! Почти не было куска хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили мне поделиться с ними. В мае месяце 55-го года я проводил их в Кузнецк, через два месяца он умер от каменной болезни. Она осталась на чужой стороне, одна, измученная и истерзанная долгим горем, с семилетним ребенком, и без куска хлеба. Даже похоронить было мужа нечем. У меня денег не было. Я тотчас занял у Алекс<андра> Егор<овича> сначала 25 и потом 40 руб. серебр<ом> и послал ей. Слава богу, теперь ей помогают родные, с которыми она была несколько в ссоре, через мужа. Родные ее в Астрахани. Ее отец, сын французского эмигранта, m-r de Constant; он старик и занимает значительную должность директора карантина в Астрахани. Состояния не имеет, но живет своим жалованием,

очень значительным. Теперь же скоро выйдет в отставку, и потому доходы его сократятся. У него, кроме того, еще 2 дочери на руках. Наконец, осталась родня мужа, родня дальняя; один из братьев мужа служит в Гвард<ейском> финск<ом> стрел<ковом> батальоне капитаном. Я знаю, что и фамилья мужа была очень порядочная. Теперь вот что, мой друг: я давно уже люблю эту женщину и знаю, что и она может любить. Жить без нее я не могу, и потому, если только обстоятельства мои переменятся хотя несколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней. Я знаю, что она мне не откажет. Но беда в том, что я не имею ни денег, ни общественного положения, а между тем родные зовут ее к себе, в Астрахань. Если до весны моя судьба не переменится, то она должна будет уехать в Россию. Но это только отдалит дело, а не изменит его. Мое решение принято, и, хоть бы земля развалилась подо мною, я его исполню. Но не могу же я теперь, не имея ничего, воспользоваться расположением ко мне этого благороднейшего существа и теперь склонить ее к этому браку. С мая месяца, когда я расстался с ней, моя жизнь была ад. Каждую неделю мы переписываемся. Ал<ександр> Ег<орович> был знаком с Исаевыми, но только в последнее время их жизни в Семипалатинске. Он видел Марью Дмитриевну, но знает ее только несколько. Я был с ним несколько откровенен на этот счет, но не совершенно. Он не знает содержания этого письма, но, думаю, будет говорить с тобой обо всем этом деле. До сих пор я всё думал выйти в статскую службу. Начальник Алтайских заводов полковник Гернгросс, друг Ал<ександра> Егор<овича>, очень желает, чтоб я перешел служить к нему, и готов дать мне место, с некоторым жалованьем в Барнауле. Я об этом думаю, но опять-таки жду, не будет ли чего до весны из Петербурга? Если мне нельзя будет выехать из Сибири, (3) я намерен поселиться в Барнауле, куда приедет служить и Алекс<андр> Егор<ович>. Через несколько времени, я знаю наверно, возвращусь в Россию. Но во всяком случае не знаю, можно ли мне будет рассчитывать на одно жалование. Оно не может быть велико. Конечно, я буду изыскивать все средства и зарабатывать деньги. Для этого превосходно было бы, если б мне позволили печатать. Кроме того, здесь в Сибири с очень маленьким капиталом (ничтожным) можно делать хорошие и верные спекуляции. Если б я здесь в Семипалатинске имел только 300 руб. сер<ебром> лишних, то я на эти 300 нажил бы в год непременно еще 300; край новый и любопытный. Во всяком случае, мне стыдно будет, незабвенный друг мой, просить у тебя содержать меня. Но я уверен, что ты, хоть год еще, будешь несколько помогать мне. Главное, помоги мне теперь. Если мне выйдет какая-нибудь милость, то я попрошу помощи у дяди; пусть даст мне хоть что-нибудь, чтоб начать новую жизнь. Само собою разумеется, что раньше события я никому в мире не напишу, что я намерен жениться. Тебе я говорю это под страшным секретом. Да и тебе, признаюсь, не хотел говорить. Это дело сердца, которое боится огласки, боится чуждого взгляда и прикосновения. Так по крайней мере в моем характере. И потому, ради Христа, не говори об этом никому, совершенно никому. Да и про всё письмо мое вообще не говори никому и никому не показывай. Ради бога, ни слова об этом сестрам; они тотчас испугаются за меня и начнутся советы благоразумия. А мне, без того, что теперь для меня главное в жизни, не надо будет и самой жизни. В тебя только одного и верю, мой добрый, мой лучший друг. Ты один у меня. Теперь скажу тебе несколько слов о моих здешних обстоятельствах, вообще, только несколько слов, ибо барон тебе всё сам расскажет лучше моего. Здоровье мое очень порядочно; припадков уже не было давно. Поставил я себя здесь на прекрасную ногу. Несмотря на то, что я солдат, все, кто здесь позначительнее, знакомы со мною, и даже за честь почитают. Начальство меня любит и уважает. Корпусный командир

(генерал-губернатор) знает меня и обо мне старается. В Барнауле горный начальник, генерал, готов сделать с своей стороны всё, что может, а он на своем месте может много. Но самым (4) лучшим для себя считал бы я перебраться в Россию, сначала хоть служить где-нибудь. Потом, если б я выхлопотал себе позволение печатать, я бы был обеспечен. Всё это и будет; в этом я уверен, но, может быть, еще надо будет подождать. До тех же пор, может быть, придется жить в Сибири. Что делать, подожду. Главное, если б посетила меня хоть какая-нибудь милость – перейти в статскую службу и получить, покамест, хоть какое-нибудь местечко с жалованьем. Не знаю, удадутся ли все мечты мои, сбудутся ли они? Может быть, что возможность этой женитьбы и расстроится. Тогда, я знаю себя, я опять убит и несчастен. Денег надобно, – вот что!

Я говорю тебе, что мне совестно будет просить у тебя тогда, но хоть немного, хоть вначале помоги мне. Теперь скажу тебе несколько слов о моих настоящих денежных обстоятельствах. Я просил у тебя письмом через брата Ал<ександра> Егор<овича> прислать мне 100 руб. серебром. Друг мой, эти 100 руб. едва мне помогут, ибо я много задолжал. Всего у меня рублей 50 сереб<ром> долгу, и если твои деньги придут скоро, то у меня останется еще руб. 50 сереб<ром>, с которыми я могу подождать перемены моих обстоятельств, напри<м>р в случае милости. Тогда уже мне надобно будет значительно денег; нужно одеться, нужно обзавестись, впрочем, нечего и исчислять, что нужно. Эти 50 руб. сереб<ром>, которые мне останутся, тоже надобно будет очень скоро истратить; я весь обносился, всё надобно будет завести и белье, и мундир справить, шинель новую сделать. Мне останется мало; жить менее 15 руб. сереб<ром> в месяц нельзя, исключая непредвиденных расходов, об этом справься у Wrangel'я. Здесь всё дорого. Впрочем, более я и не прошу. Я перебыюсь как-нибудь этими 100 рублями сереб<ром>. Может быть, Варенька что-нибудь пришлет – ангельская душа. (Как она мило пишет письма, откуда она этому научилась, что за прелесть ее письма! не то что Ваши, милостивый государь, – а получше-с.) В случае же перемены участи, когда мне понадобится денег очень значительно, я, как писал уже тебе, обращусь к дяде. Неужели откажет? Но, друг мой! если б ты знал, как мне тяжело признаться тебе еще в одном обстоятельстве! У меня еще есть долг, кроме этого долгу. Я должен Ал<ександру> Егор<овичу>, забрав у него в разное время, 125 руб. сереб<ром>. Не спрашивай, куда они пошли! Я и сам не знаю! Я знаю только то, что я живу очень бедно, во всем себе отказываю, а, между прочим, задолжал! Я не требую, друг мой, чтоб ты за меня отдал Алек<сандру> Егоровичу! Это будет слишком! Но я только знаю, что я должен отдать ему, хоть он и краснеет, когда я заговорю ему о своем долге, и даже огорчается, если я напоминаю ему о нем. (Он деликатнейший человек!) Впрочем, довольно об деньгах! Я знаю, что ты меня не забудешь! Моя же единственная мысль как-нибудь поскорее себя обеспечить и не быть вам всем в тягость. Прибавлю еще несколько слов об Александре Егоровиче. Слушай! Если удастся тебе с ним сойтись, наблюдай за ним, не оставляй его одного. Скажу тебе большой секрет, и может быть, дурно делаю, что говорю тебе про него, но для его же пользы. Il est amoureux fou d'une dame dici, d'une dame parfaitement comme il faut, tris riche et d'une famille consid'rye. Она приедет почти в одно время в Петербург.

Не показывай виду Врангелю, что знаешь про это, но будь ему как брат родной, как я был ему, займи мою должность, наблюдай за ним, потому что он способен сделать dans cette affaire ужаснейшие дурачества, то есть трагические, а я бы этого не хотел. Есть некто маркиз де Траверсе (сын ревельского), и хоть они росли вместе и друзья, но мой барон имеет повод

считать его своим соперником, поэтому они могут вдвоем наделать больших глупостей. Не пишу тебе больше ничего. Если ты подружишься с Алекс<андром> Егоров<ичем> и получишь его доверенность, то он тебе сам больше расскажет. Если же нет, так тебе и нечего знать больше. Но во всяком случае, пользуясь этим немногим, что я тебе написал, следи за ним. Это характер слабый, нежный, даже болезненный; останавливай его. Но во всяком случае, ради Христа божия, никому ни одного слова об этом. И Врангелю не говори, что я тебе это написал, даже в минуту откровенности, если сойдется. Я для него же сделал, ибо очень люблю его. Этот секрет знает он, я и ты теперь; более никто. Честное слово, что ты будешь молчать. С братом (5) он вовсе не откровенен, но я так интересуюсь всем, что касается до Алекс<андра> Егор<овича>, что думаю написать его брату несколько слов. Кроме этого секрета, я тебе расскажу, что он не совсем ладит с отцом, который человек характера упрямого, странного, мнительного и подозрительного. (6) Отец любит его ужасно, но требует, напри<мер>, чтоб он до сих пор не смел сделать ни шагу без его воли, до мелочей (всё из любви), сам богат и даже очень, а (7) с детьми скуп; а мой барон и сам не хочет брать, ибо тот имеет привычку попрекать деньгами, данными детям. Всего в нескольких строках не расскажешь. Но я предвижу и знаю, что у него могут быть (8) большие неприятности с отцом. Если он будет с тобой откровенен - утешай его в неприятностях, (9) внуши ему, что отец все-таки отец и что нужно как-нибудь ладить. У него есть сестра, это, кажется, ангел-хранитель всего семейства. Я читал ее письма и знаю ее по рассказам барона.

18 января. - Я написал письма сестрам, дяде (у которого ничего не прошу), Иванову, Майкову и князю Одоевскому. Я прошу князя содействовать, (10) когда я буду хлопотать о позволении печатать. Может быть, я успею написать очень скоро одну статью о России, патриотическую.

Если позволят напечатать, я буду просить, будут и деньги. Знаком ли ты с Евг<ением> Ник<олаевичем> Яку<шкиным>? Если не знаком, то познакомься. Он принимает во мне большое участие. Пожалуйста, познакомься получше с Ивановым.

Ради бога, не надумайся и не пугайся много о том, что я говорил тебе о моей привязанности. Может быть, будет, может быть, нет. Я честный человек и не захочу употреблять свое влияние, чтоб заставить это благородное существо принести мне жертву. Но когда будет возможность, хоть через 5 лет, я исполню свое намерение.

Пожалуйста, не сердись на меня за просьбу о деньгах. Помогите мне только теперь. Скоро, очень скоро, может быть, судьба моя переменится.

Прощай, друг мой, живи счастливо, не забудь меня. Теперь с отъездом Wrangel'я я остался совсем сиротой. Очень грустно.

Перецелуй детей, поклонись Эмилии Федоровне. Здорова ли она? Дай бог вам всем счастья. Люби меня и помни обо мне.

Я тебя тоже очень люблю.

Твой Д<остоевский>.

(1) ко мне

(2) далее было начато: Мне даже

(3) было: из Барнаула

(4) было: Вообще для меня самым

(5) было: Даже с братом

(6) далее было начато: Он уж<асно>

(7) далее было начато: ему почти ни<чего>

(8) вместо: у него могут быть - было: у них может быть

(9) далее было: немного

(10) далее было: моей просьбе

104. А. Н. МАЙКОВУ

18 января 1856. Семипалатинск

Семипалатинск. 18 января 56.

Давно хотелось мне ответить на Ваше дорогое письмо, дорогой мой Ап<оллон> Ник<олаеви>ч. Как-то повеяло на меня старым, прежним, когда я читал его. Благодарю Вас бессчетно за то, что меня не забыли. Не знаю, почему мне казалось всегда, что Вы меня не забудете, разве уж по одному тому, что я Вас забыть не мог. Вы пишете, что много прошло времени, много изменилось, много пережилось. Да! должно быть. Но одно то хорошо, что мы как люди не изменились. Я за себя отвечаю. Много любопытного мог бы я Вам написать о себе. Не пеняйте только, что теперь пишу письмо наскоро, урывками и, может быть, неясное. Но я испытываю в эту минуту то, что, вероятно, испытали и Вы, когда ко мне писали: невозможность высказать себя после стольких лет не только в одном, но даже и в 50 листах. Тут нужно говорить глаз на глаз, чтоб душа читалась на лице, чтобы сердце сказывалось в звуках слова. Одно слово, сказанное с убеждением, с полною искренностию и без колебаний, глаз на глаз, лицом к лицу, гораздо более значит, нежели десятки листов исписанной бумаги.

Благодарю Вас особенно за сведения о себе. Я-то вперед знал, что так у Вас кончится и что Вы женитесь. Вы пишете мне, помню ли я Анну Ивановну? Но как же забыть. Рад ее и Вашему счастью, оно мне и прежде было не чуждо; помните в 47 году, когда всё это начиналось. Напомните ей обо мне и уверьте ее в беспредельном моем уважении и преданности. Родителям Вашим скажите, что я знакомство и ласку их вспоминал и вспоминаю с наслаждением; Получила ли Евгения Петровна книгу - разборы и критики в "Отечественных" записках", писанные незабвенным Валерианом Николаевичем? Когда меня арестовали, у меня взяли эту книгу, потом возвратили, но под арестом я никак не мог доставить Евгении Петровне, а я знал, что она ей была дорога. Меня всё это очень печалило. За 2 часа до отправления в Сибирь я просил коменданта Набокова отдать книгу по принадлежности. Отдали ли? Поклонитесь от меня Вашим родителям. Я от души желаю им счастья и долгой, долгой жизни. Может быть, Вы через брата знаете некоторые подробности обо мне. В часы, когда мне нечего делать, я кое-что записываю из воспоминаний моего пребывания в каторге, что было полюбпытнее. Впрочем, тут мало чисто личного. Если кончу и когда-нибудь будет очень удобный случай, то пришлю Вам экземпляр, написанный моей рукой, на память обо мне. (Кстати, я и забыл и принужден теперь сделать отступление.) Письмо это доставит Вам Александр Егорович барон Врангель, человек очень молодой, с прекрасными качествами души и сердца, приехавший в Сибирь прямо из лица с великодушной мечтой узнать край, быть полезным и т. д. Он служил в Семипалатинске; мы с ним сошлись, и я полюбил его очень. Так как я Вас буду особенно просить обратить на него внимание и познакомиться с ним, если возможно, получше, то и дам Вам два слова о его характере: чрезвычайно много доброты, никаких особенных убеждений, благородство сердца, есть ум, - но сердце слабое, нежное, хотя наружность с 1-го взгляда имеет некоторый вид недоступности. Мне очень хотелось бы, чтоб Вы с ним познакомились вообще для его пользы. Круг полуаристократический или на 3/4 аристократический, баронский, в котором он вырос, мне не совсем нравится, да и ему тоже, ибо с превосходными

качествами, но многое заметно из старого влияния. Имейте Вы на него свое влияние, если успеете. Он того стоит. Добра он мне сделал множество. (1) Но я его люблю и не за одно добро, мне сделанное. В заключение: он немного мнителен, очень впечатлителен, иногда скрытен и несколько неровен в расположении духа. Говорите с ним, если сойдетесь, прямо, просто, как можно искреннее и не начинайте издалека. Извините, что я Вас так прошу о бароне. Но, повторяю Вам, я его очень люблю. (2) (Мои замечания о нем, да и вообще всё письмо это держите в секрете; впрочем, Вас учить нечего.) Вы говорите, что вспоминали обо мне горячо и говорили: зачем, зачем? Я сам Вас вспоминал горячо, а на слово Ваше: зачем? – ничего не скажу, будет лишнее. Вы говорите, что много пережили, много передумали и много выжили нового. Это и не могло быть иначе, и я уверен, что мы и теперь поладили бы с Вами в мыслях. Я тоже думал и переживал, и были такие обстоятельства, такие влияния, что приходилось переживать, передумывать и пережевывать слишком много, даже не под силу. Зная меня очень хорошо, Вы, верно, отдадите мне справедливость, что я всегда следовал тому, что мне казалось лучше и прямее, и не кривил сердцем, и то, чему я предавался, предавался горячо. Не думайте, что я этими словами делаю какие-нибудь намеки на то, за что я попал сюда. Я говорю теперь о последовавшем за тем, о прежнем же говорить не у места, да и было-то оно не более, как случай. Идеи меняются, сердце остается одно. Читал письмо Ваше и не понял главного. Я говорю о патриотизме, об русской идее, об чувстве долга, чести национальной, обо всем, о чем Вы с таким восторгом говорите. Но, друг мой! Неужели Вы были когда-нибудь иначе? Я всегда разделял именно эти же самые чувства и убеждения. Россия, долг, честь? – да! я всегда был истинно русский – говорю Вам откровенно. Что же нового в том движении, обнаружившемся вокруг Вас, о котором Вы пишете как о каком-то новом направлении? Признаюсь Вам, я Вас не понял. Читал Ваши стихи и нашел их прекрасными; вполне разделяю с Вами патриотическое чувство нравственного освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери. Как хорошо окончание, последние строки в Вашем "Клермонтском соборе"! Где Вы взяли такой язык, чтоб выразить так великолепно такую огромную мысль? Да! разделяю с Вами идею, что Европу и назначение ее окончит Россия. Для меня это давно было ясно. Вы пишете, что общество как бы проснулось от апатии. Но Вы знаете, что в нашем обществе вообще манифестаций не бывает. Но кто ж из этого заключал когда-нибудь, что оно без энергии? Осветите хорошо мысль и позовите общество, и общество Вас поймет. Так и теперь: идея была освещена великолепно, вполне национально и рыцарски (это правда, надо отдать справедливость) – и наша политическая идея, завещанная еще Петром, оправдалась всеми. (3) Может быть, Вас смущал, и смущал еще недавно, наплыв французских идей (4) в ту часть общества, которое мыслит, чувствует и изучает? Тут была и исключительность, правда. Но всякая исключительность по натуре своей вызывает противоположность. Но согласитесь сами, что все здравомыслящие, то есть те, которые дают тон всему, всему, смотрели на французские идеи со стороны научной – не более, и сами, может быть, даже преданные исключительности, были всегда русскими. В чем же Вы видите новость? Уверю Вас, что я, например, до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, – это был русский народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушие, потому собственно, что мог понять его; ибо был сам русский. Несчастье мое дало мне многое узнать практически, может быть, много влияния имела на меня эта практика, но я узнал практически и то, что я всегда был русским по сердцу. Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться

сердцем и ошибкой стать бессовестным, то есть действовать против своего убеждения. Но зачем, зачем я Вам всё это пишу? Ведь знаю, что ничего не выскажу в строчках, зачем же это писать! Скажу Вам еще кое-что о себе. В каторге я читал очень мало, решительно не было книг. Иногда попадались. Выйдя сюда, в Семипалатинск, я стал читать больше. Но все-таки нет книг и даже нужных книг, а время уходит. Не могу Вам выразить, сколько я мук терпел оттого, что не мог в каторге писать. А, между прочим, внутренняя работа кипела. Кое-что выходило хорошо; я это чувствовал. Я создал там в голове большую окончательную мою повесть. (5) Я боялся, чтобы 1-я любовь к моему (6) созданию не простыла, когда минут годы и когда настал бы час исполнения, - любовь, без которой и писать нельзя. Но я ошибся; характер, созданный мною и который (7) есть основание всей повести, потребовал нескольких лет развития, и я уверен, я бы испортил всё, если б принял ся сторяча неприготовленный. Но, выйдя из каторги, хотя всё было готово, я не писал. Я не мог писать. Одно обстоятельство, один случай, долго медливший в моей жизни и наконец посетивший меня, увлек и поглотил меня совершенно. Я был счастлив, я не мог работать. Потом грусть и горе посетили меня. Я потерял то, что составляло для меня всё. Сотни верст разделили нас. Я Вам не объясняю дела, может быть, когда-нибудь объясню; теперь не могу. Однако же я не был совершенно праздным. Я работал; но я отложил мое главное произведение в сторону. Нужно более спокойствия духа. Я шутя начал комедию и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц и так понравился мне мой герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствия как можно дольше следить за приключениями моего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни. Короче, я пишу комический роман, но до сих пор всё писал отдельные приключения, написал довольно, теперь всё сшиваю в целое. Ну вот Вам реляция об моих занятиях: не мог не рассказать; это оттого, что заговорил с Вами и вспомнил наше старое, незабвенный друг мой. Да! Я много раз был счастлив с Вами: как же бы я мог Вас забыть! Вы пишете мне кое-что о литературе. За нынешний год я почти ничего не читал. Скажу Вам и свои наблюдения: Тургенев мне нравится наиболее - жаль только, что при огромном таланте в нем много невыдержанности. Л. Т. мне очень нравится, но, по моему мнению, много не напишет (впрочем, может быть, я ошибаюсь). Островского совсем не знаю, ничего не читал в целом, но читал много отрывков в разборах о нем. Он, может быть, знает известный класс Руси хорошо, но, мне кажется, он не художник. К тому же, мне кажется, он поэт без идеала. Разуверьте меня, пожалуйста, пришлите мне, ради бога, что получше из его сочинений, чтоб я мог знать его не по одним критикам. Писемского я читал "Фанфарон" и "Богатый жених", - больше ничего. Он мне очень нравится. Он умен, добродушен и даже наивен; рассказывает хорошо. Но одно в нем грустно: спешит писать. Слишком скоро и много пишет. Нужно иметь побольше самолюбия, побольше уважения к своему таланту и к искусству, больше любви к искусству. Идеи смолоду так и льются, не всякую же подхватывать на лету и тотчас высказывать, спешить высказываться. Лучше подождать побольше синтезу-с; побольше думать, подождать, пока (8) многое мелкое, выражающее одну идею, соберется в одно большое, в один крупный, рельефный образ, и тогда выражать его. Колоссальные характеры, создаваемые колоссальными писателями, часто создавались и вырабатывались долго и упорно. Не выражать же все промежуточные пробы и эскизы? Не знаю, поняли ли Вы меня? Что же касается до Писемского, то, мне кажется, он мало сдерживает перо. Наши дамы-писательницы пишут как дамы-писательницы, то есть умно, мило и чрезвычайно спешат высказываться. Скажите, почему дама-писательница почти

никогда не бывает строгим художником? Даже несомненный, колоссальный художник George Sand не раз вредила себе своими дамскими свойствами. Много мелких Ваших стихов читал в журналах за всё время. Они мне очень нравились. Мужайте и работайте. Скажу Вам по секрету, по большому секрету: Тютчев очень замечателен; но... и т. д. Какой это Тютчев; не наш ли? Впрочем, многие из его стихов превосходны.

Прощайте, дорогой друг мой. Извините за бессвязность письма. В письме никогда ничего не напишешь. Вот почему я терпеть не могу m-me de Sïvignÿ. Она писала уже слишком (9) хорошо письма. Кто знает? Может быть, когда-нибудь я обниму Вас. Дал бы бог! Ради бога, никому (вполне никому) не сообщайте письма моего. Обнимаю Вас.

Ваш Д<остоевский>.

- (1) далее было начато: Я даже надеюсь кое-что
- (2) далее было начато: Если Вы с ним очень сойдетесь
- (3) далее было начато: Но я ничего не говорю про <нрзб.> дело
- (4) далее было начато: в русск<ое>
- (5) далее было начато: Всего
- (6) было: своему
- (7) далее было: я взялся
- (8) далее было начато: все
- (9) было: потому что она писала слишком

105. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

23 марта 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 23 марта/56 г. Пятница.

Добрейший, незаменимый друг мой, Александр Егорович! Где Вы, что с Вами? и не забыли ли Вы меня? С следующего понедельника начинаю ждать от Вас обещанного письма с таким нетерпением, как будто счастья и осуществления всех настоящих надежд моих. Под этим конвертом найдете Вы незапечатанные три письма: одно к брату, другое к ген<ерал>-ад<ъютанту> Эдуарду Ивановичу Тотлебену. Не удивляйтесь! всё расскажу! А теперь приступаю прямо по порядку и начинаю с себя. Если б Вы только знали всю мою тоску, все мое уныние, почти отчаяние теперь, в настоящую минуту, то, право, поняли бы, почему я ожидаю Вашего письма как спасенья? Оно должно многое, многое разрешить в судьбе моей. Вы обещали мне написать в возможно скором времени по прибытии в Петербург и уведомить о всем том, чего я надеюсь и о чем Вы так братски хлопотали за меня целый год, - откровенно, не утаивая ничего, не прикрашивая истину и отнюдь не обнадеживая меня шаткими надеждами. Таких-то известий жду от вас, как жизни. Не показывайте моего письма никому, ради бога. Уведомляю Вас, что дела мои в положении чрезвычайном. La dame (la mienne) грустит, отчаивается, больна поминутно, теряет веру в надежды мои, в устройство судьбы нашей и, что всего хуже, окружена в своем городишке (она еще не переехала в Барнаул) людьми, которые смастерят что-нибудь очень недоброе: там есть женихи. Услужливые кумушки разрываются на части, чтоб склонить ее выйти замуж, дать слово кому-то, имени которого еще я не знаю. В ожидании шпионят над ней, разведывают, от кого она получает письма? Она же всё ждет до сих пор известия от родных, которые там у себя, на краю света, должны решить здешнюю судьбу ее, - то есть возвратиться ли в Россию или переезжать в Барнаул. Письма ее последние ко мне во всё последнее время становились всё грустнее и тоскливее. Она писала под болезненным впечатлением: я

знал, что она была больна. Я предугадывал, что она что-то скрывает от меня. (Увы! я этого Вам никогда не говорил: но еще в бытность Вашу здесь *par ma jalousie incomparable* я доводил ее до отчаяния, и вот не потому-то она теперь скрывает от меня.) И что ж? Вдруг слышу здесь, что она дала слово другому, в Кузнецке, выйти замуж. Я был поражен как громом. В отчаянии я не знал, что делать, начал писать к ней, но в воскресенье получил и от нее письмо, письмо приветливое, милое, как всегда, но скрытное еще более, чем всегда. Меньше прежнего задушевных слов, как будто остерегаются их писать. Нет и помину о будущих надеждах наших, как будто мысль об этом уж совершенно отлагается в сторону. Какое-то полное неверие в возможность перемены в судьбе моей в скором времени и наконец громовое известие: она решилась прервать скрытность и робко спрашивает меня: "Что если б нашелся человек, пожилой, с добрыми качествами, служащий, обеспеченный, и если б этот человек делал ей предложение - что ей ответить?" Она спрашивает моего совета. Она пишет, что у нее голова кружится от мысли, что она одна, на краю света, с ребенком, что отец стар, может умереть, - тогда что с ней будет? Просит обсудить дело хладнокровно, как следует другу, и ответить немедленно. *Protestation d'amour* были, впрочем, еще в предыдущих письмах. <нрзб.> прибавляет, что она любит меня, что это одно еще предположение и расчет. Я был поражен как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь. Теперь я лежу у себя

<нрзб.>. Неподвижная идея в моей голове! Едва понимаю, как живу и что мне говорят. О, не дай господи никому этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь Вам, что я пришел в отчаяние. Я понял возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился... Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Бедненькая! ангел мой! Она и так больна, а я растерзал ее! Я, может быть, убил ее этим письмом. Я сказал, что я умру, если лишусь ее. Тут были и угрозы и ласки и униженные просьбы, не знаю что. Вы поймете меня, Вы мой ангел, моя надежда! Но рассудите: что же делать было ей, бедной, брошенной, болезненно мнительной и, наконец, потерявшей всю веру в устройство судьбы моей! Ведь не за солдата же выйти ей. Но я перечел все ее письма последние в эту неделю. Господь знает, может быть, она еще не дала слово и кажется так; она только поколебалась. *Mais elle maime, elle maime*, это я знаю, я вижу - по ее грусти, тоске, по ее неоднократным порывам в письмах и еще по многому, чего не напишу Вам. Друг мой! я никогда не был с Вами вполне откровенным на этот счет. Теперь что мне делать! Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния... Сердце сосет тоска смертельная, ночью сны, вскрикиванья, горловые спазмы душат меня, слезы то запрутся упорно, то хлынут ручьем. Посудите же и мое положение. Я человек честный. Я знаю, что она меня любит. Но что если я противлюсь ее счастью? С другой стороны, не верю я в жениха кузнецкого! Не ей, больной, раздражительной, развитой сердцем, образованной, умной отдаться бог знает кому, который, может быть, про себя и побои считает законным делом в браке. Она добра и доверчива. Я ее отлично знаю. Ее можно уверить в чем угодно. К тому же сбивают с толку кумушки (проклятые) и безнадежность положения. Решительный ответ, то есть узнаю всю подноготную ко 2-му апреля, но, друг мой, посоветуйте же, что мне делать? Впрочем, к чему я спрашиваю Вашего совета? Отказаться мне от нее невозможно никак, ни в каком случае. Любовь в мои лета не блажь, она продолжается два года, слышите, два года, в 10 месяцев разлуки она не только не ослабела, но дошла до нелепости. Я погибну, если потеряю своего ангела: или с ума сойду, или в Иртыш! Само

собой разумеется, что если б уладились дела мои (насчет манифеста), то я был бы предпочтен всем и каждому; ибо она меня любит, в этом я уверен. Скажу же Вам, что у нас, на нашем языке (у меня с ней), называется устройством судьбы моей: переход из военной службы в статскую, место при некотором жалованье, класс (хоть 14-й) или близкая надежда на это и какая-нибудь возможность достать денег, чтобы прожить, по крайней мере, до устройства окончательного дел моих. Само собой разумеется, что выход из военной или поступление в статскую – хоть это только и без класса и без больших денег – сочтется с ее стороны за чрезвычайную надежду и воскресит ее. Я же с своей стороны объявлю Вам мои надежды; чего мне надобно наверно, чтоб отбить ее от женихов и остаться перед ней честным человеком, а потом уже спрошу Вас: чего мне ожидать из того, что мне надобно, что может сбыться, что не сбыться? – так как Вы в Петербурге и многое знаете, чего я не знаю.

Мои надежды, дорогой, бесценный и, может быть, единственный друг мой, Вы, чистое, честное сердце, – мои надежды – выслушайте их. Как ни думаю, они мне кажутся довольно ясными. Во-первых, неужели не будет никакой милости нынешним летом, по заключении мира или при коронации? (Вот этого-то известия я и ожидаю от Вас теперь с судорожным нетерпением.) Второе, положим, то еще в области надежд; но неужели нельзя мне перейти из военной в статскую и перейти в Барнаул, если ничего не будет другого по манифесту? Ведь Дуров перешел же в статскую. Я Вам говорю, что уж этот один переход воскресит ее и она прогонит всех женихов; ибо в последнем и в предпоследнем письмах она пишет, что любит меня глубоко, что жених только расчет, что умоляет меня не сомневаться в любви ее и верить, что это только одно предположение, последнему я верю; может быть, ей предлагали и ее уговаривают, но она еще не дала слова; я справлялся о слухах, отыскивал их источник, и оказывается много сплетен. К тому же, если б дала слово, она бы мне написала. Следовательно, это еще далеко не решено. Ко 2-му апрелю жду от нее письма. Я требовал полной откровенности и тогда узнаю всю подноготную. О друг мой! Мне ли оставить ее или другому отдать. Ведь я на нее имею права, слышите, права! Итак: переход мой в статскую службу будет считаться большою надеждою и ободрением. 3) Долго ли я буду без чина? Как Вы думаете? Неужели будет заперта моя карьера? Такие ли преступники, как я, получали всё? Не верю я тому! Верю, что через два года, если даже теперь ничего не будет, я ворочусь в Россию. Теперь самое важнейшее – деньги. Две вещи, одна – статья, другая – роман, будут готовы к сентябрю. Хочу формально просить печатать. Если позволят, то я на всю жизнь с хлебом. Теперь не так как прежде, столько обделанного, столько обдуманного и такая энергия к письму! Надеюсь написать роман (к сентябрю) получше "Бедных людей". Ведь если позволят печатать (а я не верю, слышите: не верю, чтоб этого нельзя было выхлопотать), ведь это гул пойдет, книга раскупится, доставит мне деньги, значение, обратит на меня внимание правительства, да и возвращение придет скорей. А мне что надобно: 2-3 тысячи в год ассигнациями. Итак, честно ли я поступлю с ней или нет? Что ж, этого мало, что ли, для содержания нашего? Года через два возвратимся в Россию, она будет жить хорошо, и, может быть, даже наживем что-нибудь. Ну неужели, имев столько мужества и энергии в продолжение 6-ти лет для борьбы с неслыханными страданиями, я не способен буду достать столько денег, чтобы прокормить себя и жену. Вздор! Ведь, главное, никто не знает ни сил моих, ни степени таланта, а на это-то, главное, я и надеюсь. Наконец, последний случай: ну, положим, что еще год не позволят печатать? Но я, при первой перемене судьбы, напишу к дяде, попрошу у него 1000 руб. сереб<ом> для начала на новом

поприще, не говоря о браке; я уверен, что даст. Ну, неужели не проживем на это году? А там дела уладятся. Наконец, я могу напечатать incognito и все-таки взять денежек. Поймите же, что все эти надежды только в том случае, если нынешнее лето ничего не будет (манифест). А что если будет? Нет, я не подлец перед ней! А так как она сама упоминает, (1) что рада без сожаленья бросить всех женихов для меня, если б только у нас уладились дела, то, значит, я еще ее избавлю от беды. Но что я говорю! Это решено, что я ее не оставлю! Она же погибнет без меня! Алекс<андр> Егорович, душа моя! Если б Вы знали, как жду письма Вашего! Может быть, в нем есть положительные известия, тогда pošлю его ей в оригинале, а если нельзя, вырву строки о надеждах на устройство судьбы моей и pošлю. Но понимаете, в каких я теперь хлопотах! Есть у меня до вас много просьб: ради Христа, исполните все.

1-я просьба. Вы найдете тут письмо к Эд<уарду> Ив<ановичу> Тотлебену. Вот у меня какая идея: с этим человеком когда-то я был знаком хорошо; с братом его я друг с детства. Еще за несколько дней до ареста моего я, случайно, встретился с ним, и мы так приветливо подали друг другу руки. Что же? Он, может быть, не забыл меня. Человек он добрый, простой, с великодушным сердцем (он это доказал), настоящий герой севастопольский, достойный имен Нахимова и Корнилова. Снесите ему мое письмо. Прочтите его сначала хорошенько. Вы, верно, заметите по тону моего письма к нему, что я колебался и не знал, как ему писать. Он теперь стоит так высоко, а я кто такой? Захочет ли вспомнить меня? на всякий случай я и написал так. Теперь: отправьтесь к нему лично (надеюсь, что он в Петербурге) и отдайте ему письмо мое наедине. Вы по лицу его тотчас увидите, как он это принимает. Если дурно, то и делать нечего; в коротких словах объяснив ему положение и замолвив словечко, откланяйтесь и уйдите, попрося наперед у него насчет всего этого дела секрета. Он человек очень вежливый (несколько рыцарский характер), примет и отпустит Вас очень вежливо, если даже и ничего не скажет удовлетворительного. Если же Вы по лицу его увидите, что он займется мною и выкажет много участия и доброты, о, тогда будьте с ним совершенно откровенны; прямо, от сердца войдите в дело; расскажите ему обо мне и скажите ему, что его слово теперь много значит, что он мог бы попросить за меня у монарха, поручиться (как знающий меня) за то, что я буду вперед хорошим гражданином, и, верно, ему не откажут. Несколько раз по просьбе Паскевича государь прощал преступников-поляков. Тотлебен теперь в такой милости, в такой любви, что, право, его просьба будет стоять Паскевичевой. Вообще же я во многом надеюсь на Вас. Вы скажете горячее слово, я уверен. Ради бога, не откажите мне в этом. Напирайте собственно на то, чтоб мне оставить военную службу (но главное, если можно чего-нибудь более, то есть даже полного прощенья, то не упускайте этого из виду). Нельзя ли, например, уволить меня с правом поступления в статскую 14-м классом и с возможностью возвратиться в Россию, а главное печатать? Вообще прочтите внимательно мое письмо к Тотлебену. Нельзя ли будет пустить в ход стихотворение? Я читал в газетах, что на обеде Майков говорил ему стихи. Не знаком ли он с ним? Если так, то расскажите всё Майкову, под секретом, и попросите, чтоб и он попросил за меня Тотлебена и отправился бы к нему вместе с Вами. Не встретите ли как-нибудь младшего брата Тотлебена, Адольфа? Тот мне друг. Скажите ему обо мне, и тот бросится на шею к брату и будет умолять его хлопотать за меня. Само собою разумеется, Вы мое письмо к Тотлебену запечатайте в конверт и так подайте. Мне же как можно скорее пришлите уведомление обо всем этом, хорошо ли, худо ли будет. Но вот беда: чтоб Lamotte не уехал к тому времени по своему округу! Он поедет на месяц. Я

думаю, не уедет! Кажется, наверно так. Поторопитесь отвечать мне. Боюсь еще одного: хорошо ли, например, принял письмо мое кн<язь> Одоев<ский>. Не обескуражены ли Вы и, может быть, нехотя пойдете к Тотлеб<ену>. Ангел мой! Не оставляйте меня, не доводите меня до отчаяния!

2-я просьба. Напишите мне подробно и скорее: как Вы нашли моего брата? В каких он мыслях обо мне? Прежде это был человек, меня любивший горячо! Он плакал, прощаясь со мною. Не охладел ли он ко мне! Не изменил ли характера! Как грустно было бы мне это! Не обратился ли он весь в наживу денег и забыл всё старое? Не верится мне как-то этому. Но опять: чем же объяснить, что он не пишет иногда по 7 по 8 месяцев, пишет бог знает что, даже в бесцензурном письме с Хоментовским не отвечал ничего на мои вопросы, и так мало я вижу прежнего, задушевного! Никогда не забуду, что он сказал Хоментовскому, передававшему ему мою просьбу похлопотать за меня, что мне лучше оставаться в Сибири. В декабре мы писали (помните, через Вашего брата), я просил денег, прося их выслать на Ламота. Вы знаете, как я нуждался! Что ж, ни слуху, ни духу! Я понимаю, что он может их не иметь, ибо он торгует, но в крайних случаях спасают человека. Притом же недолго я буду у них на шее и всё отдам. Притом же и прошу-то его об деньгах, помня его же слова при прощании со мною. В письме к нему, здесь приложенном, прошу его кроме тех 100 выслать мне еще, сколько может больше. Мне нужно это на всякий случай (если б я получил свободу, то тотчас же полетел бы в Кузнецк, а без денег этого сделать нельзя). Кроме того, если уедет она в Барнаул, уговорю ее принять от меня; я ведь Вам не могу написать, но мне нужны, нужны деньги до зарезу; один раз в жизни они только так бывают нужны. 300 руб. серебром спасли бы меня. Но даже 200 и то хорошо, включая сюда те 100, которые уже я просил в декабре.

Разумеется, я это Вам пишу как другу, а Вы не вздумайте сами чем-нибудь помочь! Я и то перед Вами подлецом, должен Вам пропасть! Во всяком случае, перечтите мое письмо к брату. Этого, что теперь пишу к Вам, ему не показывайте. Но я его отсылаю за пояснениями к Вам: расскажите ему всё. Что если он, подобно всевозможным дядюшкам и родным в романах, сердится на любовь мою к ней и отговаривает Вас помогать мне! Но ведь мне 35 лет. Что он думает? Что я его люблю из-за денег, которые он мне присылает. Вздор! У меня гордость есть. Я буду есть один хлеб и погибнем я и она, но не надобно мне от него денег, посланных с таким чувством. Не хочу подавания! Мне нужно брата, а не денег! Мы с ним когда-то и вздорили, но горячо любили друг друга, и, клянусь Вам, я бы голову за него отдал. У меня дурной характер, но когда дойдет до дела, тогда я стою за друзей. Когда нас арестовали, то уж тут, кажется бы, в первую минуту ужаса, позволительно бы подумать прежде всего о себе. Что же? Я думал только об нем, о том, как поразит арест его семью, как поразит его бедную жену; я умолял третьего моего брата, которого арестовали ошибкой, не объяснять ошибки арестовавшим как можно долее и послать денег брату, полагая, что у него нет. Неужели он забыл всё старое и рассердится на то, что я прошу много денег, и когда? Когда для меня самый критический момент всей жизни. Напишите, как он принял Вас, как Вы его нашли (откровенно), напишите его образ мыслей обо всем этом деле и слушайте только своего золотого сердца, добрейший друг; да будьте пооткровеннее с Майковым на мой счет. Это превосходный человек и меня любит. Разумеется, просите держать все в секрете. 3-я просьба. Ради бога, поймите меня, помогайте мне, не думая, что я чем-нибудь могу повредить своей карьере моею любовью к ней, и 2-е) не подумайте, чтоб я поступал с нею нечестно, отвлекая ее от выгодного брака с другим, имея в виду только одну мою эгоистическую пользу. Нет ни выгоды ей в ее браке с другим, ни малодушного эгоизма во мне, и потому

этого нельзя думать. В противном случае, клянусь, я готов жизнь мою за нее отдать и отказался бы от всех надежд моих в ее пользу. Рассудите: она в каждом письме своем и даже в последнем пишет, что любит меня более всего на свете, пишет, что сватающийся человек только расчет с ее стороны, и особенно умоляет меня верить, что это только еще одно предположение. Поймите же и ее положение. Она с жадностью ждет перемены в судьбе моей, и все нет да нет ничего! Она приходит в отчаяние и, понимая, что она мать, что у ней есть ребенок, поколебалась на возможность, если мои дела не устроятся, выйти замуж. Еще две почты назад она писала мне, успокоивая мою ревность, что ни один из кузнецких не стоит моего пальца, что она хотела бы мне сказать что-то, но боится меня, что кругом нее интригуют всякие гады, что всё это так грубо делается, без малейшего знания приличий, уверяет в том же письме, что она более чем когда-нибудь чувствует, что я необходим ей, а она мне, и пишет: "Приезжайте скорее, вместе посмеемся". Конечно, посмеемся над проделками кумушек, давших себе слово выдать ее замуж. Но ведь она, бедная, слабая, всего боится. Ведь, наконец, собьют ее с толку, а главное, загрызут, если увидят, что она не поддается на их проделки, и она будет жить одна среди врагов. Поймите же, что это для нее смерть и гибель выйти там замуж! (2) Я знаю, что если б малейшая надежда в судьбе моей - и она бы воскресла, укрепились духом и, получив письмо отца (с разрешением), уехала бы в Барнаул или в Астрахань. Что же касается (3) до меня, то, конечно, мы были бы с ней счастливы. В браке со мной она была бы всю жизнь окружена хорошими людьми и хорошим, большим уважением, чем с тем чиновником. Я сам ведь буду чиновник и скоро, может быть. Я уверен, что могу прокормить семью. Я буду работать, писать. Ведь если не будет теперь никаких даже милостей, все-таки можно будет перейти в штатскую, взять 14-й класс поскорее, получать жалование, а главное, я могу печатать, даже incognito печатать. Буду с деньгами. Наконец, ведь это всё не сейчас, а к тому сроку дело уладится. Знаете, что я ей отвечал и чего прошу у нее? Вот что: что так как раньше окончания траура, раньше сентября то есть, она не может выйти замуж, то чтоб подождала и не давала тому решительного слова. Если же до сентября мое дело не уладится, то тогда, пожалуй, пусть объявит согласие. Согласитесь, что если б я бесчестно и эгоистически действовал с ней, то повредить бы ей не мог просьбой подождать до сентября. К тому же она любит меня. Бедненькая! Она измучается. Ей ли с ее сердцем, с ее умом прожить всю жизнь в Кузнецке бог знает с кем. Она в положении моей героини в "Бедных людях", которая выходит за Быкова (напророчил же я себе!). Голубчик мой! пишу Вам всё это для того, чтоб Вы действовали всем сердцем и всей душой в мою пользу. Как на брата надеюсь на Вас! Иначе я дойду до отчаяния! К чему мне жизнь тогда! Клянусь Вам, что я сделаю тогда что-нибудь решительное! Умоляю Вас, ангел мой! А если Вам когда-нибудь понадобится человек, которого надо будет послать за Вас в огонь и в воду, то этот человек готов, это я, а я не покидаю тех, кого люблю, ни в счастье, ни в беде, и доказал это! и потому, ангел мой, 4-я просьба. Ради бога, не теряя времени, напишите ей в Кузнецк письмо и напишите ей яснее и точнее все надежды мои. Особенно, если есть что-нибудь положительное в перемене судьбы моей, то напишите это ей во всех подробностях, и она быстро перейдет от отчаяния к уверенности и воскреснет от надежды, напишите всю правду и только правду. Главное подробнее. Это очень легко. Вот так: "Мне передал Ф. М. Ваш поклон (она Вам кланяется и желает счастья) - так как, я знаю, Вы принимаете большое участие в судьбе Ф. М., то спешу порадовать Вас, есть вот такие-то известия и надежды для него..." и т. д. Наконец: "Я много думал о Вас.

Поезжайте в Барнаул, там Вас примут хорошо" и т. д. Вот так и напишите, да еще: она писала мне, что Вы, уезжая, ей написали. Очень рада и благодарна, что Вы ее не забыли, но пишет, что ничего не видно из письма Вашего, что ей хорошо будет в Барнауле, что Вы даже не пишете, согласен ли Барнаул принять меня, и что она не знает поэтому: не примут ли ее с досадою, как попрошайку, когда она явится туда. Верно, Вы были в хлопотах и расстройстве сами, когда так неполно и вскользь ей написали. Понимаю это и не ропщу на Вас. Но, ради бога, поправьте теперь дело. Для меня, для меня это сделайте, мой ангел, брат мой, друг мой! Спасите меня от отчаяния! ведь Вы больше чем кто другой могли бы понять меня! Наконец: ради Христа, уведомьте меня обо всем ходе дел моих, как можно подробнее и поскорее; в этом полагаюсь совершенно на Вас. Уговаривайте брата помогать мне, действуйте перед ним как ходатай за меня. Внушите ему, что я только осчастливилу себя браком с нею, что нам немного надо, чтоб жить, и что у меня достанет энергии и силы, чтоб прокормить семью. Что если позволят писать и печатать, тогда я спасен, что я не буду им никому в тягость, не буду просить их помогать себе, и главное: не сейчас же я женюсь, а выжду чего-нибудь обеспеченного. Она же с радостью подождет, только бы имела надежду на верное устройство судьбы моей. Скажите тоже, что мне 35 лет и что во мне благоразумия хватит на 10-х. Прощайте, дорогой мой, голубчик мой! Да! забыл! Ради Христа, поговорите с братом о денежных делах моих. Уговорите его помочь мне последний раз. Поймите - в каком я положении. Не оставляйте меня! Ведь такие обстоятельства как мои только раз в жизни бывают. Когда же и выручать друзей, как не в такое время. Обнимаю, целую Вас. Что Ваши дела? Ведь я ничего-то о Вас не знаю! Жду с нетерпением письма от Вас. С сожалением кончаю письмо; теперь опять я один с моими слезами, сомнениями и отчаянием.

Напишите мне, ради бога: Катерина Осиповна в Петербурге или нет? Похлопочите о моих и ее делах у Гернгроссов. Прощайте; обнимаю и целую Вас еще раз! Вы надежда моя, Вы спаситель мой!

Ваш Д<остоевский>.

(1) было: пишет

(2) далее было начато: она сама

(3) далее помета: (читайте на полях, следя за цифрами)

106. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
24 марта 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 24 марта/56.

Брат и друг мой, милый и дорогой мой Миша, письмо это передаст тебе Ал<ександр> Егор<ович> Вранг<ель>. Пишу к тебе, а за подробностями отсылаю к Ал<ександру> Егоровичу, с которым, полагаю, ты хорошо познакомился. Мало что упишешь в нескольких строчках письма, добрый друг мой! Мне бы хотелось видеть тебя, говорить с тобой, и душа в душу, пересказать тебе всё, что теперь меня волнует и мучает. Скажу тебе одно: никогда столько грусти, тоски и отчаяния не было в жизни моей, как теперь! Тебя прошу о помощи: не оставляй хоть ты меня в эту минуту. Ал<ександр> Ег<орович> многое расскажет тебе. В письме с ним я писал уже тебе об одной даме, с которой был знаком в Семипалатинске, которая переехала с мужем в Кузнецк, где муж ее и умер. Писал тоже тебе о надеждах моих, о любви нашей. Друг мой милый! Эта привязанность, это

чувство к ней для меня теперь всё на свете! Я живу, дышу только ею и для нее. В разлуке с ней мы обменялись клятвами, обетами. Она дала мне слово быть женой моей. Она меня любит и доказала это. Но теперь она одна и без помощи. Родители ее далеко (они ей помогают, присылают денег). Видя, что так долго не разрешается судьба моя, нет ничего, чего мы вместе с ней ожидали, что облегчение судьбы моей еще сомнительно (хотя я уверен в нем), она впала в отчаяние, тоскует, грустит, больна. В маленьком этом городишке интригуют. Ее осаждают просьбами выйти замуж, все вдруг сделались Кочкаревыми. Если она не даст слова, все сделаются ее врагами. Ее сбивают, указывают на беспомощность ее положения, и вот она наконец, долго таившись от меня, написала мне об этом. Пишет, что любит меня больше всего на свете, что возможность выйти замуж за другого еще одно предположение, но спрашивает: "что ей делать?" - и молит меня, чтоб я не оставил ее в эту критическую минуту советом. Это известие меня поразило, как громом. Я истерзан мучениями. Что если ее собьют с толку, (1) что если она погубит себя, она, с чувством, с сердцем, выйдя за какого-нибудь мужика, олуха, чиновника, для куска хлеба себе и сыну, она только могла (2) бы это сделать! Но каково же продать себя, имея другую любовь в сердце. Каково же и мне? Может быть, накануне переворота в судьбе моей и ее устройства по-новому. Потому что я слишком обнадежен, чтоб потерять надежду. Если не теперь, то когда-нибудь я достигну полного устройства дел моих, а теперь если не всё, то не многое могло бы спасти нас обоих! А это не многое так возможно и скоро! Я здесь даже нашел людей, которые готовы дать мне место, а всегда можно добиться перехода из военной в статскую службу. Меня даже могут перевести 14 классом (меня, напри<ер>, обнадеживали, что на следующий год меня могут представить в офицеры). Я получу место, жалование. Если бы даже не было никакой милости нынешним летом, и все старания обо мне остались бы тщетными, то даже этот переход в статскую службу уладил бы мои дела окончательно. А это-то уже возможно! Наконец, конечно, жалование было бы малое, но я могу сам добывать деньги, я бы добился до позволения печатать. Полежаев, Марлинский печатали же. Тогда я и обеспечен и по-здешнему даже богат (от литературы я многого ожидаю. Представь себе сочинение замечательное, как "Бедные люди"; и тогда на меня все обратят внимание даже свыше). Наконец; если б нынешнюю зиму, в которую я располагаю просить о позволении напечатать роман и одну статью, над которой сижу теперь, если б несмотря на мои убеждения, что достигну этого позволения, если б мне и отказали, то 1-й год брака я бы мог обеспечить себя и жить, не прибегая, напри<ер>, к тебе с просьбой помочь; ибо если б переменилась судьба моя, хоть как-нибудь, то я имею намерение обратиться к дяде и попросить его (не говоря о браке) помочь мне для начала новой жизни. Даст! Я уверен в том. Теперь посуди сам мое положение. Ее надо обнадежить, уверить, спасти; я далеко от нее; на письмах дело ладится плохо. Пойми же мое отчаяние! Пойми и то, брат (ради Христа, будь мне братом и пойми, что это не 20-летняя страсть, что мне 35 лет скоро, что я умру с тоски, если потеряю ее!), что всю жизнь мою хотел я посвятить на то, чтоб сделать ее счастливою. Я не могу тебе написать ни моих надежд, ни моего отчаяния. Мы более 6 лет не видались. Пойдем ли мы друг друга так, как надо, как брат понимает брата? Любишь ли ты меня по-прежнему, не изменился ли ты, - не знаю этого ничего! Друг мой, ангел мой! Есть у меня надежда, уверенность, что ты все-таки брат мне! Спаси меня! помоги мне! Есть у меня до тебя 2 просьбы, одна ничтожная, другая важная, но обе, исполненные, помогли бы мне, и ты бы сделал мне благодеяние, слышишь, брат, благодеяние! Вот эти просьбы (умоляю тебя, не откинь их и исполни как можно скорее. Вспомни, что, может быть, и я буду

тебе полезен, что не забывал же и я тебя в критическом случае. Ты знаешь, что я люблю тебя. Брат, ангел мой, помоги же мне! Неужели все, все оставят меня!): 1-е, о чем прошу тебя. У ней есть сын, мальчик, которому едва только минуло 8 лет. Когда умер муж, она, как мать, как заброшенная на край света, и наконец, как слабая женщина, пришла в страшное отчаяние о судьбе ребенка. Я ее обнадеживал. Старик-отец писал ей, что он не оставит внука, отдаст его в гимназию и потом в университет. Но что будет, думает она, если умрет старик, тогда кто будет содержать сына? И потому она думает, что лучше будет отдать его в корпус, где нынче так прекрасно воспитывают и где правительство не оставляет своих воспитанников уже всю жизнь, даже во время службы, раз уже взяв их на свое попечение. По чину мужа его нельзя иначе отдать, как в Павловский корпус. Я вполне согласился с нею и сказал ей, что Голеновский, мой родственник, занимает в этом корпусе значительное место, что он имел бы особое попечение за ребенком и его нравственностью и что, наконец, ты, как родной брат мне, не отказал бы исполнить мою усердную просьбу, хоть иногда брать ребенка по воскресеньям к себе. Таким образом не остался бы он совершенным сироткой, посещал бы хороший дом, где видел бы хорошие примеры, и таким образом ей можно было быть спокойною и за развитие его характера и нравственности. Когда же она дала мне слово быть моею женою, я подтвердил ей, что буду хлопотать у родных моих о ее сыне, и в случае если она достигнет поместить его в Павловский корпус (что она сделает и сама, не утруждая никого просьбами), то родные мои, некоторым образом уже как родные и ее сыну, примут в нем и участие более горячее, более родственное. Это ей было очень приятно. Она, бедная, была в такой тоске. Скажу тебе, милый мой, что я действительно надеялся крепко на тебя. Чтобы стоило тебе в самом деле иногда взять его к себе в воскресенье. Не объел же бы тебя бедненький сиротка. А за сиротку тебе бог еще больше подаст. К тому же, когда-то твоего брата, который был в изгнании, в несчастье, заброшенный на край света, оставленный всеми, отец и мать этого ребенка приняли у себя как брата родного, кормили, поили, ласкали и сделали его судьбу счастливее. К тому же, самое поступление мальчика еще не скоро будет, ему еще только 8 лет. Теперь пойми меня: я хочу просить тебя, чтоб ты написал ей в этом смысле. Именно так: М<илостивая> г<осударыня> Марья Дмитриевна! Брат мой, Ф<едор> М<ихайлович> Д<остоевский>, много раз писал мне, как радушно, с каким родственным участием был он принят Вами и Вашим покойным мужем в Семипалатинске. Нет слов, чтобы изъяснить Вам всю благодарность за то, что Вы сделали бедному изгнаннику. Я его брат и потому могу это чувствовать. Давно уже хотел я благодарить Вас. Брат уведомил меня, что Вы намерены поместить Вашего сына, когда выйдут ему лета, в Павловск<ий> корпус. Если когда-нибудь он там будет (3) и если я хоть чем-нибудь могу облегчить одиночество ребенка на случай, если б он не имел в Петербурге ни родных, ни знакомых, то, поверьте, я почту себя счастливейшим человеком, тем более, что хоть этим могу выказать Вам живейшую благодарность за радушный прием моего брата в Вашем доме. Поверьте еще, что всё, что писал мне брат о Вас и знакомстве с Вашим домом, было мне чрезвычайно приятно и наполнило сердце мое радостью за моего бедного брата. Нет слов, чтобы выразить Вам всё мое уважение. Позвольте пребыть и т. д."

На эту тему прошу тебя написать покороче и получше. Пойми, что ты для меня можешь сделать, тем более, что это тебе ничего не стоит. Ты вольешь в нее надежду. Она увидит, что она не оставлена, а главное, страшно поможешь мне в делах моих. Ибо расположение родных моих к ней, для нее, теперь, чрезвычайно важно; ибо я уведомил ее, что писал тебе о

возможности нашего брака. Само собою разумеется, об этом браке ни слова. Адресовать: Ее высок<облагородию> М<арии> Дм<итриевне> Исаевой, в город Кузнецк, Томской губернии.

Ради Христа, сделай это для меня, брат. Ты мне сделаешь, повторяю, благодеяние. На коленях прошу тебя об этом. Не убей меня отказом! 2-я просьба важная. Я уже писал тебе, друг мой, что я в страшной нужде и просил у тебя 100 руб. сереб<ром>. Ни слуху, ни духу от тебя. Боже мой! Что если я надоел тебе, что ты рад от меня совсем отвязаться, а я пишу тебе такие письма! Но я решаюсь писать тебе еще раз и просить у тебя огромной помощи. Друг мой! Мне нужно так много денег, что и вымолвить страшно. Но я последний раз прошу у тебя, более никогда в жизни тебя не буду беспокоить и при 1-м обороте счастья всё отдам тебе.

Мне нужно кроме тех 100 руб., которые я просил у тебя, еще 200 руб.

Послушай, брат! Помнишь ты то время, когда ты женился? Не поделился ли я с тобой последним тогда? Знаю, не упрекай меня в неблагодарности! Ты мне столько передавал за всю жизнь мою денег, что мое ничего против твоего. Но все хорошо вовремя. К тому же, неужели бы ты мог быть способен отказать в помощи брату в таком несчастье. Теперь пойми, что никогда еще в жизни моей не было такой ужасной минуты! Эти деньги могли бы помочь мне в самом критическом обстоятельстве. Если нельзя 300, то пришли 200. Но, ради бога, пришли! Более не буду тебя беспокоить.

Я надеюсь на перемену моей судьбы и убежден, что скоро в состоянии буду добывать себе хлеб. Брат! Еще я хотел сказать тебе кое-что, но мне так грустно, так грустно! Брат, неужели ты ко мне изменился! Как ты холоден, не хочешь писать, в 7 месяцев раз пришлешь денег и 3 строчки письма. Точно подаяние! Не хочу я подаяния без брата! Не оскорбляй меня! Друг мой! Я так несчастлив! Так несчастлив! Я убит теперь, истерзан! Душа болит до смерти. Я долго страдал, 7 лет всего, всего горького, что только выдумать можно, но наконец есть же мера страданию! Не камень же я! Теперь всё это переполнилось. Ангел мой! Если я тебя оскорбляю упреками и если я несправедлив к тебе, то на коленях прошу у тебя прощения. Не сердись на меня, мне ведь так тяжело! Не будь ко мне так небрежен! Помогите, услышь меня!

Радушный братский поклон мой Эмилии Федоровне и всему семейству. Ради Христа, никому ни слова о моих намерениях насчет женитьбы. Напиши письмо к М<арье> Д<митриевне> как можно скорее, не задерживая, и как можно почтительнее. Эта женщина стоит того!

(1) вместо: собьют с толку - было: погубят

(2) было: способна

(3) далее было: поверьте

107. Э. И. ТОТЛЕВЕНУ

24 марта 1856. Семипалатинск

Ваше превосходительство, Эдуард Иванович,
Простите меня, что осмеливаюсь утруждать Ваше внимание письмом моим. Боюсь, что, взглянув на подпись его, на имя, Вами, вероятно, забытое, хотя я когда-то (очень давно) и имел честь быть Вам известным, - боюсь, что Вы рассердитесь на меня и на дерзость мою и бросите письмо, не прочитав его. Умоляю Вас, будьте ко мне снисходительнее. Не обвиняйте меня в том, что я не понимаю всей неизмеримой разницы между моим положением и - Вашим. В моей жизни было слишком много печального опыта,

чтоб я мог не понять этой разницы. Я очень хорошо понимаю и то, что не имею никакого права припоминать теперь, что был когда-то Вам известен, припоминать с тем, чтоб считать это хоть за одну тень права на внимание Ваше. Но я так несчастен, что почти поневоле поверил надежде, что Вы не закроете своего сердца для несчастного изгнанника, подарите ему хоть одну минуту внимания и, может быть, благосклонно выслушаете его.

Я просил передать Вам это письмо барона Александра Егоровича Врангеля. В бытность свою здесь, в Семипалатинске, он сделал для меня столько, сколько родной брат не мог бы сделать. Я так счастлив был его дружбой! Он знает все мои обстоятельства. Я просил его передать Вам письмо мое лично. Он сделает это, несмотря на то, что не имеет удовольствия знать Вас, и на то, что я даже не имею возможности уверить его, что письмо это будет принято Вами снисходительно. Сомнение, понятное в сердце человека, бывшего каторжником. Я имею к Вам огромную просьбу, только робкую надежду, что она будет Вами услышана.

Может быть, Вы слышали о моем аресте, суде и высочайшей конфирмации, последовавшей по делу, в котором я был замешан в 1849 году. Может быть, Вы обратили на судьбу мою некоторое внимание. Я основываю предположение это на том, что с младшим братом Вашим, Адольфом Ивановичем, я был очень дружен, почти с детских лет любил его горячо. И хотя я с ним не видался в последнее время, но уверен, что он пожалел обо мне и, может быть, передал Вам мою грустную историю. Я не осмелюсь утруждать Вашего внимания рассказом об этом деле. Я был виновен, я сознаю это вполне. Я был уличен в намерении (но не более) действовать против правительства. Я был осужден законно и справедливо; долгий опыт, тяжелый и мучительный, протрезвил меня и во многом переменял мои мысли. Но тогда – тогда я был слеп, верил в теории и утопии. Когда я отправлялся в Сибирь, у меня, по крайней мере, оставалось одно утешение: что я вел себя перед судом честно, не сваливал своей вины на других и даже жертвовал своими интересами, если видел возможность своим признанием выгородить из беды других. Но я повредил себе: я не сознавался во всем и за это наказан был строже. Я, может быть, мог бы принести некоторое оправдание. Перед тем я был два года сряду болен, болезнью странною, нравственною. Я впал в ипохондрию. Было даже время, что я терял рассудок. Я был слишком раздражителен, с впечатлительностью, развитою болезненно, со способностью исказить самые обыкновенные факты и придавать им другой вид и размеры. Но я чувствовал, что, хотя эта болезнь и имела сильное враждебное влияние на судьбу мою, она была бы очень плохим оправданием и даже унижительным. Да я и не признавал тогда этого хорошо. Простите меня за такие подробности. Но будьте великодушны и выслушайте меня до конца.

Для меня настала каторга – 4 года грустного, ужасного времени. Я жил с разбойниками, с людьми без человеческих чувств, с извращенными правилами, не видал и не мог видеть во все эти 4 года ничего отрадного, кроме самой черной, самой безобразной действительности. Я не имел подле себя ни одного существа с которым бы мог перемолвить хоть одно задушевное слово; я терпел голод, холод, болезни, работу не по силам и ненависть моих товарищей-разбойников, мстивших мне за то, что я был дворянин и офицер. Но, клянусь Вам, не было для меня мучения выше того когда я, поняв свои заблуждения, понял в то же время, что я отрезан от общества, изгнанник и не могу уже быть полезным по мере моих сил, желаний и способностей. Я знаю, что я был осужден справедливо, но я был осужден за мечты, за теории... Мысли и даже убеждения меняются, меняется и весь человек, и каково же теперь страдать за то, чего уже нет, что изменилось во мне в противоположное, страдать за прежние заблуждения, которых

неосновательность я уже сам вижу, чувствовать силы и способности, чтоб сделать хоть что-нибудь для искупления бесполезности прежнего и - томиться в бездействии!

Теперь я солдат, служу в Семипалатинске и нынешним летом произведен в унтер-офицеры. Я знаю, что многие приняли и принимают во мне искреннее участие, что за меня хлопотали и просили. Меня обнадеживали и обнадеживают. Монарх добр, милосерд. Я знаю, наконец, что трудно тому, кто решился доказать, что он честный человек и желает сделать что-нибудь доброе, хоть когда-нибудь не достигь своей цели. Что-нибудь и я могу сделать! Не без способностей же я, не без чувств, не без правил!.. Великая, огромная просьба есть у меня до Вас, Эдуард Иванович! Одно только затрудняет меня: я не имею никакого права беспокоить Вас собою. Но у Вас благородное, возвышенное сердце! Об этом можно говорить; Вы так славно доказали это еще недавно, в виду целого света! Я уже давно, раньше других, имел счастье получить о Вас это мнение и уже давно, давно научился уважать Вас. Ваше слово может много значить теперь у милосердного монарха нашего, Вам благодарного и Вас любящего. Вспомните о бедном изгнаннике и помогите ему! Я желаю быть полезным. Трудно, имея в душе силы, а на плечах голову, не страдать от бездействия. Но военное звание - не мое поприще. Я готов тянуться из всех сил; но я больной человек, и, кроме того, я чувствую, что я более склонен к другому поприщу, более сообразному с моими способностями. Вся мечта моя: быть уволенным из военного звания и поступить в статскую службу, где-нибудь в России или даже здесь; иметь хоть некоторую свободу в избрании себе места жительства. Но не службу ставлю я главной целью жизни моей. Когда-то я был обнадежен благосклонным приемом публики на литературном пути. Я желал бы иметь позволение печатать. Примеры тому были: политические преступники, по благосклонному к ним вниманию, и милосердию, получали позволение писать и печатать еще прежде меня. Звание писателя я всегда считал благороднейшим, полезнейшим званием. Есть у меня убеждение, что только на этом пути я мог бы истинно быть полезным, может быть, и я обратил бы на себя хоть какое-нибудь внимание, приобрел бы себе опять доброе имя и хотя несколько обеспечил свое существование, ибо я ничего не имею, кроме некоторых и очень небольших, может быть, литературных способностей. Не скрою от Вас, что кроме теперешнего желания моего переменить свою участь на другую, более соответствующую моим силам, одно обстоятельство, от которого, может быть, зависит счастье всей моей жизни (обстоятельство чисто личное), побудило меня попробовать осмелиться напомнить Вам о себе. Не всего разом прошу я, но только возможности выйти из военной службы и права поступить в статскую.

Прочтя эти просьбы мои, не обвините меня в малодушии! Я столько перенес страданий, что, право, доказал одною возможностью их перенести и терпение, и даже некоторую долю мужества. Но теперь я упал духом и сам чувствую это. Я всегда считал за малодушие беспокоить собою других, кого бы то ни было. Тем более мне беспокоить собою Вас. Но имейте жалость ко мне, умоляю Вас! Я мужественно переносил до сих пор мое бедствие. Теперь же обстоятельства сломили меня, и я решился на попытку, только на попытку. Мысль писать Вам и просить Вас о себе не приходила ко мне прежде, клянусь Вам. Мне как-то совестно и тяжело было бы напомнить Вам о себе. С самым бескорыстным и восторженным чувством следил я всё это последнее время за подвигом Вашим. Если б Вы знали, с каким наслаждением говорил я о Вас другим, Вы бы поверили мне. Если б Вы знали, с какою гордостью припоминал я, что имел честь знать Вас лично! Когда здесь узнали об этом, то меня закидали вопросами о Вас, и мне было так приятно

говорить о Вас! Я не боюсь Вам написать это. Ваш подвиг так славен, что даже такие слова не могут показаться лестью. Податель письма этого может засвидетельствовать перед Вами искренность и бескорыстие чувств моих к Вам. Благодарность русского к тому, кто в эпоху несчастья покрыл грозную оборону Севастополя вечной, неувядаемой славой, – понятна. Но, повторяю, и в мыслях моих не было беспокоить Вас собою. Но теперь, в минуту уныния, и не зная, к кому обратиться, я припомнил, как Вы были со мною всегда радушны, просты и ласковы. Я припомнил Вас всегда с смелыми, чистыми и возвышенными движениями сердца и – поверил надежде. Мне подумалось: неужели Вы оттолкнете меня теперь, когда Вы ступили на такую славную и высокую степень, а я упал так низко, низко? Простите же смелость мою; особенно простите меня за это длинное (слишком длинное, я понимаю это) письмо, и если что можете сделать для меня, умоляю Вас, сделайте.

У меня есть до Вас еще одна чрезвычайная просьба, в которой, умоляю Вас, не откажите мне. Когда-нибудь напомните обо мне Вашему брату Адольфу Ивановичу и передайте ему, что я его люблю по-прежнему: что во время 4-х-летней каторги, перебирая в уме всю прежнюю жизнь мою, день за днем, час за часом, я не раз встречал его в моих воспоминаниях... Но он знает, что я люблю его! Я помню, он был очень болен в последнее время. Здоров ли он? Жив ли он? Простите и за эту просьбу. Но я не знаю, через кого бы я мог исполнить это давнишнее желание мое, и – обратился к Вам.

Я знаю, что, написав это письмо, я сделал новую вину, против службы. Простой солдат пишет к генерал-адъютанту! Но Вы великодушны и Вашему великодушию вверяю себя.

С глубочайшим уважением и с искренним благодарным чувством русского осмеливаюсь пребыть вашего Превосходительства всепокорнейшим слугою.
Федор Достоевский.

Семипалатинск, 24 марта 1856 год.

108. А. Е. ВРАНГЕЛЮ
13 апреля 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 13 апреля 1856 г.

Спешу Вам отвечать на Ваше милое, добрейшее письмо, добрый друг мой, которое Вы мне написали от 12 марта и которым я был обрадован 3-го дня. А я так нетерпеливо ждал от Вас известия. Но в последнее время и надеяться перестал на скорое получение; ибо Демчинский, приехавший недели две тому из России, говорил, что Вы промешкали в Казани, а потом сюда писали из Москвы (Спиридонову), что Вы только день или два пробывали в Москве и отправились уже 9 марта в Петербург. По всем этим слухам я и рассчитывал, что получу, самое раннее, на святой; и вот получил раньше! Вы не поверите, как Вы меня обрадовали и как мне нужно было Ваше письмо. А в том, что я его получу от Вас, в уверенности, что Вы меня не забудете и будете стараться обо мне, – в этом у меня и мысли не было усумниться, (1) подумать, что Вы меня забудете. Я знаю Вас, добрейшее, благороднейшее сердце, и недаром же я Вас так любил. Вы не поверите, в каком положении я был всё это последнее время... Но об этом потом, а для порядка начну сначала с Вашего письма, добрейший мой Александр Егорович. Вы начинаете тем, что, несмотря на многие развлечения, не могли забыть своего сердечного горя. Верю, мой друг; это не так скоро забывается; теперь я это очень хорошо знаю, да и вообще много узнал, чего прежде и не предполагал, чтоб так оно было. Но, признаюсь Вам, крайне бы желал

узнать, что теперь именно между вами; ибо об этих делах, с самого письма Вашего из Ялуторовска, не имею понятия. Теперь Вы, конечно, имеете на этот счет, может быть, уже решительное мнение, ибо, сколько я Вас понял, эта особа, может быть, уже приехала в Петербург. Но, по крайней мере, Вы теперь в кругу родных; как я рад, что с отцом Вашим Вы сошлись. Ради Христа, не нарушайте этого согласия. Рассчитывайте на дальнейшее и имейте в виду. Вам уже пора, по моему мнению, начать рассчитывать и распределять свое будущее. Я вовсе не хочу сказать, чтоб Вы поступали против своих настоящих чувств и мыслей. Вас, например, Вы пишете, хотят женить. Выгодно, но ведь не одни деньги в жизни. Всё это давно уже известно и об этом нечего говорить. Всякий поступает по совести, а порядочный человек по совести и рассчитывает. Пишете Вы, добрейший и незабвенный друг мой, что в июле рассчитываете быть в Сибири и проехать через Семипалатинск. Вы не поверите, как я обрадовался, что Вы не переменили своих намерений и хотите возвратиться в Сибирь, а к зиме даже располагаете устроиться в Барнауле. Я Вас буду ждать как солнца. Но, друг мой, правда ли те слухи, которые здесь распространились о Вас: именно, что будто бы корпусный командир назначил Вас к себе, в Омск, чиновником по особым поручениям (рассказывают, что он был очень удивлен, что Вы не проехали через Омск), именно тем, чем Вы не хотели быть. Тогда, пожалуй, чтоб избежать этого, и если не будет уже возможности переменить, Вы останетесь в Петербурге, а не поедете сюда! Впрочем, Вы теперь уже об этом знаете. Вам, верно, написали отсюда. Ради бога, друг мой, ради бога, уведомьте наверно, если можно. Приедете ли Вы или нет, когда, куда, чем приедете сюда и как Вы надеетесь устроить свои дела в Петербурге. Кроме того, что я алчу Вас видеть, Вы мне теперь необходимы как воздух, да и всегда мне необходимы были, и я это помню. – Вы не поверите, как я обрадовался тому, что мой брат Вам понравился и что Вы, кажется, сойдется с ним. Сделайте это, ради бога; не раскажите. Как я рад, что он всё тот же и любит меня. Много я Вам написал о моих сомнениях даже на его счет в прошлом письме. Но если б Вы знали, в каком грустном, в каком ужасном я был положении и как я раскаиваюсь в моих предположениях насчет брата. Скажите ему, что я его целую; не пишу ему потому, что и Вам-то едва успеваю ответить. Напишу ему скоро письмо официальное, в котором будет: жив, здоров и только. Что написать в официальном письме, кроме этого? Но в следующем письме к Вам напишу и ему. В прошлом письме я просил у него еще 100 руб. Не для меня, мой друг, а для всего, что только теперь есть у меня самого дорогого в жизни, и, главное, на всякий случай. Если только он может исполнить мою просьбу, пусть исполнит, и господь его наградит за это, а он меня, может быть, этим осчастливит и избавит от отчаянья. Как знать, что случится. К тому же, если позволят печатать, тогда я уже буду с своими деньгами и начну новую жизнь и не буду его беспокоить, что у меня всегда было на сердце, ибо брат сам добывает себе трудом кусок хлеба. Писал я Вам, друг мой, сходить к Тотлебену и отдать мое письмо. Теперь Вы уже, может быть, это сделали. Вы не поверите, с каким замирием сердца буду ждать на этот счет Вашего ответа. Заранее благодарю Вас за всё, что Вы для меня делаете. Только, ради Христа, не обнадеживайте понапрасну меня, из желания меня успокоить. Факты, одни факты напишите мне. Просил и Вас и брата написать к Марье Дмитриевне и если возможно поскорее. Повторяю мою просьбу; ради бога, сделайте это. Вы пишете, что готовится что-то из милостей для нас, но что именно – это держат в секрете. Сделайте милость, друг мой бесценный, нельзя ли хоть что-нибудь узнать заранее относительно меня. Это мне нужно, нужно! Если что узнаете, сообщите немедленно. О Кавказе я и не думаю. О барнаульском батальоне

тоже. Теперь всё это пустяки. Вы пишете, что все любят царя. Я сам обожаю его. Производство мое мне лично очень важно, сознаюсь. Но если ждать офицерства, то это ждать еще долго, а мне хоть что бынибудь теперь, при коронации. Самое лучшее и здоровое, конечно, хлопотать о позволении печатать. Я думаю переслать Вам в скором времени стихи на коронацию, частным образом. Но пойдут они тоже и официальным путем. Вы, верно, встретитесь с Гасфортом. Он ведь едет на коронацию. Не поговорите ли Вы ему, чтоб он сам представил мои стихи? Нельзя ли будет это сделать? Уведомьте тоже меня, до которого времени можно будет писать к Вам, ибо если Вы оставите Петербург, то нехорошо будет, если письма пропадут. Я говорил Вам о статье об России. Но это выходил чисто политический памфлет. Из статьи моей я слова не захотел бы выкинуть. Но вряд ли позволили бы мне начать мое печатание с памфлета, несмотря на самые патриотические идеи. А выходило дельно, и я был доволен. Сильно занимала меня статья эта! Но я бросил ее. Ну, как откажут напечатать! К чему же пропадать моим трудам? А теперь мне время дорого, чтоб тратить его понапрасну, из удовольствия писать для себя. Да и политические обстоятельства изменились. И потому я присел за другую статью: "Письма об искусстве". Е^е в^ысочество Мария Николаевна - президент Академии. Хочу просить позволения посвятить статью мою ей и напечатать без имени. Статья моя - плод десятилетних обдумываний. (2) Всю ее до последнего слова я обдумал еще в Омске. Будет много оригинального, горячего. За изложение я ручаюсь. Может быть, во многом со мной будут не согласны многие. Но я в свои идеи верю и того доволен. Статью хочу просить прочесть предварительно Ап. Майкова. В некоторых главах целиком будут страницы из памфлета. Это собственно о назначении христианства в искусстве. Только дело в том, где ее поместить? Напечатать отдельно - купят 100 человек, ибо это не роман. В журналах дадут деньги. Но "Современник" был всегда мне враждебен, "Москвитянин" тоже. "Русский вестник" напечатал вступление к разбору Пушкина Каткова, где идеи совершенно противоположные моим. Остаются одни "Отечественные записки", но что делается с "Отечественными записками" теперь - я не знаю. И потому поговорите с Майковым и братом, только так, в виде проекта, возможно ли будет ее где-нибудь напечатать за деньги, и сообщите мне. А главное, сижу за романом, и это мое наслаждение. Только этим я могу составить себе имя и обратить на себя внимание. Но, конечно, лучше начать прежде серьезной статьей (об искусстве) и на нее просить разрешения печатать, ибо на роман до сих пор смотрят как на пустяки. Так мне кажется. - Если будет возможность говорить и хлопотать о переводе моем в статскую службу, именно в Барнаул, то, ради бога, не оставляйте без внимания. Если возможно говорить об этом с Гасфортом, то, ради бога, поговорите; а если можно не только говорить, но и делать, то не упускайте случая и похлопочите о моем переводе в Барнаул в статскую службу. Это самый близкий и самый верный шаг для меня. Впрочем, согласен с Вами совершенно, что надобно ждать коронации. Господь знает, может быть, и больше будет, чем даже и мы ожидаем. Время близко, но бог знает сколько может воды утечь в это время. Я говорю про мои обстоятельства, которые Вы знаете.

Ангел мой, я был расстроен, я был в горячке, в лихорадке, когда писал Вам и брату в прошлый раз. Вот что было в самом деле: ибо теперь дело разъяснилось во многом. Мне кажется, я должен Вам написать всё это после того, что написал в прошлом письме. На масленице я был кое-где на блинах, на вечерах, даже танцевал. Тут был Слуцкий, и я часто с ним виделся (мы знакомы). Обо всем этом, о том, что я даже пускался танцевать, и о некоторых здешних дамах я написал Марье Дмитриевне. Она и вообрази, что я

начинаю забывать ее и увлекаюсь другими. Потом, когда настало объяснение, писала мне, что она была замучена мыслью, что я, последний и верный друг ее, уже ее забываю. Пишет, что мучилась и терзалась, но что ни за что не выдала бы мне свою тоску, сомнения, "умерла бы, а не сказала ни слова". Я это понимаю; у ней гордое, благородное сердце. И потому пишет она: "Я невольно охладела к Вам в моих письмах, почти уверенная, что не тому человеку пишу, который еще недавно меня только одну любил". Я заметил эту холодность писем и был убит ею. Вдруг мне говорят, что она выходит замуж. Если б Вы знали, что со мной тогда случилось! Я истерзался в мучениях, перечитал ее последние письма, а по холодности их поневоле пришел в сомнение, а затем в отчаяние. Я еще не успел ей ничего написать об этом, как получаю от нее то письмо, о котором писал Вам в прошлый раз, где она, говоря о своем беспомощном, неопределенном положении, спрашивает совета: "что ей отвечать, если человек с какими-нибудь достоинствами посватается к ней?". После этого прямого подтверждения всех сомнений моих я уже и сомневаться не мог более. Всё было ясно, и слухи о замужестве ее были верны, и она скрывала их от меня, чтоб не огорчать меня. Две недели я пробыл в таких муках, в таком аде, в таком волнении мыслей, крови, что и теперь даже припомнить не могу от ужаса. Ей-богу, я хотел бежать туда, чтоб хоть час быть с ней, а там пропадай моя судьба! Но тень надежды меня остановила. Я ждал ее ответа, и эта надежда спасла меня. Теперь вот что было: в муках ревности и грусти о потерянном для нее друге, одна, окруженная гадами и дрянью, больная и мнительная, далекая от своих и от всякой помощи, она решила выведать наверно, в каких я к ней отношениях, забываю ли ее, тот ли я, что прежде, или нет? Для этого она, основываясь кой на чем, случившемся в действительности, и написала мне: "что ей отвечать, если кто-нибудь ей сделает предложение?". Если б я отвечал равнодушно, то это бы доказало ей, что я действительно забыл ее. Получив это письмо, я написал письмо отчаянное, ужасное, которым растерзал ее, и еще другое в следующую почту. Она была всё последнее время больна, письмо мое ее измучило. Но, кажется, ей отрадна была тоска моя, хоть она и мучилась за меня. Главное, она уверилась по письму моему, что я ее по-прежнему, беспредельно люблю. После этого она уже решила мне всё объяснить: и сомнения свои и ревность и мнительность, и, наконец, объяснила, что мысль о замужестве выдумана ею в намерении узнать и испытать мое сердце. Тем не менее это замужество имело основание. Кто-то в Томске нуждается в жене и, узнав, что в Кузнецке есть вдова, еще довольно молодая и, по отзывам, интересная, через кузнецких кумушек (гадин, которые ее обижают беспрестанно) предложил ей свою руку. Она расхохоталась и ответила кузнецкой даме-свахе, что она ни за кого не выйдет здесь и чтоб ее больше не беспокоили. Те не унялись; начались сплетни, намеки, выпрашиванья: с кем это она так часто переписывается? У ней есть там одно простое, но доброе семейство чиновников, которое она любит. Она и сказала чиновнице, что если выходить замуж, то уже есть человек, которого она уважает и который почти делал ей предложение. (Намекала на меня, но не сказала кто.) Объявила же она это, зная, что хоть и хорошие люди, а не утерпят и разгласят всюду, а таким образом, коли узнают, что уже есть жених, то перестанут сватать других и оставят ее в покое. Не знаю, верен ли был расчет, но сын Пешехонова, там служащий, написал отцу, что Марья Дмитриевна выходит замуж, а тот и насплетничал в Семипалатинске, таким образом я и уверен был некоторое время, что всё для меня кончилось. Но друг мой милый! Если б Вы знали, в каком грустном я положении теперь. Во-первых, она больна: гадость кузнецкая ее замучает, всего-то она боится, мнительна, я ревную ее ко

всякому имени, которое упомянет она в своем письме. В Барнаул ехать боится: что если там примут ее как просительницу, неохотно и гордо. Я разуверяю ее в противном. Говорит, что поездка дорого стоит, что в Барнауле надо новое обзаведение. Это правда. Я пишу ей, что употреблю все средства, чтоб с ней поделиться, она же умоляет меня всем, что есть свято, не делать этого. Ждет ответа из Астрахани, где отец решит, что ей делать: оставаться ли в Барнауле или ехать в Астрахань? Говорит, что если отец потребует, чтоб она приехала к нему, то надо ехать, и тут же пишет: не написать ли отцу, что я делаю ей предложение, (3) и только скрыть от отца настоящие мои обстоятельства? Для меня всё это тоска, ад. Если б поскорее коронация и что-нибудь верное и скорое в судьбе моей, тогда бы она успокоилась. Понимаете ли теперь мое положение, добрый друг мой. Если б хоть Гернгросс принял участие. Право, я думаю иногда, что с ума сойду!

(1) было: пошатнуться

(2) было: опытов

(3) далее знак: NB

109. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

23 мая 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 23 мая 1856 (Среда).

Дорогой, добрейший мой Александр Егорович, спешу (в полном смысле слова: спешу) отвечать Вам. И потому не взъщитесь, если письмо написано наскоро и безалаберно. После всё объясню.

Во-первых, благодарю Вас несказанно за всё то, что Вы сделали, за все старанья Ваши за меня. Вы мой второй брат, дорогой и возлюбленный! Тотлебен благороднейшая душа, я в этом был уверен всегда. Это рыцарская душа, возвышенная и великодушная. Брат его такого же характера. Ради Христа, скажите Эрнсту, что я без слез не мог читать Вашего письма и я не знаю, есть ли слова, чтоб выразить мои чувства к нему. Адольфа расцелуйте за меня. Что-то будет! Дело, я сам понимаю, на хорошей дороге. Дай бог счастья великодушному монарху! Итак, всё справедливо, что рассказывали постоянно о горячей к нему любви всех! Как это меня радует! Больше веры, больше единства, а если любовь к тому, - то всё сделано. - Каково же кому-нибудь оставаться назади? Не примкнуть к общему движенью, не принести свою лепту!? О, дай бог, чтоб моя судьба поскорее устроилась. Вы мне пишете прислать что-нибудь. Посылаю стихи на коронацию и заключение мира. Хороши ли, дурны ли, но я послал здесь по начальству с просьбою позволить напечатать (то есть об этой просьбе Петр Михайлович только доложил Гасфорту). Просить же официально (прошением) позволения печатать, не представив в то же время сочинения, по-моему, неловко. Потому я начал с стихотворения. Прочтите его, перепишите и постарайтесь, чтоб оно дошло к монарху. Но вот в чем дело: миновать Гасфорта нельзя. Ведь, может быть, придется здесь служить. Гасфорт 10-го июня едет в Петербург. Конечно, он явится к царю. Стихотворение мое он повезет, но надобно, чтоб он был предупрежден и, главное, получше настроен в мою пользу. Будете ли Вы в Петербурге при приезде Гасфорта? Встретитесь ли с ним? Если б встретились, то прошу Вас не говорить ему о Тотлебене. Он горячее примется, если успех дела отнесут лично к нему. Но превосходно было бы, если б Тотлебен, встретив его где-нибудь или даже (но на такую милость от Тотлебена я и надеяться не смею) сделав сам визит Гасфорту (что Гасфорту страшно польстит), попросил бы его представить мое стихотворение царю с

просьбой печатать и замолвить за меня доброе слово, если его будут обо мне спрашивать, то есть достоин к производству. Не правда ли, что тогда дело обделалось бы хорошо! Итак, друг мой, будете ли Вы или нет при Гасфорте в Петербурге, сообщите эту мысль Тотлебену, осторожно (ибо я много прошу), и если увидите, что он это одобряет, объясните ему всё. - Вы не поверите, как Вы меня вдохновили этими известиями. Жду не дождусь Вас увидеть! 01 Как бы поскорее! Как много надо переговорить!

Х. выехала в начале мая из Барнаула и теперь вы уже, верно, давно увиделись и - счастливы! О дай бог счастья, а не тех ужасов, которые иногда могут быть, - говорю по опыту! Но не засидитесь в Петербурге. Приезжайте, ради бога приезжайте. Брату скажите, что я обнимаю его, прошу у него прощения за все горести, которые я нанес ему; на коленях перед ним. - Дела мои ужасно плохи, и я почти в отчаянии. Трудно перестрадать, сколько я выстрадал! Но не буду утомлять Вас, тем более, что всего передать не могу, и таким образом я один совершенно с своей безвыходной тоской. О! Кабы Вы были здесь, без Вас (1) того не было бы! Дело в том, что она отказалась теперь формально ехать в Барнаул; но это бы ничего! Но во всех последних письмах, где все-таки мелькает нежность, привязанность и даже более, она мне намекает, что она не составит моего счастья, что мы оба слишком несчастны и что нам лучше (2) <...> О Паше она просит меня хлопотать в Сибирский корпус, просит и Вас похлопотать у Гасфорта, не примет ли даже в этом году в малолетнее отделение (Паше девятый год)? Я обещался хлопотать бескорыстно и потому - умоляю, - что можете - сделайте. Но умоляю тоже, ради бога, уговорите брата, чтоб он справился подробно и прилежно, нельзя ли Пашу поместить в Павловск<ий> корпус, хоть не теперь, так в будущем году? Если можно, то чтоб брат написал Марье Дмитриевне, в возможно скором времени, все подробности, обнадежил бы ее совершенно, а Вы, Ал<ександр> Егор<ович>, ради Христа и для меня, обнадежьте ее, что может быть хороший случай доставки Паши в Петербург, что ей не надо и с места сдвигаться, чтобы отправлять сына в Петербург, что другие довезут, а в Петербурге Паша найдет друзей. Уверьте ее, успокойте ее! Особенно умоляю в том брата... Что я еду в Кузнецк, я не сказал Белехову, но я проеду туда хоть на несколько часов. Не сказал потому, что Белехов в последнюю минуту как-то стал почесываться. Однако отпускает. Еду почти наверно, если завтра Бел<ехов> не переменится. Всё на свой счет. Не обвиняйте меня, что я трачу без пути; но я готов под суд идти, только бы с ней видеться. Мое положение критическое. Надобно переговорить и всё решить разом! Не беспокойтесь; в дороге со мной ничего не случится; я осторожен. Вернусь через 10 дней, но увижу ее. Что я проеду в Кузнецк, я держу в тайне. Ради Христа, и Вы не говорите никому, кроме брата. Друг мой! Я в ужасном волнении. Вы пишете, что хлопочете о переводе моем в барнаульский батальон. Ради всего, что для Вас свято, не переводите меня раньше офицерства (если бог пошлет его). Это будет смерть моя. Во-первых, elle ne sera pas la. Во-вторых, каково привыкать к другим лицам, к новому начальству. Здесь я от караулов избавлен, там нет. Начальство батальонное - плохое. И зачем? для чего? Чтоб жить вместе? А она будет, может быть, в Омске. Ради бога, оставьте эту идею. Она меня приводит в отчаянье.

Демчинский к Вам тоже не совсем расположен. (Со мной он в приятельских отношениях. - Ламот превосходный человек.) Все удивляются здесь, как, по Вашим письмам, Вам так много предлагают, а Вы едете сюда, где скучали, для чего, для каких причин? (2) Я сказал Ламоту по секрету, что это вследствие Ваших семейных отношений к родным, и сплел историю, очень ловко, пусть Л<амот> рассказывает. (4)

<Буду и> у Полетики - <если> застану дома. Еду дней на десять.
Прощайте, друг мой, храни Вас бог, жду Вас, как ангела божия. Вы мне
более чем друг и брат. Вы мне богом посланы.

(1) так в рукописи

(2) фраза не закончена: текст переходил на следующую страницу,
оторванную. Далее следует текст, перешедший на поля сохранившегося листа.

(3) далее было начато: Иные говорили

(4) следующий далее текст поврежден

110. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

14 июля 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 14 июля 1856.

Спешу Вам отвечать с первою же почтой, добрейший, бесценный мой Александр Егорович. А долго же я от Вас ждал хоть одной строчки! Не упрекаю Вас; Вы всегда мне брат были; я это чувствую и знаю. Но если б Вы знали, как мне нужно было Ваше дружеское участие, Ваша память обо мне во всё это время. Тысячу раз собирался писать к Вам сам; но всё боялся, что Вы тем временем выедете к нам и письмо мое Вас не застанет. Впрочем, что ж бы я Вам стал писать? Не упишешь ничего, что надобно, на письме. И теперь тоже. - Благодарю Вас еще в 100-й раз за все Ваши старанья обо мне. Поблагодарите обоих Тот<лебенов>. Вы не можете представить себе, с каким восторгом я гляжу на поведение таких душ, как Вы и они оба, относительно меня! Что я Вам сделал, что Вы меня так любите? Что я им сделал, благородным душам! Благослови вас всех господь! Итак, теперь я могу надеяться крепко, но... уже поздно! Я был там, добрый друг мой, я видел ее! Как это случилось, до сих пор понять не могу! У меня был вид до Барнаула, а в Кузнецк я рискнул, но был! Но что я Вам напишу? Опять повторяю, можно ли что-нибудь уписать на клочке бумаги! Я увидел ее! Что за благородная, что за ангельская душа! Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого. Я там провел два дня. В эти два дня она вспомнила прошлое, и ее сердце опять обратилось ко мне. (1) Прав я или нет, не знаю, говоря так! Но она мне сказала: "Не плачь, не грусти, не всё еще решено; ты и я и более никто!" Это слова ее положительно. Я провел не знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимые! К концу второго дня я уехал с полной надеждой. Но вполне вероятная вещь, что отсутствующие всегда виноваты. Так и случилось! Письмо за письмом, и опять я вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня! Я не скажу, бог с ней! Я не знаю еще, что будет со мной без нее. Я пропал, но и она тоже. Можете ли Вы себе представить, бесценный и последний друг мой, что она делает и на что решается, с ее необыкновенным, безграничным здравым смыслом! Ей 29 лет; она образованная, умница, видевшая свет, знающая людей, страдавшая, мучившаяся, больная от последних лет ее жизни в Сибири, ищущая счастья, самовольная, сильная, она готова выйти замуж теперь за юношу 24 лет, сибиряка, ничего не видавшего, ничего не знающего, чуть-чуть образованного, начинающего первую мысль своей жизни, тогда как она доживает, может быть, свою последнюю мысль, без значенья, без дела на свете, без ничего, учителя в уездной школе, имеющего в виду (очень скоро) 900 руб. ассигн<ациями> жалованья. Скажите, Алекс<андр> Егоров<ич>, не губит она себя другой раз после этого? Как сойтись в жизни таким разнохарактерностям, с разными взглядами на жизнь, с разными

потребностями? И не оставит ли он ее впоследствии, через несколько лет, когда еще она <нрзб>, не позовет ли он ее смерти! Что с ней будет в бедности, с кучей детей и приговоренною к Кузнецку? Кто знает, до чего может дойти распря, которую я неминуемо предвижу в будущем; ибо будь он хоть разыдеальный юноша, но он все-таки еще не крепкий человек. А он не только не идеальный, но... Всё может быть впоследствии. Что, если он оскорбит ее подлым упреком, когда поверит <?> что она рассчитывала на его молодость, что она хотела сладостраст<но> заесть век, и ей, ей! чистому, прекрасному ангелу, это, может быть, придется выслушать! Что же? Неужели это не может случиться? Что-нибудь подобное да случится непременно; а Кузнецк? Подлость! Бог мой, - разрывается мое сердце. Ее счастье я люблю более моего собственного. Я говорил с ней обо всем этом, то есть всего нельзя сказать, но о десятой доле. Она слушала и была поражена. Но у женщин чувство берет верх даже над очевидностью здравого смысла. Резоны упали перед мыслию, что я на него нападаю, подыскиваюсь (бог с ней); и защищая его (что, дескать, он не может быть таким), я ни в чем не убедил ее, но оставил сомнение: она плакала и мучилась. Мне жаль стало, и тогда она вся обратилась ко мне меня жаль! Если б Вы знали, что это за ангел, друг мой! Вы никогда ее не знали; что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное, но и парадоксальное, бесконечно доброе, истинно благородное - у ней сердце рыцарское: (2) сгубит она себя. Не знает она себя, а я ее знаю! По ее же вызову я решился написать ему всё, весь взгляд на вещи; ибо, прощаясь, она совершенно обратилась опять ко мне всем сердцем. С ним я сошелся: он плакал у меня, но он только и умеет плакать! Я знал свое ложное положение; ибо начни отсоветовать, представлять им будущее, оба скажут: для себя старается, нарочно изобретает ужасы в будущем. Притом же он с ней, а я далеко. Так и случилось. Я написал письмо длинное ему и ей вместе. Я представил всё, что может произойти от неравного брака. Со мной то же случилось, что с Gil-Blasом и archevкque de Grenade, когда он сказал ему правду. Она отвечала горячо, его защищая, как будто я на него нападаю. А он истинно по-кузнецки и глупо принял себе за личность и за оскорбление дружескую, братскую просьбу мою (ибо он сам просил у меня и дружбы и братства) подумать о том, чего он добивается, не сгубит ли он женщину для своего счастья; ибо ему 24 года, а ей 29, у него нет денег, определенного в будущем и вечный Кузнецк. Представьте себе, что он всем этим обиделся; сверх того вооружил ее против меня, прочтя наизнанку одну мою мысль и уверив ее, что она ей оскорбительна. Мне написал ответ ругательный. Дурное сердце у него, я так думаю! Она же после первых вспышек уже хочет мириться, сама пишет мне, опять нежна... опять ласкова, тогда как я еще не успел оправдаться перед нею. Чем это кончится, не знаю, но она погубит себя, и сердце мое замирает. Верьте мне, не верьте, Алекс<андр> Егор<ович>, говорю Вам как богу, но ее счастье мне дороже моего собственного. Я как помешанный в полном смысле слова всё это время. Смотры у нас были, и я, измученный и душевно и телесно, брожу как тень. Не заживает душа и не заживет никогда. От Вас думал хоть строчку получить (никого-то нет со мною), и Вы молчите; а теперь господь знает, увидимся или нет? Ради бога, не оставляйте меня! Что стоит Вам черкнуть два-три слова? Пишите мне через почту, умоляю Вас. Ведь Вы мне друг, брат, не правда ли? Чем это всё кончится, не знаю. Хоть бы сердце вырвать да похоронить, а с ним всё! Ради бога, пишите как можно скорее о своей судьбе: приедете или нет? Я ничего Вам не смею советовать; сами знаете. Но, ради бога, уведомляйте меня скорее. Вы пишете про Маркиза и

спрашиваете советов. Что сказать, не знаю! Вы пишете, что она его ненавидит, дурной признак! Лучше была бы равнодушна! Слышал от Демчинского, что Андр<ей> Родион<ович> говорил ему, будто бы она (3) хочет зимой за границу. Так ли? Что тогда Вы?

Напишите Марье Дмитриевне, что хотите? Если б Вы знали, с каким чувством и уважением она говорит о Вас. Но Вы ее никогда не знали! О Паше просил Слуцкого и других хлопотать в Омске, да еще о пособии (отец тоже ее не забывает и помогает). Пособие двинулось вперед. Слуцкий так обязателен, отвечал мне до невероятности вежливо. Сделал всё, что мог. Но о Паше пишет, что нет вакансии и что только один государь может утвердить сверхкомплектного, а в кандидаты запишут. Похлопочите у Гасфорта, ради бога, может быть, еще есть надежда принять его на нынешний год. Еще одна крайняя просьба до Вас. Ради бога, ради света небесного, не откажите. Она не должна страдать. Если уж выйдет за него, то пусть хоть бы деньги были. А для того ему надо место, перетащить его куда-нибудь. Он теперь получает 400 руб. ассиг<нациями> и хлопочет держать экзамен на учителя выше, в Кузнецке же. Тогда у него будет 900 руб. Я еще не знаю, что можно для него сделать, я напишу об этом. Но теперь поговорите о нем Гасфорту (как о молодом человеке достойном, прекрасном, со способностями; хвалите его на чем свет стоит, что Вы знали его; что ему не худо бы дать место выше. У него, кажется, есть класс. Если Вы будете в милости у Гасфорта, ради бога, скажите, что Вам это стоит. Гернг<россу> тоже о нем напишите что-нибудь. Я Вам напишу еще, скажу, что именно: а теперь только слово закиньте Гасфорту при случае. Его зовут: Николай Борисович Вергунов. Он из Томска. Это всё для нее, для нее одной. Хоть бы в бедности-то она не была, вот что!) Ей-богу, не знаю, кто интриговал против Вас в Омске. Здесь все говорили об этом; но никто ничего не знает. Однако месяц тому назад пронесся слух, что Вы назначены советником в Барнаул, и чрезвычайно вероятный так с виду. Так ли? ради бога, напишите скорее. Вы пишете сюда иным часто о том, что Вам предлагают места, что Вы делаете знакомства и проч<ее>. Здесь смотрят иронически, кажется, все, и потому предупреждаю Вас, не пишите им в этом роде. Всех удивляет, что Вы едете в Сибирь, тогда как Вам в Петербурге много обещают, и, не понимая Вашей причины, думают, что Вы хвастаете. Ламот даже преиронически улыбается, говоря об Вас, а Демч<инский> говорит, что Ваши письма читать - надо мундир надевать. Плюньте на всё. Пишите им, но не оскорбляя их мелкого самолюбия. С горными я познакомился только с Пишко и Самойловым; хорошие люди; остальных не застал. С Гернг<россом> разъехался на дороге. Если меня произведут, то желаю в Барнаул. А если иначе и в Россию, тем лучше. Ради Христа, не забывают меня.

Есть еще к Вам одна самая экстренная просьба. Если можете - сделайте, а если нет - суда нет! - Друг мой, если произведут да и вообще, в августе мне нужны деньги, очень, крайне, хоть зарежься. Вы не поверите, сколько мне стоили мои экспедиции, а я рискну на другую. У меня долгу до 100 руб. сер<ебром>. Живу я бедно, но расходы экстренные. Мне, чувствую это (на всякий случай), нужны, очень нужны будут деньги. Теперь именно нужны до зареза. Молите брата (которого прошу расцеловать без конца), чтоб выслал, если может, скорее. Вас же прошу вот что: если есть у Вас действительно надежда и убеждение, что мне позволят печатать (но только в этом случае), то ради бога, займите (ибо у Вас самих, верно, нет) 300 руб. сер<ебром> до января. Уж если позволят печатать, то я и не такие деньги отдать могу в январе. Я Вас не окомпрометирую. Только если есть у Вас у кого занять. Но если Вам очень тяжело - не хлопочите, ибо тяжело занимать. У Х. не занимайте, ради бога, ибо это уже слишком большая жертва будет для меня с

Вашей стороны. Если займете, то высылайте тотчас же на Ламота. Ради бога, простите за подобные просьбы. Во-первых, я Ваших обстоятельств не знаю в этом роде, а во-вторых, я сам как помешанный. Ради бога, не подумайте чего-нибудь. Прощайте, скоро еще что-нибудь напишу. Ради бога, пишите скорее обо всем. Не забывайте меня.

Ваш Ф. Достоевский.

Обнимаю Вас бессчетно вместе с братом. Другим поклон. Не скрывайте от меня ничего.

(1) далее было начато: Если б

(2) вместо: у ней сердце рыцарское было: рыцарь в женском платье.

(3) в подлиннике исправлено на: "X"

111. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

21 июля 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 21 июля 1856.

Вот и еще к Вам письмо, добрейший, бесценнейший Ал<ександр> Ег<орович>. Не знаю только, как дойдет оно до Вас, - застанет ли Вас в Петербурге? Это письмо-просьба. Друг мой, добрый друг мой, я Вас буквально осыпаю просьбами. Знаю, что дурно делаю, - но на Вас только и надежда! Притом же я так верю в Вас, вспоминая Ваше чистое, прекрасное сердце! Не потяготитесь просьбами от меня. А я бы рад был за Вас хоть в воду. Вот в чем дело. Я Вам писал, что просил Слуцкого похлопотать за Пашу и Ждан-Пушкина тоже просил и что от обоих получил ответы. На этот год надежда плохая. Я просил Вас сказать об этом Гасфорту. Но теперь получил еще письмо от Слуцкого, которого я тоже просил подвинуть вперед дело Марьи Дмитриевны о назначении ей единовременного пособия, так как она имеет право на него по закону по смерти мужа, именно в 285 руб. серебром. Слуцкий действительно подвинул дело, совсем залежавшееся. На ту беду уехал Гасфорт. Главное управление, за отсутствием его, представило это дело министру внутренних дел (от 7-го июля 1856, за № 972). Теперь: это представление о назначении ей пособия может засесть в Петербурге, особенно при теперешних обстоятельствах, и бог знает сколько может пройти времени, прежде чем решат его. Да, кроме того, еще решат ли в ее пользу? Ну как откажут? Друг мой, добрый мой ангел! Если Вы всё еще продолжаете любить меня, непрерывно осаждающего Вас самыми разнообразными просьбами, то помогите, если можно, и в этом деле. Ради бога, оправьтесь об участии этого представления; верно, у Вас найдутся знакомые, которые Вам помогут в этом, и люди с влиянием, с весом. Нельзя ли так пошевелить это дело, чтоб оно не залежалась и разрешилось в пользу Марьи Дмитриевны. Ангел мой! Не полнитесь, сделайте это, ради Христа. Подумайте: в ее положении такая сумма целый капитал, а в теперешнем положении ее - спасенье, единственный выход. Я трепещу, чтоб она, не дождавшись этих денег, не вышла замуж. Тогда, пожалуй (как я полагаю), ей еще откажут в нем. У него ничего нет, у ней тоже. Брак потребует издержек, от которых они оба года два не поправятся! И вот опять для нее бедность, опять страдание. К отцу ей тогда уже обращаться нельзя с просьбами о помощи, ибо она будет замужем. За что же она, бедная, будет страдать и вечно страдать? И потому, ради бога, исполните мою просьбу; исполните тоже (хоть по возможности) и те просьбы, которые я Вам настроил в прошлом письме. Вы не знаете, до какой степени Вы меня осчастливите!

Пишу к Вам, а сам еще не знаю, где и когда получите Вы это письмо? Если Вы сюда поедете, то оно уже Вас не застанет. Если Вы там остаетесь, то где именно будете? Ради бога, уведомьте меня, получили ли Вы это письмо? Да не ленитесь мне писать, добрый друг мой! Хоть несколько, только несколько строчек! Если б Вы знали, как я теперь нуждаюсь в Вашем сердце! Так бы и обнял Вас, и, может быть, легче бы мне стало. Так невыносимо грустно. Я хоть и знаю, что если Вы не приедете в Сибирь, то конечно потому, что Вам гораздо (1) выгоднее будет остаться в России, но простите мой эгоизм: и сплю и вижу, чтоб поскорее увидеть Вас здесь. Вы мне нужны, так нужны! Простите, что пишу на таком клочке бумаги. Во-первых, спешу, а во-вторых, в настоящее время почти ни на что не способен и так на всё тяжело смотрю! Если б хоть опять увидеть ее, хоть час один! И хотя ничего бы из этого не вышло, но по крайней мере я бы видел ее!

Обнимите бесценного моего брата и передайте ему, чтоб простил меня за мое молчанье. После напишу, а теперь, ей-богу, хоть в воду! Хоть вино начать пить! Обнимите его за меня и скажите ему, что я его бесконечно люблю. Видели ли Вы Х.? И в чем дело? Боюсь, что Вы теперь еще больше замолчите. Напишите мне, ради создателя, всё. Если действительно есть надежда произвести меня в офицеры, то нельзя ли устроить, чтоб в Барнаул? Не забудьте про Вергунова, ради бога, поговорите Гасфорту и Гернгроссу. Тотлебенам скажите мою бесконечную благодарность, мою любовь к ним без конца! Дай Вам бог, добрый, бесценный друг мой, всякого счастья и не дай Вам бог испытать то, что я испытываю. Подожду Вашего ответа и напишу Вам (обещаюсь) письмо позанимательнее и подробнее. Поклонитесь всем, особенно Якушкину, если увидите. Вы спрашивали, женился ли Гаврилов? Нет, и, кажется, теперь и не думает. Была прекомическая история. Я с ним недавно близко сошелся. Демчинский такой же, как и всегда, со мной очень хорош и много услуг оказывает. Жоравович (артиллерист) женился на Гавриловой, и на днях была свадьба. Прощайте, бесценный друг мой! Неужели Вы не будете на коронации? Не забудьте моей просьбы о деньгах. Все планы мои рушатся без них! Повторяю: хоть в воду! Кроме того, сам терплю нужду. Прощайте, целую Вас бессчетно.

Ваш Дост<оевский>.

(1) было: очень

(2) вместо: моей просьбы о деньгах - было: что я Вас просил о деньгах

112. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

9 ноября 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 9-го ноября 56.

Я получил письмо Ваше, бесценный друг мой, Александр Егорович, еще 30-го октября и не отвечал с первой почтой по особым обстоятельствам. У меня в голове была тогда поездка в Б<арнау>л, и я хотел Вам написать оттуда, увидав Х. и конечно сделав для Вас письмо мое занимательнее. Но поездка моя до сих пор еще не состоялась, но почти уверен, что состоится на будущей неделе, если, как обещано, мне пришлют денег. Тогда я Вам напишу из Б<арнау>ла, и письма этого ждите в скором очень времени. А это письмо, которое теперь пишу, не считайте и за письмо, а только за несколько строк, чтобы поскорее хоть что-нибудь ответить Вам. Если б Вы были здесь, я бы и в неделю не передал Вам, незабвенный друг мой, всего, о чем хотел бы говорить с Вами.

Вы пишете, что я кроме бесконечно милосердного монарха нашего должен благодарить Тотлебена и <его> в<ысочество> принца Ольденбургского. Благодарю их от горячего сердца, и если увидите Тотлебена, скажите ему, что у меня нет слов, чтобы выразить мою благодарность ему. Вся жизнь буду помнить о благородном поступке его со мною. Но мое сердце справедливо: если б не было Вас, дорогой друг мой, если б Вы не старались за меня, я уверен, мое дело не продвинулось бы так скоро. Бог Вас послал мне. Благодарю Вас и обнимаю крепко, крепко. Вы знаете, что я Вас люблю. Теперь скажу Вам в коротких словах (хотя и (1) много хотел бы говорить об этом, но всего не упишешь) – Вы никогда не поймете, бесценный мой, в какую грусть, в какую тоску ввергнули Вы меня Вашим долгим молчанием! Друг мой, я понимаю нравственное состояние духа, в котором не хочется браться за перо, чтоб написать даже тому, который способен понять нас, ко мне, одним словом, с которым Вы почти не имели тайн. Приезд Х. в Барнаул, тогда как были слухи, что она будет в П<етербур>ге всю зиму, смутил меня. Я очень хорошо знал, что приезд и отъезд ее не останутся без влияния на Вас. Я почти предугадывал всё, о чем Вы мне написали. Но мне приходили такие странные мысли, такие подозрения и догадки о Вас относительно Х., что я был в глубочайшей тоске и в страхе о Вас. Здесь было известно, что Вы уже назначены в экспедицию. Но что Вы еще в П<етербур>ге, я был в том уверен. Почему же он не пишет, вот вопрос, который я задавал себе каждый день? Но клянусь Вам, что, несмотря ни на что, я ни разу не усумнился в дружбе Вашей, не подумал, что Вы забыли меня. Вы доказали это, послав мне свой портрет (который я еще не получил). Но, друг мой, я понимаю эту тревогу духа, когда не хочется разбередить боль в сердце, говоря о ней с другим. Но неужели Вы и двух строк не могли написать мне? Другая причина, которую Вы выставляете, объясняя мне свое молчание (именно: что не исполнили ничего из просьб моих), – для меня совсем непонятна. Я попросил у Вас денег, как у друга, как у брата, в то время, в тех обстоятельствах, когда или петля остается или решительный поступок. Я и решился просить у Вас, зная, что могу обременить Вас моею просьбою, но если б Вы были в обстоятельствах, подобных моим, и потребовали для Вас рискнуть чем-нибудь крайним, я бы это сделал. Чувствуя это по себе, я без угрызений совести решился Вас беспокоить (если б я не перехватил здесь и не наделал долгов, я бы пропал, – так мне было нужно, не для существования моего, а для моих намерений. Вы знаете из прежних писем моих, в каком состоянии духа я находился. Как я не сошел еще с ума до сих пор!). Но если, добрейший Александр Егорович, если у Вас не было у самих, чтоб помочь мне (что без сомнения так, потому что Вы всегда не оставляли меня), – скажите, ради бога, отчего было просто не написать: нет или не могу? (если невозможность удовлетворить меня была одною из причин Вашего молчания). Неужели же я не способен был понять, что конечно невозможность заставила Вас отказать мне, а не недостаток дружбы? И какое бы я право имел досадовать на Вас за неприсылку (я и без того кругом Вам должный, – Вам, который был и есть для меня как любимый, дорогой мне брат мой? потому что после всего, что Вы для меня сделали, Вы позволите мне называть Вас так). Наконец тоска моя в последнее время о Вас возросла донельзя (я в последнее время сверх того был часто болен). Я и вообразил, что с Вами случилось что-нибудь трагическое, вроде того, о чем мы с Вами когда-то говорили. И никого-то не было, чтобы хоть малейшую весточку подать о Вас. Наконец пришло Ваше письмо и разрешило многие недоумения, многие, но не все. Друг мой, я даже рад, хоть и горько мне затрогивать больное место в Вашем сердце, – рад, что бог привел Вас разойтись наконец с Х. Отношения с нею принимали наконец вид самый беспокойный для Вас. Вы бы погубили,

может быть, себя. Боже мой! Как мне любопытно увидеть наконец Х. (скоро это случится, и будьте уверены, что до последнего оттенка передам Вам, мой бесценный, все впечатления мои при свиданье с нею). Что мне сказать Вам? Неужели утешать Вас словами? О, друг мой, никто больше не понимает Вашей тоски, как я, страдающий, как и Вы. Да и кого утешать? Такое ли у Вас сердце, чтобы могло излечиться от утешений. Время, время, вот что исправит всё (говорю и не верю, судя по себе). Вы остаетесь всю зиму в России. Бросьтесь во что-нибудь, в какие-нибудь волнения, но, ради Христа, ради бога, пишите ко мне чаще и чаще, хоть по несколько строк, да пишите. Как бы я желал Вас увидеть, а когда? когда?

Вы спрашиваете о моих отношениях с М<арией> Д<митриевной>. Если б Вы хотели узнать что-нибудь обо мне, то именно задав мне этот вопрос, потому что она по-прежнему всё в моей жизни. Я бросил всё, я ни об чем не думаю, кроме как об ней. Производство в офицеры если обрадовало меня, так именно потому, что, может быть, удастся поскорее увидеть ее. Денег не было, и я еще не поехал. Брат обнадеживает. Жду на следующей неделе и тотчас отправлюсь. Отец обещал отпустить дней на 15. Люблю ее до безумия, более прежнего. Тоска моя о ней свела бы меня в гроб и буквально довела бы меня до самоубийства, если б я не видел ее <2 нрзб.>. Не качайте головой, не осуждайте меня; я знаю, что я действую неблагоприятно во многом в моих отношениях к ней, почти не имея надежды, – но есть ли надежда, нет ли, мне всё равно. Я ни об чем более не думаю. Только бы видеть ее, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь. Я это чувствую. Я задолжал от поездки (я пытался в другой раз ехать, но доехал только до Змиева, не удалось). Теперь опять поеду, разорю себя, но что мне до этого! Ради Христа, не показывайте этого письма брату. Я перед ним виноват до бесконечности. Он, бедный, помогает мне из последних сил, а я куда трачу деньги! Я и у Вас просил – или топиться или удовлетворить себя. Отношения у нас с нею те же. Каждую неделю письма, длинные, полные самой искренней, самой крайней привязанности. Но она часто в своих письмах называет меня братом. Но она меня любит. Одно появление мое в Кузнецке сделало, что она почти возвратилась ко мне опять. О, не желайте мне оставить эту женщину и эту любовь. Она была свет моей жизни. Она явилась мне в самую грустную пору моей судьбы и воскресила мою душу. Она воскресила во мне всё существование, потому что я встретил ее. Но если б Вы знали, что это за ангел, что это за душа! что за сердце! Бедная, она терпит лютую долю! Жить в Кузнецке ужасно. За сына она хлопочет в корпус (я просил Слуцкого о нем, письменно, и он обещался сделать всё, что может), хлопочет о получении вспоможения и живет крохами, которые присылает ей отец, тихо, скромно, кротко, заставив уважать себя весь городишко. Это твердый, сильный характер. Брак ее с тем (другим), по-видимому совсем невозможен, материально невозможен (у него 300 руб. жалованья), а она не захочет обременить его. Обо всем напишу Вам из Барнаула.

Друг мой, Вы спрашиваете меня, чего я желаю, о чем просить? И говорите тоже, что меня могут перевести в Россию. Но, друг мой: милость нашего ангела-царя бесконечна, и я знаю, что я, даже и не служа, через год, через два и без того буду возвращен окончательно. Перевод же в армию еще тем худ, что я во всяком случае плохой офицер, хоть бы по здоровью. А надо будет служить. Если б я желал возвратиться в Россию, так это единственно для того, чтоб обнять родных и повидаться с докторами, знающими, и узнать, что у меня за болезнь (эпилепсия), что за припадки, которые всё еще повторяются и от которых каждый раз тупеет моя память и все мои способности и от которых боюсь впоследствии сойти с ума. Какой я

офицер? Если б меня выпустили в отставку – хоть бы оставя здесь на время – вот всё мое желание. Я бы добыл себе денег на существование. Здесь я бы не пропал. К тому же она (главное она), и потому напишите мне положительно (по возможности): во-1-х) могу ли я, в очень скором времени, по слабости здоровья подать в отставку (прося на всякий случай возвращения в Россию, для совета с докторами?) и 2) могу ли я печатать – вопрос для меня самый главный, о котором Вы ничего не пишете в своем письме. Но ведь это средство к существованию моему и карьере, потому что я уверен в себе и надеюсь быть известным и составить себе значение, участь, обратить на себя внимание, наконец. И потому прошу Вас, напишите мне утвердительно: если бы я послал напечатать что-нибудь, в скором времени, под своим именем (или псевдонимом), – будет ли напечатано? Ради бога, друг мой, бесценный брат мой, не оставьте меня, не забудьте меня и напишите мне об этом если возможно, скорее и утвердительнее. Впрочем, положительнее буду писать о том, чего намерен добиваться после поездки; ибо многое решится в эту поездку. А теперь, покамест, отвечайте мне на эти два вопроса.

Так Вы познакомились с Гончаровым? Как он Вам понравился? Джентльмен из "Соединенного общества", где он членом, с душою чиновника, без идей и с глазами вареной рыбы, которого бог будто на смех одарил блестящим талантом.

Как жаль мне, что Вы не сошлись близко с моим братом. Это превосходнейший человек, и, право, Вы бы не имели никого подле себя, кто бы Вас любил горячее его. Прилагаю к нему письмо. Ради бога, передайте поскорее, не задержите письмо. Пишу к Вам наскоро, ибо о многом не могу писать положительно; повторяю, следующее письмо будет ровнее и обстоятельнее. О Ваших вещах и книгах ничего не могу Вам сказать. У Степанова нет ничего, он мне сам говорил. (Ни самовара, ни кастрюль.) Я видел летом 4 ящика, которые Демчинский отправил к Остермейеру. Степанов говорит, что Вы ему ничего не оставили. Демчинский говорит, что не знает, что в ящиках. Обо всем узнаю в Барнауле, и о книгах, и всё постараюсь исполнить, о чем Вы просите. Если мне выдадут Ваш чемодан (который Вы мне дарите), то я возьму, благодарю Вас, друг мой, Вы без конца обо мне думаете.

Благодарю Вас бесконечно за обещанье обмундировать меня. Но я, по возможности, обмундировался здесь (в долг и кое-как). Мне очень жаль, что я не мог предупредить Вас раньше; ибо Вы, может быть, выслали уже всё! Но (2) мне совестно, что Вы на меня много истратили. Но от каски, полусабли и шарфа не откажусь, даже буду просить; ибо здесь этого (особенно каски) не достанешь.

О новостях здешних ничего не пишу. Здесь всё то же, и все те же (напишу после). Я довольно короток с Демчинским (он мне много помогает насчет поездок, ибо сам мне сопутствует, имея делишки сердца в Змиеве). Ради бога, не подумайте, чтоб он мне Вас заменил, Вы знаете, что это за человек? Но он ужасно предан мне (не знаю отчего), а я не могу не быть благодарным. За что он Вас не совсем любит? Впрочем, всё это у него делается по вдохновению какому-то: Обух в Верном.

Прощайте, мой друг бесценный, пишите как можно скорее и от меня ждите скоро. Обнимаю вас крепко.

Ваш Д<остоевский>.

М<ария> Д<митриевна> 1000 раз об Вас спрашивала. Она очень беспокоится о Вас по моим письмам. Она чрезвычайно Вас любит и почти с благоговением говорит о Вас. Уважает Вас до бесконечности.

(1) было: потому что

(2) далее было: ради бога

113. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
9 ноября 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 9 ноября, 1856.

Добрый брат мой, друг мой неизменный и верный, письмо это передаст тебе Ал<ександр> Егор<ович>, которому я так много обязан. Я получил письмо твое с прошлю почтой. Удивляюсь, что ты так поздно узнал о моем производстве. Я 30-го октября уже знал это. (Поблагодари К. И. Иванова и Ольгу Ивановну. Они мне прислали приказ; да, кроме того, 30-го же октября, из штаба, пришла к военному губернатору бумага о моем производстве.) Повторяю вместе с тобою: дай бог долго и счастливо царствовать нашему ангелу-государю! Нет слов, чтобы выразить ему мою благодарность. Обнимаю тебя от всей души и благодарю за поздравление. Письма твоего я ждал бесконечное время. Друг мой, брось свою систему: хоть понемножку, да почаще уведомяй меня о себе. Иногда тебе нечего выслать мне, я знаю это, но что до этого, все-таки пиши! Ты обещаешься, друг мой, выслать мне деньги с будущей почтой и уверяешь в помощи добрейших сестер и тетушки. Добрый друг, если б ты только знал, как я нуждаюсь. Эта помощь придет очень кстати; ибо я не знал бы, как обмундироваться. Обмундировка здесь стоит гораздо дороже (в 1 1/2 раза), чем в Петербурге. Я взял, что необходимо, в лавках, в долг. Но многое еще остается завести. Между прочим, у меня совсем нет белья. Теперь я получаю жалованье. Но жалованье, в первое время, с вычетами и проч<ее> не велико. К тому же я задолжал, (конечно, таким людям, которые будут ждать на мне, но все-таки должен). Пишу это, друг мой, тебе не потому, чтоб не нашел ничего важнее, как тотчас же заговорить о деньгах и просить тебя о присылке. Нет! Да и ты сам меня не считаешь таким, я уверен в том, но вот для чего: для того, чтоб хоть немного оправдаться перед тобой, ибо я перед тобой много виноват, надеясь на твои деньги и истратив больше, чем могу тратить. Но, брат милый! Если были траты экстренные, то я в них был не властен. Ту, которую я любил, я обожаю до сих пор. Чем это кончится, не знаю. Я сошел бы с ума или хуже, если б не видал ее. Всё это расстроило мои дела (не думай, что я с ней делюсь, ей отдаю; не такая женщина, она будет жить грошем, а не примет). Это ангел божий, который встретился мне на пути, и связало нас страдание. Без нее я бы давно упал духом. Что будет, то будет! Ты очень беспокоился о возможности моего брака с нею. Друг милый, кажется, этого никогда не случится, хоть она и любит меня. Это я знаю. Но что будет, то будет! Она умоляет тебя простить ее за то, что она тебе не ответила. Она была в страшно худых обстоятельствах в это время. А после долгого промедления ей показалось совестно отвечать. Письмо твое восхитило ее. Но довольно об этом. Теперь у меня начинается новая жизнь! Ал<ександр> Егор<ович> спрашивает: о чем еще просить и чего я желаю? (он предан мне, как брат родной). Я и сам не знаю, чего желать теперь; ибо возврата в Россию я и без перевода в армию скоро достигну. Если б я желал возвратиться поскорее в Россию, то для того, (1) чтоб обнять вас и посоветоваться с знающими докторами о болезни моей (припадки). Всего скорее я б желал отставки, и потому прошу Ал<ександра> Егор<овича> (2) написать мне поскорее и поутвердительнее: могу ли я надеяться просить о ней по слабости здоровья? Отставка полезна была бы мне: во-1-х) для поправления здоровья, 2) свобода; возможность

заниматься литературой (удобнее), и, наконец, дала бы мне более денег. Ибо даже здесь мне уже 2 раза предлагали (надеявшиеся, (3) что меня выпустят по манифесту совсем на свободу) занятия, которые, может быть, совершенно обеспечили бы меня. Но я рассчитываю, ожидаю и надеюсь на позволение печатать; на то заранее и слишком скоро понадеявшись, я и задолжал необдуманно (я рассчитывал на "Детскую сказку", которую вы думали напечатать? Почему не напечатали, была ли попытка, а если была, то что сказали? - ради Христа, напиши обо всем этом). Друг мой, я был в таком волнении последний год, в такой тоске и муке, что решительно не мог заниматься порядочно. Я бросил всё, что и начал писать, но писал урывками. Но и тут не без пользы, ибо вылежалась, обдумалась и полунаписалась хорошая вещь. Да, друг мой, я знаю, что сделаю себе карьеру и займу хорошее место в литературе. К тому же я думаю, что литературой, обратив на себя внимание, я выпутаюсь из последних затруднений, оставшихся в моей горькой доле. Меня мучает сильно обилие материалу для письма. Мучают тоже вещи в другом роде, чем романы. Я думаю, я бы сказал, кое-что даже и замечательного об искусстве, вся статья в голове моей и на бумаге в виде заметок, но роман мой влек меня к себе. Это сочинение очень большое. Роман комический, началось с шуточного и составилось то, чем я доволен. Будут очень и очень хорошие вещи в нем. Ради бога, не сочти меня хвастуном. Нет человека справедливее и строже меня к самому себе в этом отношении, и если б знали то мои бывшие критики! Отрывки, совершенно оконченные эпизоды, из этого большого романа, я бы желал напечатать теперь. Это бы дало мне и известность и деньги. Ради Христа, справься по возможности: возможно ли это, и напиши ко мне.

Ангел мой, я боялся за тебя ужасно. Твои сигары, когда я прочел о них в твоём письме, потом в газетах, испугали меня. Я ужаснулся риску всем, что имеешь, на такое рискованное предприятие. Это значит искушать судьбу. Один раз была удача с папиросами; но решаться на вторую удачу и искушать судьбу - слишком рискованно. Я всё лето боялся за тебя. Дай бог, чтоб тебе повезло! Впрочем, я говорю, мало зная это дело.

Милый друг, ты пишешь о сестрах: это ангелы! Что за прекрасное семейство наше! Что за люди в нем! Где брат Андрей и что с ним делается? Давно уже ни слуху ни духу; напишу ему непременно. Письмо это пишу тебе наскоро, чтоб только ответить на твое. Но скоро буду опять писать к Ал<ександру> Егор<овичу>. Тогда опять напишу тебе, подробнее и полнее; ибо тогда и о себе буду знать более. Сестрам и дяде надо бы теперь написать, но одну почту еще подожду от сестер писем. Варенька хотела прислать мне белья (а я весь обносился и, несмотря на дороговизну, принужден был занять, чтоб сделать себе что-нибудь из белья), она спрашивает: на какой адрес прислать (4) белье? Я до сих пор не понимаю ее вопроса: но на тот же адрес, на который она письма пишет? Если увидишь, расцелуй ее за меня, а не увидишь, так напиши, что я целую их всех. Варенька добрая прислала мне 25 руб. (которые я получил только в августе, с нарочным), и бог знает как они помогли мне!

Я нанял себе квартиру, с прислугой, с отоплением и со столом за 8 руб. сереб<ром> в месяц. Одним словом, живу, как жид. Ради бога, брат, неужели ты до сих пор не можешь мне прямо адресовать писем, а не через начальство? (5) Ведь, я уверен, даже по манифесту, ты освобожден от последнего надзора. Ради бога, пиши прямо. (Государь - это сама ангельская доброта!) (6) Тороплюсь окончить тебе письмо. Здоровье мое по-прежнему. Но осенью я таки хворал несколько. Припадки же не покидают. Нет-нет да и придут. Каждый раз после них я падаю духом; я чувствую, что

от них теряю память и способности. Уныние и какое-то нравственно-униженное состояние – вот следствие моих припадков. Здоров ли ты? Здоровы ли домашние? Что Эмилия Федоровна, кланяйся ей и расцелуй детей за меня. Пиши немедленно и непременно. Если нечего послать, то посылай пустое письмо. Ангел мой, мне письмо твое дороже денег! Ведь я один, совсем один, ведь ты не знаешь ничего о моем положении. Да и что рассказать на 4-х страницах бумаги, когда годы нужно, чтобы передать всё друг другу! О если б нам увидеться. Прощай, ангел мой, не надолго, скоро напишу опять, только и ты напиши, чаще как можно пиши. Обнимаю тебя, твой весь Ф. Дост<оевский>.

Смотри же, пиши!

- (1) было: с тем
- (2) было: его прошу
- (3) было: надеясь
- (4) было: писать
- (5) далее было: Странно.
- (6) далее было: Неужели запретят двум б<ратьям?>

114. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВУ
14 декабря 1856. Семипалатинск

Семипалатинск. 14 декабря 56.

Письмо Ваше, добрейший друг мой, передал мне Александр Николаевич. Вы пишете так приветливо и ласково, что я как будто увидел Вас снова перед собою. Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда (1) и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к Вам, и бог знает как эта сделалось. Тут бы можно много сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! Вы, (2) верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Вали-хан, да если б на эту тему написать 10 книг, то ничего не напишешь: чувство и влечение дело необъяснимое. Когда мы простились с Вами извозка, нам всем было грустно после целый день. Мы всю дорогу вспоминали о Вас и взапуски хвалили. Чудо как хорошо было бы, если б Вам можно было с нами поехать! Вы бы произвели большой эффект в Барнауле. В Кузнецке (где я был один) (NB. Это секрет) – я много говорил о Вас одной даме, женщине умной, милой, с душою и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил ей о Вас так много, что она поллюбила Вас, никогда не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил Вас самыми яркими красками. Может быть, эту превосходную женщину Вы когда-нибудь увидите и будете тоже в числе друзей ее, чего Вам желаю. Потому и пишу Вам об этом. Я почти не был в Барнауле. Впрочем, был на бале и успел познакомиться почти со всеми. Я больше жил в Кузнецке (5 дней). Потом в Змиеве и в Локте. Демчинский был в своем обыкновенном юморе во всё время. Семенов превосходный человек. Я его разглядел еще ближе. Много бы можно было Вам рассказать, чего в письме не упишешь. Но когда-нибудь кое-что узнаете, а вот теперь, когда в душе моей вдруг, неожиданно (и ждал и не ждал) накопилось столько горя, забот и страху за то, что мне дороже всего на свете, теперь, когда я совершенно один (а действовать надо), – теперь я раскаиваюсь, что не открыл Вам главнейших забот моих и целей моих и всего, что уже с лишком два года томит мое сердце до смерти! Я был бы счастлив. Дорогой мой друг, милый Чекан Чингисович, я пишу Вам загадки. Не старайтесь их разгадывать, но пожелайте мне успеха. Может быть, скоро услышите обо всем от меня же.

Приезжайте, если возможно, скорее к нам, а уже в апреле непременно. Не переменяйте своего намерения. Так бы хотелось Вас увидеть, да и Вы верно не соскучитесь. Вы пишете, что Вам в Омске скучно - еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих "Записок" о степном быте, Вашем возрасте там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы конечно знали бы что писать (например, вроде "Джона Теннера" в переводе Пушкина, если помните). На Вас обратили бы внимание и в Омске и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Одним словом, и в Омске на Вас смотрели бы иначе. Тогда бы Вы могли заинтересовать даже родных Ваших возможностью новой дороги для Вас. Если хотите будущее лето пробыть в Степи, то ждать еще можно долго. Но с 1-го сентября будущего года Вы бы могли выпроситься в годовой отпуск в Россию. Год прожив там, Вы бы знали что делать. На год у Вас были бы средства; поверьте, что их нужно не так много. Главное, с каким расчетом жить и какой взгляд иметь на это дело. Всё относительно и условно. В этот год Вы бы могли решиться на дальнейший шаг в Вашей жизни. Вы бы сами выяснили себе результат, то есть решили бы, что делать далее. Воротясь в Сибирь, Вы бы могли представить такие выгоды или такие соображения (мало ли что можно изобразить и представить!) родным своим, что они, пожалуй, выпустили бы Вас и за границу, то есть года на два в путешествие по Европе. Лет через 7, 8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Наприм<ер>: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвященным ходатайством за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз - образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать; настаивайте, старайтесь и даже хитрите, если можно. А ведь возможно всё, будьте уверены. Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе Вашей, мой дорогой Вали-хан. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности. Трудно решить: какой сделать Вам первый шаг. Но вот еще один совет (вообще) - менее загадывайте и мечтайте и больше делайте: хоть с чего-нибудь да начните, хоть что-нибудь да сделайте для расширения карьеры своей. Что-нибудь все-таки лучше, чем ничего. Дай Вам бог счастья.

Прощайте, дорогой мой, и позвольте Вас обнять и поцеловать раз 10. Помните меня и пишите чаще. Цуриков мне нравится, он прям, но я еще мало знаю его. Съедетесь ли Вы с Семеновым и будете ли вместе в Семипалатинске? Тогда нас будет большая компания. Тогда, может быть, много переменится и в моей судьбе. Дал бы бог! Вам кланяется Демчинский. Пишу Вам у него на квартире, за тем столом, на котором мы обыкновенно завтракали или вечером пили чай в ожидании обиженных сирот. Напротив меня сидит Цуриков и тоже Вам пишет. Демчинский же спит и храпит. Теперь 10 часов вечера. Я не понимаю, отчего очень устал. Хотелось бы Вам написать кое-что о Семипалатинске; есть вещи очень

смешные. Да не упишешь и 10-й доли, если писать как следует. Прощайте же, добрый мой друг. Пишите мне чаще. А я всегда буду Вам отвечать. Может быть, рискну в другой раз написать и о своих делах. Поклонитесь от меня Д<уро>ву и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренно предан ему.

Ad<d>io!

NB. С. Вам кланяется, рассказывала, как Вы ее сманивали в Омск. Она о Вас помнит и очень Вами интересуется.

(1) далее было; почти

(2) было: А вы

115. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

21 декабря 1856. Семипалатинск

Семипалатинск. 21 декабря 1856 г.

Добрейший, бесценный мой Александр Егорович. Вот уже сколько времени с нетерпением жду Вашего письма и ничего не получаю. Получили ль Вы мое, в котором я уведомлял Вас, что недели на две хочу уехать из Семипалатинска? Но если Вы и получили, то, конечно, Ваш ответ на него еще не мог прийти; я же говорю про то письмо Ваше, которое Вы обещали написать мне, еще и не ожидая от меня ответа. Вы хотели мне выслать офицерские вещи. Я уже уведомил Вас, добрейший друг мой, чтоб Вы не разорялись напрасно для меня, что всей экипировки мне не надо (ибо во всяком случае она поздно придет) и что если мне действительно очень нужны были некоторые из вещей, н<a>прим<ер> кивер, форменные погоны, нумерные пуговицы и т. д., то это единственно потому, что здесь этого нет, - надо выписывать. И потому-то я Вас и уведомлял, что вот эти мелочи я готов принять от Вас с благодарностью. Но если заготовка этих вещей и покупки их задержали Вас, так что Вы, ожидая окончания этих закупок, и не писали ко мне, - то напрасно, конечно напрасно! Друг мой добрый и незабвенный, Вы, которому я и без того так много обязан, - неужели какие-нибудь подобные мелочи могут помешать (1) Вам писать ко мне? Но, может быть, я ошибаюсь, может быть, время уже успело изгладить в Вашей душе память обо мне, и Вы не так уже любите меня, как прежде! Кто знает! Но нет! Мне грешно говорить это. Вы так много для меня сделали, что сомнение, которое бы могло закрасться в сердце мое, было бы неблагодарностью к Вам! Не хочу этих сомнений, гоню их и, обняв Вас от души, хочу говорить с Вами по-прежнему, как бывало в Семипалатинске, когда Вы для меня были всем: и другом и братом, и когда мы оба делили друг с другом свои заботы... сердечные.

Во-первых, давно ли Вы видели Тотлебена? В Петербурге ли он? А если там, то передали ли Вы ему мою благодарность? Скажите ему, друг мой, что нет у меня слов, чтобы выразить ему ее, и что я вечно буду благоговеть пред ним, всю мою жизнь и никогда не забуду того, что он для меня сделал. Ради бога, добрый друг мой, напишите мне обо всем этом поскорее. Обещал я Вам письмо большое и вот пишу на полулисте. Причина тому, что не знаю, застанет ли Вас мое письмо в Петербурге. Вы писали мне, что хотите ехать в Ирбит, и, бог знает, может быть, Вы вздумаете доехать и до Барнаула. В таком случае, не знаю, пролежит ли мое письмо до Вашего возвращения или Вам его перешлют уже из Петербурга туда, где Вы будете находиться. Вот почему и пишу Вам коротко о том, об чем мог бы написать и подлиннее. Есть и еще причина, которую Вы поймете из следующих слов: "Бог знает, как бы я желал переговорить с Вами изустно, а не на письме!". Если б я мог видеть

Вас, я бы Вам кое-что передал, а теперь нельзя. Скажу только одно: я ездил в Барнаул и в Кузнецк, с Демчинским и Семеновым (член Географического общества). В Барнаул мы приехали 24-го декабря (2) (в день именин Х.), и Гернгросс, не выдав еще нас, прямо пригласил нас через Семенова на бал. Он мне очень понравился. Не знаю, почему он теперь, вдруг, стал несколько предубежден против Вас. Он прямо мне говорил это. Она мне очень понравилась, всем, но напрасно она видимо отдалялась от меня. Она была со мной вежлива, мила, всё было, по-видимому, хорошо, но она очевидно не доверяла мне. Но если б даже она и подозревала, что я знаю об Вашем романе <?>, неужели она считала меня неблагородным человеком? Надо заметить, что она об Вас видимо старалась говорить как можно суше, даже с легонькой насмешкой. Не знаю, почему мне это очень понравилось - то есть не насмешка, а тактика. Она очень умна. Я уверен, что она когда захочет обольстительна. Я желал всеми силами души, чтоб и сердце ее своими качествами соответствовало остальному. Но она его далеко припрятала от любопытных. Раза четыре мы с ней сходились на бале и говорили. Я нарочно не танцевал, чтоб говорить с ней.

О барнаульских я не пишу Вам. Я с ними со многими познакомился; хлопотливый город, и сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов! В Барнауле я пробыл сутки и отправился один в Кузнецк. Там пробыл 5 дней и, воротившись, пробыл еще сутки в Барнауле. Обедал у Гернгросса и был у него до вечера. Он обошелся со мной превосходно. За столом я сделал маленькую неловкость: сын их, мальчик лет 8, мне очень понравился; он ужасно похож на мать. Я это сказал. Она возразила, что нет сходства. Я начал подробно разбирать это сходство. Представьте же себе: этого мальчика, как я после узнал, они считают в семействе чуть не уродом! Хорош мой комплимент!

Друг мой, Вы, кажется, были очень откровенны с Х. в Петербурге и показывали ей мои письма? Так ли это? По крайней мере, когда я ездил в Кузнецк, она сказала Семенову (с которым я превосходно сошелся), что я поехал в Кузнецк жениться, что там есть женщина, которую я люблю, и что она знает это от Вас?

Портрет Ваш получил. Благодарю, друг мой, благодарю! - Чемодана, который Вы мне подарили, не получил. Гернгросс ни слова не сказал мне о нем. А мне спросить было совестно. Конечно, он забыл, но это всё равно, ибо, может быть, чемодан у Остермейера. Получу после, если он у него. Книги Ваши и минералы, по всей вероятности, в Змиеве у Остермейера, в тех 4-х ящиках, которые были отправлены летом к нему. В Змиев мы, в обратный путь, приехали ночью. У Остермейера я быть не мог. Но будьте уверены, что всё будет спасено и доставлено Вам. Я еще надеюсь быть в Змиеве. Теперь, друг мой, хочу объявить Вам об одном важном для меня деле. Вам, как другу моему, это должно быть открыто. Коротко и ясно: если не помешает одно обстоятельство то я до масленицы женюсь - Вы знаете на ком. Никто, кроме этой женщины, не составит моего счастья. Она же любит меня до сих пор, и я выполнял ее желание. Она сама мне сказала: "Да". То, что я писал Вам об ней летом, слишком мало имело влияния на ее привязанность ко мне. Она меня любит. Это я знаю наверно. Я знал это и тогда, когда писал Вам летом письмо мое. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности. Еще летом по письмам ее я знал это. Мне было всё открыто. Она никогда не имела тайн от меня. О, если б Вы знали, что такое эта женщина!

Я Вам пишу наверно, что я женюсь, между прочим, может быть одно обстоятельство, о котором долго рассказывать, но которое может отдалить брак наш на неопределенное время. Это обстоятельство совершенно

постороннее. Но мне, по всем видимостям, кажется, что оно не случится. А если его не будет, то следующее письмо Вы получите от меня, когда уже всё будет кончено.

Денег у меня нет ни копейки. По самым скромным и скупым расчетам мне, на всё, надо 600 руб. серебром. Я намерен их занять у Ковригина (он в Омске, но скоро приедет). Мы с ним в последнее время сошлись очень хорошо. Я надеюсь, что он мне даст. А если не даст, то всё рухнет, по крайней мере, на неопределенное время. Я займу у Ковригина на далекий срок, т<o> е<сть> на год по крайней мере. Но с будущей почтой пишу в Москву к дяде, человеку богатому, который не раз помогал нашему семейству, и прошу у него 600 руб. серебром. Если даст мне, то я тотчас же отдам Ковригину. Если же не даст, то надо самому достать деньги, ибо этот долг – священный долг и отдать его надо как можно скорее.

На брата я надеяться не могу. Если б у него были деньги, он дал бы мне. Но он пишет, что обстоятельства его худы, по крайней мере теперь. И потому одна надежда и на отдачу долга и на средства к будущей жизни моей; это: если мне позволят печатать. Не удивляйтесь, друг мой, что я, не имея ничего, занимаю такие куши, как 600 руб. серебром. Но у меня есть готового для печати с лишком на 1000 руб. серебром. Следовательно, будет чем отдать, если позволят печатать и если дядя не пришлет. Но если печатать не позволят еще год – я пропал. Тогда лучше не жить! Никогда в жизни моей не было для меня такой критической минуты, как теперь. И потому поймите, бесценнейший друг мой, как важно для меня хоть какое-нибудь известие о позволенье печатать. И потому умоляю Вас, как бога, если могли что-нибудь узнать об этом (я просил Вас об этом еще в прошлом письме), то уведомьте немедленно. Умоляю Вас об этом, и если в Вас еще прежние чувства ко мне, Вы примете мою просьбу и исполните ее. Так ли, друг мой, обманываюсь я или нет? (почему не напечатана моя "Детская сказка", о которой Вы мне писали? Не отказали ли? Это очень важно мне знать. Разумеется, я готов печатать, хоть навсегда, без имени или псевдонимом). Если Ковригин даст денег, я постараюсь выехать между 20-м и 25-м января и дней через 20 возвращусь в Семипалатинск уже с женой. В Барнауле надеются, не знаю почему, что Вы там будете. Не сойдемся ли мы там?

Видите ли Вы моего брата? Ради бога, увидайтесь с ним, поговорите обо мне в мою пользу. Я не прошу у него денег: у него нет. Но прошу его, если он может, выслать мне кой-какие вещи! Мне бы очень хотелось иметь их. Да скажите брату, чтоб написал мне всё, что знает о всех закулисных тайнах теперешней литературы. Это для меня очень важно.

Но прежде чем прошусь с Вами в этом письме – еще просьба: об ней прошу Вас на коленях. Помните, я Вам писал летом про Вергунова. Я просил Вас ходатайствовать за него у Гасфорта. Теперь он мне дороже брата родного. Слишком долго рассказывать мои отношения к нему. Но вот в чем дело. Ему последняя надежда устроить судьбу свою – это держать экзамен в Томске чтоб получить право на чин и место в 1000 руб. ассигн<ациями> жалованья. Всё дадут, если он выдержит экзамен. Но без протекции ничего не будет.

(4) Всё зависит от директора гимназии Томской статского советника, Федора Семеновича Мещерина. – Если б кто-нибудь из лиц влиятельных написал о Вергунове Мещерину, уведомляя, что когда он будет держать экзамен, то обратить на него внимание, то конечно Мещерин всё сделает. О Вергунове не грешно просить: он того стоит. И потому прошу Вас, если у Вас есть кто-нибудь из родных или знакомых по Министерству просвещения, имеющих важную должность, то нельзя ли написать Мещерину письмо о Вергунове? Видите ли Вы Аполлона Майкова? Он знаком с Вяземским. Что если б это написал

Вяземский! Ради бога, сделайте хоть что-нибудь, подумайте и будьте мне родным братом.

Прощайте, дорогой друг мой, обнимаю Вас. Пишите, ради Христа, поскорее и уведомьте обо всем. Прощайте.

Ваш весь Д<остоевский>.

NB. Не пишите X. о том, что я Вам писал о ней. Не выдавайте меня. Кто знает, может быть, ей не понравится...

- (1) было: остановить
- (2) описка в подлиннике, нужно: ноября.
- (3) далее было начато: Если же
- (4) далее было: Там все люди корыстные

116. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
22 декабря 1856. Семипалатинск

Семипалатинск 22 декабря, 56 г.

Здравствуй, добрый друг мой. Вот уже сколько времени, как я жду от тебя обещанного письма - письма, которое ты обещал написать мне с первой же почтой, вслед за письмом твоим от 15-го октября. Не знаю, что задержало тебя. Клянусь тебе, милый брат мой, что я не могу примириться с твоими резонами, которыми ты объяснял мне длину интервалов между твоими письмами ко мне. Как бы ни был занят человек - у него всегда найдется 5 минут, чтоб написать несколько строк родному брату. Но я понимаю: тебя, верно, уведомили из Москвы, что мне оттуда выслали денег. Ты же в своем письме от 14-го (1) октября обещал мне выслать хоть несколько денег с следующей почтой. "Итак, он получил деньги, - подумал ты. - Следовательно, не нуждается, а потому и письма ему не надо писать". Хорошо, друг мой! Но не говорил ли я тебе, не писал ли, что мне не деньги нужны от тебя, а память и внимание братские. Ты мне писал, что дела твои худы, что денег у тебя нет. Неужели я не могу понять, что ты, человек семейный, обязанный многими заботами, можешь не иметь для меня денег! И какое право имел бы я претендовать на тебя за неприсылку денег, тогда как ты один помогал и поддерживал меня до сих пор! Разве я не знаю и не понимаю всю тяжесть твоих забот по твоим же письмам! И потому пойми, что я ропщу на тебя не потому, что ты обещал мне денег и не прислал (я знаю, что если не прислал, так верно их не было; в твоей доброте и в твоём сердце я не сомневаюсь). Но знай, друг мой, что мне горько то, что, кроме присылки денег, ты, кажется, (2) не считаешь нужным иметь со мной никаких отношений. Может быть, ты скажешь, что тебе нечего писать ко мне. Но рассуди (3) беспристрастно. В прошлом письме ты пишешь мне, что дела твои худы, обещаешь в очень скором времени мне еще письмо - и вдруг молчанье, ни строчки. Что я должен заключить? Что дела твои еще хуже, что они имели влияние на нашу переписку, что, может быть, ты болен или находишься в положении крайне запутанном. А если так, неужели ты думаешь, что я ко всему этому совершенно равнодушен? Нет, я измучился за тебя, я ломал голову о твоём положении, мне тяжело было слышать, что тебе не удастся, и я горячо желал получить от тебя какое-нибудь известие. Предполагая во мне равнодушие, ты обижаешь меня. Прерви же наконец свое молчание, друг мой, отвечай мне хоть что-нибудь, пиши и в особенности отвечай на это письмо поскорее. Ты сам увидишь, что это письмо довольно важное, для меня по крайней мере.

Может быть, из прежних писем (4) за последние 2 года и неоднократных намеков моих ты мог видеть, что я любил одну женщину. Имя ее Марья Дмитриевна Исаева. Она была жена моего лучшего друга, которого я любил как брата. Конечно, любовь моя к ней была скрытая и безнадежная. Муж ее был без места; наконец, после долгих ожиданий, он получил место, в городе Кузнецке, Томской губернии. Приехав туда, он через 2 месяца умер. Я был в отчаянии, разлучившись с нею. Можешь себе представить, как увеличилось мое отчаяние, когда я узнал о смерти ее мужа. Одна с малолетним сыном, в отдаленном захолустье Сибири, без призора и без помощи! Я терял голову. Я занял и послал ей денег. Я был столько счастлив, что она приняла от меня. О том, что я сам входил в долги, я не рассуждал. Наконец она списалась с своими родными, с отцом своим в Астрахани. С тех пор он помогал ей, и она жила кое-как. Отец звал ее к себе. Она бы поехала, но ей хотелось пристроить прежде сына в Сиб<ирский> кадетский корпус. В Астрахани ей бы не на что было воспитать его; надо бы платить за него деньги. Она боялась обременить отца и боялась упреков сестер, у которых она была бы нахлебницей. В Сибирском же кадетском корпусе дают воспитание прекрасное и выходящие только 3 года обязаны прослужить в Сибири. Переписка наша тянулась. Я уверен был, что и она по крайней мере поняла, что я люблю ее. Но я, быв солдатом, не мог ей предложить быть моей женой. Ибо чем бы мы жили? Какую бы судьбу она со мной разделила. (5) Но теперь, тотчас же после производства, я спросил ее: хочет ли она быть моей женой, и честно, откровенно объяснил ей все мои обстоятельства. Она согласилась и отвечала мне: "Да". И потому брак наш совершится непременно. Есть только одно обстоятельство, которое может расстроить или по крайней мере отдалить наш брак на неопределенное время. Но 90 вероятностей на 100, что этого обстоятельства не будет, хотя надо все предвидеть. (Об этом обстоятельстве я не пишу: долго рассказывать, после всё узнаешь.) Могу только сказать, что почти наверно я женюсь на ней. Если я женюсь, то свадьба будет сделана до 1/2 февраля, то есть до масленицы. Так уж у нас решено, если всё уладится и кончится благополучно. И потому, друг бесценный, друг милый, прошу и молю тебя, не тоскуй обо мне, не сомневайся, а главное, не пробуй меня отговаривать. Всё это уже будет поздно. Решение мое неизменно, да и ответ твой придет, может быть, когда уже всё будет кончено. Я знаю смысл всех твоих возражений, представлений и советов, они все превосходны, я уверен в твоём добром, любящем (6) сердце; но при всем здоровом смысле твоих советов, они будут бесполезны. Я уверен, ты скажешь, что в 36 лет тело просит уже покоя, а тяжело навязывать себе обузу. На это я ничего отвечать не буду. Ты скажешь: "Чем я буду жить?" Вопрос резонный; ибо, конечно, мне стыдно, да и нельзя рассчитывать женатому на то, что ты, н<a>прим<ер>, будешь содержать меня с женой. Но знай, мой бесценный друг, что мне надо немного, очень немного, чтоб жить вдвоем с женой. Я тебе ничего не пишу о Марье Дмитриевне. Это такая женщина, которой, по характеру, по уму и сердцу из 1000 не найдешь подобной. Она знает, что я немного могу предложить ей, но знает тоже, что мы очень нуждаться никогда не будем; знает, что я честный человек и составлю ее счастье. Мне нужно только 600 руб. в год. Чтоб получать эти деньги ежегодно, я надеюсь на одно, именно на милость царя, на милость обожаемого существа, правящего нами. Я надеюсь на позволение печат<а>ть. Я смею питать в себе уверенность, что моя надежда не химера. Я надеюсь, что мудрый монарх наш, это ангельское сердце, кинет и на меня свой взгляд и позволит и мне, по мере сил моих, быть полезным. А в своих силах, если только получу позволение, я уверен. Не сочти, ради Христа, за хвастовство с моей стороны, брат бесценный, но знай, смело,

будь уверен, что мое литературное имя – непропадшее имя. Материалу в 7 лет накопилось у меня много, мысли мои прояснили и установились; и теперь, когда каждый несет лепту свою на общую пользу, – не откажут и мне быть полезным. Верю, надеюсь и благоговею к решению монарха. А если позволят печатать – я уверен в 600 руб. в год. О возможности иметь детей – заботиться еще далеко. А если будут, то и воспитаны будут, будь уверен. Ты скажешь, что, может быть, заботы мелкие изнурят меня. Но что же за подлец я буду, представь себе, что из-за того только, чтоб прожить как в хлопчках, лениво и без забот, отказаться от счастья иметь своей женой существо, которое мне дороже всего в мире, отказаться от надежды составить ее счастье и пройти мимо ее бедствий, страданий, волнений, беспомощности, забыть ее, бросить ее – для того только, что, может быть, некоторые заботы когда-нибудь потревожат мое драгоценнейшее существование. Но конец оправданиям! Примирись с фактом, друг мой. Он неотразим, если бог всё устроит, и всевозможные резоны, самые благоразумные, будут похожи на известное восклицание: Mais quallaot-il faire dans cette galire.

Я согласен, что глупо было попасть сыну Оронта на галеру, к туркам, согласен во всем, во всем, во всех резонах, – но как ни восклицай, как ни жалей, все-таки он dans cette galire, попал в нее, и факт неотразим. Бесценный друг мой, брат милый, не восставай на меня, а помоги мне, и тогда ты будешь мне более другом и братом, чем когда-нибудь. За сим считаю необходимым уведомить тебя о распоряжениях, которые я намерен сделать, чтоб достигнуть цели, и о некоторых обстоятельствах дела. Денег у меня нет ни копейки, а деньги 1-е дело, и потому я решаюсь занять. Я знаю здесь одного человека, расположенного ко мне, богатого и доброго. Я попрошу у него. Мне нужно не мало. Надобно сделать хоть какие-нибудь приготовления, нанять квартиру хоть в три комнаты, иметь хоть необходимейшую мебель. Надобно одеться, надобно и ей помочь. Надобно 100 (7) вещей самых необходимых, но которые стоят денег. Надобно послать за ней закрытую повозку, которую повезут три лошади туда и сюда 1500 верст – почти прогоны. Надобно заплатить за свадьбу. Сам я еще не мог до сих пор кончить моей офицерской экипировки. Жалованье мое достаточно, чтоб жить. Но завести все, сразу, тяжело. Мне прислали 200 руб. из них часть пошла на zapлату долга, другая пошла на необходимое белье (ибо сестра прислала одни рубашки), на множество вещей, самых необходимых, самых грубых и простых, но которые стоят денег. Наконец, так как я фронтовой офицер, то мне по крайней мере надо 2 мундира сейчас же: один для службы, для ученья, для караулов, а другой смотровый. Нужна шинель, нужны офицерские принадлежности, каска, шпага, шарф, темляк и т. д., и т. д. Нужны сапоги, наконец, – всё это стоит денег, и потому 200-т руб., с необходимыми посторонними расходами, – далеко недостало.

Наконец, после женитьбы надо жить, до тех пор, пока объяснится последнее обстоятельство в судьбе моей, именно: возможность печатать, и потому я намерен занять 600 руб. сереб<ром>. Этого только что разве будет достаточно. Занять же я эту сумму могу, ибо имею уже в руках для печати с лишком на 1000 руб. сер<ебром>. Я не обманываю, занимая, тем более, что займу на долгий срок и прямо объясню этому человеку мои обстоятельства, не утаивая ничего. С этой же почтой пишу сестре Вареньке и уведомляю ее обо всем по возможности. В письме предуведомляю ее, что с следующей же почтой пишу к дяде. У дяди я прошу 600 руб. сереб<ром>. Письмо к дяде будет написано очень благоразумно, будь уверен. Вареньку же прошу не удивляться, не ахать, не отсоветовать, а уговорить тетюшку, чтоб передали мое письмо дяде в добрую минуту, когда она придет к нему. От дяди я

ничего не скрываю. Если даст, то я тотчас же расплачусь здесь, а не даст, – одна надежда на себя, на бога и его ангела – монарха вашего! Тебя же умоляю, добрый Миша, тотчас по прочтении этого письма напиши в Москву сестре и посоветуй ей, чтоб они верно отдали письмо мое дяде. Ибо, боясь его, они могут и не передать письма моего. Дяде пишу по почте, в следующую же почту. Ради бога, брат, сделай это для меня. – Теперь же изложу тебе еще просьбу, прямо к тебе. Брат, ангел мой, помоги мне последний раз. Я знаю, что у тебя нет денег, но мне надобны некоторые вещи, именно для нее. Мне хочется подарить их ей; покупать здесь невозможно, стоит вдвое дороже. Если б я имел деньги, я б тебе выслал; но я не имею и потому умоляю не откажи мне в этом последнем пособии. Но умоляю тебя и вот в чем: если тебе чуть-чуть тяжело (то есть если денег у тебя нет, ибо в желании твоём одолжить меня я уверен), – то, ради Христа, не мучь себя и не высылай ничего. Я пойму, я брат твой, и я слишком много имел от тебя доказательств твоей привязанности, чтоб сомневаться в тебе. Вот вещи, которые я желаю иметь; они почти необходимы.

1) К пасхе шляпку (здесь нет никаких), конечно, весеннюю.

2) (Теперь же) шелковой материи на платье (какой-нибудь, кроме glasй) – цветом, какой носят (8) (она блондинка, росту высокого среднего, (9) с прекрасной тальей, похожа на Эмилию Федоровну станом, (10) как я ее помню).

Мантилью (бархатную или какую-нибудь) – на твой вкус. Полдюжины тонких голландских носовых платков, дамских. 2 чепчика (с лентами по возможности голубыми) не дорогих, но хорошеньких.

Косынку шерстяного кружева (если недорого).

Если требования эти покажутся тебе требованиями, если тебе сделается смешно, читая этот реестр оттого, что я прошу чуть ли не на 100 руб. сер<ебром> – то засмейся и откажи. Если ж ты поймешь всё желание мое сделать ей этот подарок и то, что я не удержался и написал тебе об этом, то ты не засмеешься надо мной, а извинишь меня. – Но прощай! Целую тебя от всей души. Пожелай мне счастья, добрый друг мой. Обнимаю тебя.

Кланяйся Эмилии Федоровне, целуй детей и, ради Христа, отвечай на это письмо тотчас же.

Твой брат Ф. Достоевский.

Поздравляю тебя с наступающим Новым годом. Дай бог тебе более успеха.

(1) выше было: 15-го

(2) было: кажешься

(3) далее было: хоть

(4) далее было: моих

(5) далее было: В 1-е же время

(6) было: любящем меня

(7) было: 1000

(8) было: вздумается

(9) было: выше среднего

(10) далее было начато: в мое вр<емя>

117. В. М. КАРЕПИНОЙ

22 декабря 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 22 декабря 56.

Милый, добрый друг мой,
любезнейшая сестра Варенька!

Может быть, ты удивляешься, что так долго не получаешь от меня письма и уведомления в получении от тебя денег. Друг мой, были некоторые обстоятельства, которые задержали меня. Мне хотелось подождать окончания их, ибо я предчувствовал что надо объяснить это дело и тебе; так чтоб написать всё вместе, разом. За деньги же (200 руб. сереб<ром>) благодарю тебя и всех вас, дядюшку и тетеньку особо. Расцелуй тоже за меня и Вериньку. Я перед ней крайне виноват. До сих пор не написал ей! Но ты сама увидишь, что я был несколько занят. Я всем напишу, а теперь, покамест, выслушай то, о чем уже давно хотел написать тебе. Вот в чем дело: история несколько длинная и потому нужно начать сначала за два года назад. Приехав в 54-м году из Омска в Семипалатинск, я познакомился с одним здешним чиновником Исаевым и его женой. Он был из России, человек умный, образованный, добрый. Я полюбил его как родного брата. Он был без места, но ожидал скорого помещения своего вновь на службу. У него были жена и сын. Жена его, Мария Дмитриевна Исаева женщина еще молодая, и он приняли меня у себя как родного. Наконец после долгих хлопот он получил место в городе Кузнецке, в Томской губернии, от Семипалатинска 700 верст. Я простился с ними и расставаться - мне было тяжелее чем с жизнью. Это было в мае 55 года. Я не преувеличиваю. Приехав в Кузнецк, он, Исаев, вдруг заболел и умер, оставив жену и сына без копейки денег, одну на чужой стороне, без помощи, в положении ужасном. Узнав о том (ибо мы переписывались), я занял и послал ей на первый случай денег. Я был так счастлив, что она приняла от меня! Наконец она успела списаться с своими родными, с отцом своим. Отец ее живет в Астрахани, занимает там значительную должность (директор карантина), в значительном чине и получает большое жалованье. Но у него на руках еще три дочери, девушки, и сыновья, в гвардии. Фамилия отца Констан. Он внук французского эмигранта, в 1-ю революцию, дворянина, приехавшего в Россию и оставшегося жить в ней. Но дети его, по матери, русские. Мария Дмитриевна старшая дочь, и ее отец любит больше всех. Но, кроме жалованья, у него ничего нет, и более 300 руб. сереб<ром> он ей не мог выслать. Но крайней мере, она уже ни в чем не нуждалась с тех пор, как написала родным о том, что лишилась мужа. Отец звал ее в Россию. Но ей не хотелось ехать прежде помещения своего 8-летнего сына в Сиб<ирский> кадетский корпус. Поехав же с сыном в Астрахань, ей не на что было бы воспитать сына. Там надо платить, а денег у нее не было. Отец бы не оставил, но он очень стар и, кроме жалованья, ничего не имеет. Если бы он умер, (1) то она осталась бы на хлебнице у сестер. В Сибирском же кадетском корпусе дают воспитанье превосходное, выпускают лучших учеников в артиллерию, с обязанностью прослужить в Сибири только три года. Короче, она решила остаться. Я имею здесь много знакомых. В Омске были люди, занимавшие довольно значительные должности, меня знавшие и готовые от всей души сделать для меня что можно. Я просил об сыне Марьи Дмитриевны; мне обещали, и, кажется, наверно, он будет помещен на будущий год в корпус. Друг мой милый, я пишу тебе подробности, а не написал главное. Я давно уже люблю эту женщину, до безумия, больше жизни моей. Если б ты знала ее, этого ангела, то не удивилась бы. В ней столько превосходных прекрасных качеств. Умна, мила, образованна, как редко бывают образованны женщины, с характером кротким, понимающая свои обязанности, религиозная. Я видел ее в несчастье, когда муж был без места. Не хочу описывать тебе их бывшую нужду. Но если б ты видела с каким самоотвержением, с какой твердостью она переносила несчастье, которое вполне можно назвать несчастьем. Судьба ее теперь ужасна: одна, в Кузнецке, где умер муж ее, бог знает кем окруженная, вдова и сирота в полном смысле слова. Конечно, любовь моя к ней была скрытная и

невысказанная. Я же любил Александра Ивановича, ее мужа, как брата. Но она, с ее умом и сердцем, не могла не понять моей любви к ней, не догадаться об этом. Теперь, когда она свободна (по смерти мужа уже прошло 1 1/2 года) и когда я был произведен в офицеры, первым делом моим было предложить ей выйти за меня замуж. Она знает меня, любит меня и уважает. С тех пор как мы расстались, мы переписывались каждую почту. Она согласилась и отвечала мне да. И если не случится одного обстоятельства (о котором не пишу, долго рассказывать), которое может если не расстроить, то отдалить дело надолго, - то свадьба наша будет уже сделана до 15 февраля, то есть до масленицы. Друг мой, милая сестра! Не возражай, не тоскуй, не заботься обо мне. Я ничего не мог лучше сделать. Она вполне мне пара. Мы одинакового образования, по крайней мере, понимаем друг друга, одних наклонностей, правил. Мы друзья издавна. Мы уважаем друг друга, я люблю ее. Мне 35 лет, а ей двадцать девятый, фамилии она превосходной, хотя и небогатой (она не имеет почти ничего. Впрочем, после матери у нее есть недвижимое имение, дом в Таганроге, но он в ожидании совершеннолетия младшей сестры, только что вышедшей из института, еще не продан и не разделен). Давно уже я писал брату об этом, прося не говорить никому из вас. Но тогда я не имел ни малейших надежд. Теперь, когда я (2) произведен, мне позволительно иметь надежды на дальнейшее устройство судьбы моей; а милость монарха неисчислима. Знаю, Варенька, что первый вопрос твой, как доброй сестры, любящей и заботящейся о судьбе брата, будет: "Чем же будешь ты жить?" ибо, конечно, жалованья недостаточно для двух. Но, во-1-х, моя жена многого не потребует; она со взглядом здравым на жизнь; она была в несчастьи, она переносила его гордо и терпеливо; по крайней мере, она не мотовка, будь уверена, а, напротив, хозяйка превосходная, а во 2-х) если не жить в Петербурге и в Москве, то мне вполне достаточно 600 руб., серебром в год. Где же я их возьму? Но ты знаешь, Варенька, все мои цели. Я надеюсь на бога и на царя. Я надеюсь твердо, что мне позволят (и скоро) быть понятым, писать и печатать. Подожди, друг мой, еще услышишь обо мне и хорошо услышишь. У меня уже теперь есть написанное, и если позволят напечатать, то будет по крайней мере на 1000 рублей серебром. Вот моя и карьера. Теперь труд давно уже вознаграждается. Себя же я насиловать не буду, как прежде, не буду срамить себя и писать мерзости, через силу, для доставления статей в срок, по контрактам. (Эта работа всегда убивала во мне все силы, и никогда я не мог написать ничего дельного.) Но теперь дело другое. Материалов у меня бездна. Мысли мои прояснили и установились. То, что я напишу, уже, конечно, не откажут напечатать в журналах, а, напротив, примут с радостью. Я это знаю наверно. Конечно, я могу заработать без труда большого несравненно более шестисот рублей в год. Но я кладу только 600 на свои потребности и буду иметь их. Если же я это не удастся, то в Сибири (3) такая нужда в людях честных и что-нибудь знающих, что им дают места (частные, например, у золотопромышленников) с огромными жалованиями. И я знаю наверно, что мне не откажут, а, напротив, примут меня с радостью. Одним словом, я не пропаду. Но покамест, пока служу, по крайней мере на этот год, надо чем жить. Рассчитав всё (ибо надо завести и квартиру и какую-нибудь мебель, и одеться мне и ей, и послать ей денег на выезд и заплатить за свадьбу), на всё это надо мне 600 рублей серебром. Здесь есть один из моих знакомых, человек, с которым я сошелся по-дружески, богатый и добрый. Я намерен попросить у него займы, не скрывая от него моих обстоятельств, надежд и прямо объявив, что могу заплатить ему только через год, через 2. Иначе я занимать не буду. Я почти уверен, что он даст мне. Но этот долг надобно отдать. Это священный

долг. И потому я намерен обратиться к дядюшке, написать ему письмо, изложить всё без утайки и попросить у него 600 рублей серебром. Может быть, и даст – и тогда я спасен. Если б не короткий срок, оставшийся до свадьбы (я не хочу и не могу откладывать до после святой), то я бы прямо обратился к дяденьке. Если даст дядюшка, то да будет он благословен! Он меня спасет от беды, ибо тяжело иметь на плечах долг в 600 рублей серебром. Если же не даст – его воля! Он так много сделал для нас, сестрица, он до такой степени заменил нам своими благодеяниями отца, что мне грешно было бы роптать на него. Объяви обо всем этом ангелу тетушке и скажи, чтоб благословила меня. Письмо к дядюшке посылаю не с этой почтой, и делаю это нарочно, чтоб предупредить заранее тебя и тетушку, которая верно поможет мне. Письмо к дядюшке я посылаю по почте. Оно будет надписано моей рукой. Ради бога, подайте ему это письмо сами, в добрую минуту, и объясните его. Будь уверена, что письмо будет написано превосходно. Тебе же не так трудно будет, ангел мой Варенька, представить дядюшке, что женитьба моя не совсем нелепость; ибо факты говорят сами за себя. Пойми, друг мой! Я до сих пор еще, да и вечно, буду под надзором, под недоверчивостью правительства. Я заслужил это моими заблуждениями. Поверь же, что человеку, остепенившемуся, женившемуся, следовательно, изменившему свое направление в жизни, поверят более, чем свободному как ветер. Возьмут в соображение, что женатый человек не захочет жертвовать судьбою семейства и не увлечется пагубными идеями так же скоро, как и молодой человек (каким был я), зависящий только от себя. А я ищу снискать доверие правительства; мне это надобно. В этом вся судьба моя, и я уже конечно скорее достигну цели моей, хотя бы не пришлось позволение писать и печатать.

Прощай, мой ангел, не беспокойся обо мне и прими мою сторону. Знай, что я уже давно решил эту женитьбу, что это думано и передумано 1 1/2 года, хотя я не имел положительных надежд до производства, и что теперь я ни за что не отстану от моего намерения. Целую тебя 1000 раз, перецелуй детей, Вериньку и скажи тетушке, что я считаю ее за ангела-хранителя моего. Непременно покажите дядюшке письмо мое. Не распечатывайте его раньше. Прощай, мой голубчик. Письмо к дядюшке придет в следующую почту наверно. Поздравляю всех вас с наступающими праздниками.

Твой брат Достоевский.

Александру Павловичу передай мой поклон. Про него так много говорят и пишут хорошего, что я полюбил его не видав.

(1) было: Если он умрет

(2) было: будучи

(3) далее было начато: столько

118. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (СУСАННЕ)

22 декабря 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 22 декабря 56.

Милостивая государыня Сусанна (1)

Спешу поблагодарить Вас за доброе, милое письмо Ваше ко мне. Вы им доказали, что не забываете старых друзей, а память о друзьях – бесспорно признак прекрасного сердца. Вы мне пишете о Вашей потере. Конечно, тяжело лишиться тех, кто нам так близки. Я это очень хорошо понимаю и потому вполне Вам сочувствую. Вы пишете, что Вам скучно; но да утешат Вас те, которым Вы посвящаете все заботы Ваши. Дай бог Вам видеть радость в

семействе своем! Мы здесь тоже живем ни скучно, ни весело. Это правда, что у нас много переменялось в Семипалатинске. Но наша домашняя жизнь осталась почти без перемены. Семейных домов у нас нет или очень мало. Наехала бездна народу одинокого. Все, начиная с губернатора, холостые. А только семейное общество придает физиономию городу. Тут только и может быть разнообразие жизни. Холостой же круг вечно всегда и везде живет одинаково. Однако у нас бывают и балы и праздники. Вы подробно описывали впечатления Ваши при въезде бесценного монарха нашего в столицу, для коронованья. Всё это, будьте уверены, отозвалось по всей России, от Петербурга до Камчатки; не миновало и Семипалатинска! Всё общество наше устроило бал, по подписке, и день празднования коронации у нас проведен был и торжественно и весело. Дай бог царю многие лета.

Да, конечно, если б Вы когда-нибудь приехали в Семипалатинск, то конечно не узнали бы его. Он даже обстроился лучше. Но правда Ваша: прошедшее всегда милее настоящего. Вы сами с грустью сознаетесь в том, говоря, что я Вам напомнил прошедшее письмом моим. Вы спрашиваете о Пешехонове. Они живы и здоровы. Он, конечно, уже не служит больше, живет на хуторе (помните, возле бора). На нем были долги, и для заплаты их он свой дом продал и выстроил себе другой, который отдает внаем. Софье (2) прошу от меня поклониться. Марье же Ивановне я пишу особо. Прощайте; дай бог Вам всякого счастья, а я пребываю с уважением и преданностью Вам.

(1) в подлиннике пропуск: оставлено место для отчества

(2) в подлиннике пропуск: оставлено место для отчества

119. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (МАРИИ ИВАНОВНЕ)

22 декабря 1856. Семипалатинск

Милостивая государыня Марья Ивановна,
Позвольте приписать и Вам несколько строк. Из письма Сусанны (1) я вижу, что Вы живы, здоровы и даже помните старых друзей, таких, как я н<a>прим<ер>, которому, надеюсь, Вы позволите именоваться другом Вашим. Да благословит Вас за это господь и да наградит всеми благами. С каким удовольствием читал я письмо Сусанны. Если она пишет, что я, своим письмом, напомнил ей прошедшее, то, конечно, и ее письмо воскресило во мне давно прожитое. Как-то лучше было в прошедшем! Как-то Вы проводите время. Весело ли Вам? Уж конечно, если когда-нибудь буду в Москве, то не миную друзей и почту за особенное удовольствие быть у Вас. Да и дай бог поскорей побывать в России. Там, в России, чувствуешь себя как бы дома. Всё это установившееся, оседлое. Тогда как характер наших сибирских городков - это внезапный наплыв общества, съезд чиновник<ов>, и потом при 1-й перемене властей в Сибири всё это исчезает так же быстро, как и явилось, уступая место другим. Впрочем, у нас не то чтобы очень скучно. Только Вас нет с нами. Я бы с удовольствием воротился назад тому лет на пять. Не смейтесь над желанием. Ведь так естественно пожелать этого! Прощайте. Храни Вас бог и пошли Вам всего лучшего. Может быть, до свидания. Кто знает! Может быть, и увидимся когда-нибудь. В ожидании же примите уверение в чувствах уважения и преданности, с которыми имею честь пребыть

Вашим всегдашним слугою. 22 декабря 56 года. Семипалатинск.

(1) в подлиннике пропуск: оставлено место для отчества

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды
Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание
корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения.
Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!